

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations

• 14(2) • 2021

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе и международному сотрудничеству МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра исследований политических элит ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Research and Global Engagement MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief.

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Senior research fellow of Center for Political Elite Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 13,44 усл. п.л. Заказ № 509.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 14(2) • 2021

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Мировая политика и экономика в эпоху коронавируса

- 7 Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. – Глобальное управление в вопросах противодействия биогенным угрозам
- 22 Арсентьева И.И. – Политический дискурс стигматизации Китая в контексте пандемии COVID-19
- 47 Смирнов Е.Н. – Противоречия и приоритеты постпандемического восстановления глобальной экономики
- 72 Нарышкин А.А. – Финансовые и нефинансовые инструменты поддержки экспорта

Дипломатия в современном мире

- 92 Reinhardt R.O. – Russian Science Diplomacy at a Crossroads

- 107 Мелкумян Е.С. – Израиль во внешней политике ОАЭ: от конфронтации к нормализации

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 119 Платонова И.Н. – Евразийская интеграция сквозь призму истории евро
- 130 Колпаков К.О. – Научная дипломатия в период «холодной войны»

Table of Contents • 14(2) • 2021

RESEARCH ARTICLES

World politics and economy in the era of coronavirus

- 7 Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A. – Global Governance of Biogenic Threats
- 22 Arsenyeva I.I. – Political Discourse on China's Stigmatization in the Context of COVID-19 Pandemic
- 47 Smirnov E.N. – Post-Pandemic Recovery of the Global Economy
- 72 Naryshkin A.A. – Financial and Non-Financial Support of Export

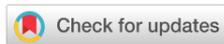
Diplomacy in the modern world

- 92 Reinhardt R.O. – Russian Science Diplomacy at a Crossroads

- 107 Melkumyan E.S. – Israel in Foreign Policy of the United Arab Emirates: from Confrontation to Normalization

BOOK REVIEWS

- 119 Platonova I.N. – Eurasian Integration in light of the Euro's History
- 130 Kolpakov K.O. – Scientific Diplomacy as an Element of the Cold War

Глобальное управление в вопросах противодействия биогенным угрозам

М.М. Лебедева, Д.А. Кузнецов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Вирус SARS-CoV-2, вызвавший пандемию в 2020 г., явился вызовом не только медицинского, экономического и социального характера, но и, в том числе, вызовом международной безопасности и международному сотрудничеству. В настоящее время становится очевидным, что проблема нынешней пандемии не ограничивается отдельными государствами и регионами и имеет потенциал влияния на всю политическую организацию современного мира. Анализируя, какую роль пандемия COVID-19 играет в современной мировой политике, авторы опираются на концепцию трансформации системы мировой политической организации мира, а также концепцию глобального управления и мегатрендов мировой политики, ключевым из которых является глобализация. Авторы статьи рассматривают опыт отдельных глобальных и региональных объединений, являющихся элементами глобального управления, в функции которых входит реагирование и на вызовы биогенного характера, выявляя несколько важных тенденций, среди которых – интенсификация ранее зародившихся трендов, усиление изоляционизма, усиливающаяся политическая фрагментация мира, деструктивное влияние коронакризиса на глобализацию, но с секторальной поляризацией в экономике, новое соотношение сотрудничества и конкуренции в международных отношениях. Вместе с тем показывается безальтернативность международной кооперации в решении проблем глобального характера, что вряд ли может свидетельствовать о конце глобализации и триумфе дезинтеграции и дедемократизации. Авторы рассуждают об обострившейся необходимости реформирования глобального управления, так как усилия отдельных международных объединений не могут привести к преодолению вызовов глобального характера, а национально-центристский подход к решению глобальных проблем доказывает свою неэффективность и безответственность. В результате речь идёт о безальтернативности идеи формирования системы глобального управления, которое должно быть ориентировано на сотрудничество и взаимодействие государств, международных организаций и институтов, а также структур бизнеса и академических сообществ, то есть опираться на многосторонность и многоуровневость. Авторы убеждены в необходимости разработки проекта «идеального будущего» с учётом выявленных тенденций трансформации политической организации мира и действий мегатрендов, что подразумевает дальнейшее развитие научных исследований и дискуссий, а также серии международных переговорных форумов по будущему устройству мира и соответствующему ему глобальному управлению.

УДК 327.7

Поступила в редакцию: 02.12.2020 г.

Принята к публикации: 02.03.2021 г.

Ключевые слова: глобальное управление, мировая политика, COVID-19, пандемия, коронавирус, международные организации, коронакризис, мировой порядок

Вызовы COVID-19: постановка проблемы

Пандемия COVID-19, затронув все без исключения области мировой политики, стала, безусловно, потрясением для современного мира. Неслучайно, что по прошествии относительно небольшого времени с момента объявления ВОЗ о пандемии начали появляться аналитические материалы, посвящённые данной проблеме, которые охватывали различные её аспекты – медицинские, экономические, правовые, социальные и многие другие. Среди них значимое место занимают международно-политические (мирополитические) проблемы, обусловленные бушующей пандемией и вызываемой ею перестройкой в самых разных областях. Это демонстрирует, что в настоящее время с мировой политикой связаны практически все сферы современной социальной жизни. Так, относительно недавно высшее образование не было в фокусе внимания исследователей в области мировой политики, а медицинские вопросы в основном всё же оставались на периферии научных интересов большинства исследователей. Сегодня ситуация коренным образом изменилась: мировая политика становится связующим звеном различных дисциплин, включая вопросы медицины.

Публикации по международным отношениям и мировой политике в связи с пандемией COVID-19 охватывают очень широкий круг проблем. Среди них – социально-политические, обострившиеся в связи с пандемией в самых отдалённых регионах мира, особенно в развивающихся странах¹, трансформация мирового порядка², роль национальных государств в борьбе с пандемией (Громыко 2020b), вопросы «мягкой» безопасности (Hossain, Islam 2020) и целый ряд других.

Пандемия COVID-19 представляет собой глобальную проблему, которая возникла внезапно, что явилось её отличительной чертой и поставило перед миром проблему поиска путей быстрого реагирования. Ряд исследователей отмечает, что существующие международные институты, в том числе ВОЗ, ООН, «Группа двадцати» и другие не справляются или плохо справляются с возникшей проблемой. Так, А. Кортуннов пишет, что «по мере ухудшения глобальной эпидемиологической обстановки становилось всё более ясным, что роль эффек-

¹ Casola C. 2020. The Social Impact of the Covid-19 Crisis in Africa. *ISPI*. 02.11. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/social-impact-covid-19-crisis-africa-27642> (accessed 17.04.2021)

² Fukuyama F. 2020. The Pandemic and Political Order. It Takes a State. *Foreign Affairs*. 2020. July / August. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order> (accessed 17.04.2021); Кортуннов А. 2020. Кризис миропорядка и будущее глобализации. *РСМД*. 27.08. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/krizis-miroporyadka-i-budushchee-globalizatsii/> (дата обращения 17.04.2021)

тивного глобального штаба по борьбе с пандемией не готовы взять на себя ни Совет Безопасности ООН, ни «Группа двадцати». Внутри таких объединений как ЕС, АСЕАН, ЕАЭС с самых первых недель пандемии выявились различные, подчас существенно расходящиеся национальные стратегии противостояния коронавирусу³. Действительно ли существующие международные институты оказались неспособными эффективно противостоять внезапно возникшим биогенным угрозам? И, если так, то в чём может заключаться причина?

Часто отвечая на подобные вопросы, авторы публикаций видят причину недостаточной эффективности международных институтов в необходимости усовершенствовать конкретный институт или организацию. Например, Дж. Киртон отмечает: кризис, обусловленный COVID-19, «показывает, что архитектура “Группы двадцати” нуждается в дальнейшем укреплении путём институционализации встреч министров окружающей среды и здравоохранения, приглашения на саммиты глав органов ООН, занятых вопросами изменения климата, биоразнообразия, окружающей среды и здравоохранения и лидеров ключевых стран, не входящих в “двадцатку”, предоставления ООН и Всемирной организации здравоохранения того же статуса в ней, что и МВФ и Всемирному банку...» (Киртон 2020).

Представляется, что проблема оказывается гораздо сложнее, чем корректировка деятельности лишь отдельных институтов и международных организаций. Встаёт вопрос о формировании новых подходов к глобальному управлению в современном мире, на что всё чаще обращают внимание различные исследователи (Ларионова, Киртон 2020)⁴. Исследовательский вопрос в данном случае заключается в следующем: что лежит в основе необходимости реорганизации международных институтов глобального управления, особенно в современных условиях пандемии – иными словами, почему COVID-19 обострил вопрос о необходимости глобального управления? В качестве гипотезы выступает утверждение, согласно которому вирус SARS-CoV-2 выступил лишь усилителем мирополитических процессов, получивших развитие в конце XX – начале XXI вв. и поставил проблему реорганизации глобального управления.

Глобальное управление в эпоху COVID-19: деятельность международных организаций и институтов

Пандемия COVID-19 стала серьёзным вызовом для международных организаций и институтов, прежде всего для ВОЗ, а также для ООН и региональных организаций в связи с проблемами безопасности, сохранением жизни и здоро-

³ Кортуннов А. 2020. Кризис миропорядка и будущее глобализации. *ПСМД*. 27.08. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/krizis-miroporyadka-i-budushchee-globalizatsii/> (accessed 17.04.2021)

⁴ Кортуннов А. 2020. Кризис миропорядка и будущее глобализации. *ПСМД*. 27.08. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/krizis-miroporyadka-i-budushchee-globalizatsii/> (accessed 17.04.2021)

вья населения, а также необходимости поддержания функционирования экономики. Международным организациям и институтам действовать пришлось в необычных кризисных условиях.

Коронакризис обострил внутренние проблемы в Организации Объединённых Наций. Несмотря на то, что 25 марта 2020 г. был запущен глобальный план гуманитарного реагирования на COVID-19, а 2 апреля принята первая резолюция Генеральной Ассамблеи ООН по пандемии, призывающая к широкому международному сотрудничеству, эффективность Организации была поставлена под вопрос в связи с обострением кризиса ликвидности и изоляционистской политикой крупнейшего донора – Соединённых Штатов Америки (Trump Administration... 2020). Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш дал старт «Плану ответных действий ООН на пандемию COVID-19», основными принципами которого являются широкомасштабные меры реформирования систем здравоохранения при координирующей роли Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), приоритет сохранения жизни людей и источников средств к существованию, прекращение огня в вооружённых конфликтах, борьба с дезинформацией и активное вовлечение гуманитарных организаций⁵. На достижение целей были нацелены несколько фондов с общими потребностями более чем в 10 млрд долл. Учитывая характер межгосударственных отношений в предпандемический период, обострение отношений между ведущими государствами, угрозы США выйти из ВОЗ и пересмотреть бюджетную политику ООН, а также общие системные финансовые проблемы Организации реализация данного плана представляется маловероятной. По данным на ноябрь 2020 г. из требуемого финансирования мобилизовано было менее 50% средств⁶.

Важно подчеркнуть, что все организации «семьи ООН» подключились к программам реагирования на глобальный вызов, связанный с пандемией. Так, например, помощь государствам, находящимся в наиболее уязвимом положении, отказывается при содействии Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), Международной организации по миграции (МОМ), Программы развития ООН (ПРООН), Программы ООН по населённым пунктам (ООН-Хабитат), Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ)⁷ и других организаций и программ.

Безусловно, наиболее заметную роль среди них играет Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Вместе с тем именно она и стала объектом самой жёсткой критики. Это связано не только с обвинениями Организации со стороны президента США Д. Трампа в «сокрытии масштабов заболевания в

⁵ UN Response to COVID-19. 2020. *United Nations official page*. URL: <https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/un-comprehensive-response-to-covid-19.pdf> (accessed 17.04.2021)

⁶ Комплексное реагирование системы Организации Объединённых Наций на COVID-19: спасение людей, защита общества, более эффективное восстановление. ООН. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/un_comprehensive_response_to_covid-19_exec_summary_russian.pdf (дата обращения 17.04.2021)

⁷ Там же.

сговоре с Китаем» и объявлением им о выходе США из состава ВОЗ (Trump Administration... 2020). Критика ВОЗ возникла и в связи с поздним реагированием на биогенный вызов (пандемия была признана и объявлена лишь 11 марта 2020 г.⁸) и низкой эффективностью в вопросах координации межгосударственных усилий⁹. Однако здесь также своё негативное отражение получила тенденция к деглобализации, начавшаяся ещё до пандемии, проблема неготовности государств к формированию многоуровневой системы глобального управления. Что касается самой ВОЗ, то её функции, ограниченные её межправительственной природой, сводятся лишь к аналитической и координирующей деятельности. Организация, лишённая права принимать директивные решения даже в случае глобальных вызовов уровня COVID-19, ещё и ставшая «разменной картой» в противостоянии США и Китая, вряд ли может продемонстрировать большую эффективность.

«Группа двадцати» заявила о своей готовности к активной и деятельной борьбе с новым вызовом совместно с другими международными организациями (ООН, ВОЗ, МВФ, Группа всемирного банка и др.), а также подтвердила своё обязательство по восстановлению экономического роста и стабильности в постпандемическом мире¹⁰. Однако в силу как собственных структурных особенностей (отсутствие юридического статуса, организационной структуры, действующих международных институтов), так и вышеуказанных межгосударственных проблем и противоречий, роль и потенциал «Группы двадцати» в данной ситуации остаётся довольно низкими. Подобно «Группе семи» (которая собралась на экстренный виртуальный саммит по вопросу COVID-19 16 марта 2020 г.¹¹) в «Группе двадцати» не было согласовано никакого комплексного плана или конкретных инициатив по борьбе с пандемией и преодолению экономического спада.

Многие эксперты с нетерпением ждали саммита БРИКС (также виртуального), который был организован Россией в ноябре 2020 г., надеясь услышать от лидеров пятёрки собственных прорывных решений¹². Необходимо отметить, что сотрудничество в рамках данной трансрегиональной ассоциации по вопросам здравоохранения развивается уже около семи лет. В частности, ещё пять лет назад были созданы рабочие группы и проекты по совместной борьбе с рас-

⁸ Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19. 2020. ВОЗ. Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/29-06-2020-covidtimeline> (дата обращения 17.04.2021).

⁹ Kuznetsova L. 2020. COVID-19: The World Community Expects the World Health Organization to Play a Stronger Leadership and Coordination Role in Pandemics Control. *Frontiers*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2020.00470/full> (accessed 17.04.2021)

¹⁰ Extraordinary G20 Leaders' Summit Statement on COVID-19. 2020. ILO. URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/how-the-ilo-works/multilateral-system/g20/leaders-summits/saudi-arabia/WCMS_740066/lang--en/index.htm (accessed 17.04.2021)

¹¹ G7 leaders' Statement on COVID-19. 2020. *European Council of the EU*. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/03/16/g7-leaders-statement-on-covid-19/#> (accessed 17.04.2021)

¹² Сулов Д., Панова В., Бордачёв Т. 2020. БРИКС и пандемия соперничества. *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. 23.04. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/briks-i-pandemiya-sopernichestva/> (дата обращения 17.04.2021)

пространением туберкулеза и «коронавирусов нового типа»¹³. Россия, Индия и Бразилия достигли предварительного согласия о проведении клинических испытаний российской вакцины «Спутник-V», а с Китаем и Индией – об открытии центров производства российского препарата как для собственных граждан, так и для третьих стран¹⁴. Кроме того, в течение кризисного года Новый банк развития БРИКС предоставил несколько кредитов для государств-членов в целях борьбы с последствиями пандемии¹⁵. Однако странам не удалось выдвигать какую-либо инициативу по глобальному реагированию на коронакризис.

Сложным образом развивалась ситуация и в региональных интеграционных объединениях. Несмотря на то, что ещё 13 февраля 2020 г. прошло чрезвычайное заседание Совета Европейского союза (ЕС) по вопросам здравоохранения¹⁶, странам-членам понадобился почти месяц для согласования механизма комплексного реагирования на кризис. За это время вирус уже значительно ударил по национальным системам здравоохранения в ЕС. Сложности в согласовании антикризисного плана, проекта «коронных облигаций», вызвавшего споры между ключевыми странами-членами ЕС, накладывалась на трудности, связанные с выходом Великобритании из Союза, что привело к одному из самых тяжёлых экономических и социально-гуманитарных шоков для современной Европы¹⁷. И хотя вопрос об устойчивости политических институтов ЕС и европейской интеграции не ставится, последствия пандемического кризиса для региона будут иметь долгосрочные последствия, что вызвано, в частности, и неспособностью остановить распространение вируса.

Высокую оценку региональных инициатив и межгосударственной координации получила Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Несмотря на свою географическую, экономическую и гуманитарную близость с Китаем, странам региона в целом удалось сдержать распространение пандемии. Тем не менее на текущий момент они не сформировали работающий региональный план по преодолению коронакризиса. Об этом свидетельствует тот факт, что ряд государств (Сингапур, Индонезия) смогли быстро оживить экономику, в то время как другим это не удаётся. Вместе с тем подписание 15 ноября 2020 г. Соглашения о создании Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП)¹⁸ – крупнейшей в мире зоны свободной торговли, усили-

¹³ Путин оценил принятые БРИКС меры по борьбе с коронавирусом. 2020. *РИА Новости*, 17.11. URL: <https://ria.ru/20201117/briks-1585007055.html> (дата обращения 17.04.2021)

¹⁴ С БРИКС по нитке: страны объединяются против COVID-19 и терроризма. 2020. *Известия*. 17.11. URL: <https://iz.ru/1088458/dmitrii-laru/s-briks-po-nitke-strany-obediniautsia-protiv-covid-19-i-terrorizma> (дата обращения 17.04.2021)

¹⁵ New Development Bank in BRICS Summit. *NDB*. URL: <https://www.ndb.int> (accessed 17.04.2021)

¹⁶ EU Health Ministers Hold Coronavirus Meeting – As It Happened. 2020. *Deutsche Welle*. 13 February. URL: <https://www.dw.com/en/eu-health-ministers-hold-coronavirus-meeting-as-it-happened/a-52362168> (accessed 17.04.2021)

¹⁷ Hadjimichalis C. 2020. An Uncertain Future for the Post-Brexit, Post-COVID-19 European Union. *European Urban and Regional Studies*. 1-6. 6 p. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0969776420968961> (accessed 17.04.2021)

¹⁸ Signing Ceremony for the RCEP Agreement. 2020. *RCEP Official Site*. URL: <https://rcepsec.org> (accessed 17.04.2021)

вающей одновременно и китайский региональный порядок, и асеаноцентричность интеграции в макрорегионе – свидетельствует о продолжающемся поиске эффективных региональных инициатив.

Для Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК) новый коронавирус неожиданно стал шансом на оживление интеграции. Находящийся в тупике интеграционный проект получил новые стимулы в связи с активизацией усилий по сотрудничеству в области здравоохранения и проектов совместного фонда по борьбе с пандемией¹⁹. Однако, в силу политических противоречий между странами-участницами реальное региональное сотрудничество вряд ли будет развиваться. На создание специальных чрезвычайных фондов, нацеленных на преодоление социально-экономических последствий коронавируса, ориентировались и другие региональные блоки – например, Африканский союз и Меркосур²⁰. Однако, вся совокупность региональных усилий не смогла значительно повлиять на преодоление глобального вызова.

Вышеуказанные кейсы реагирования на новый биогенный вызов глобального масштаба со стороны крупных глобальных, трансрегиональных и региональных организаций позволяет говорить о нескольких «сбоях» глобального управления. Во-первых, в результате изоляционистской политики целого ряда крупных государств (а в отдельных случаях – на примере США – и прямого их противостояния глобальным инициативам), в результате запоздалого реагирования, приведшего к масштабному закрытию национальных границ, мир оказался разобщённым. Во-вторых, порождённый пандемией коронакризис поразил не только мировую экономику, которая потенциально переживает наиболее острый кризис со времён «Великой депрессии»²¹, но и мировую политику, обострив отношения между крупными игроками, усложняя политическую фрагментацию²², а также усиливая деструктивные эффекты деглобализации, дезинтеграции и дедемократизации (Zakharina 2020). В результате пандемия поставила перед мировым сообществом острые вопросы, связанные с необходимостью реформирования глобального управления. Как показала практика, усилия лишь региональных, отдельных объединений не могут привести к решению вызовов глобального характера, что ещё раз подтверждает не только необходимость поддержания глобальных институтов с центральной ролью ООН, но, более того, подчёркивает неэффективность и безответственность национально-

¹⁹ Shubham Kr.G. 2020. Are Regional Organizations Handling The Pandemic Crisis Better? *Diplomatist*. 20 April. URL: <https://diplomatist.com/2020/04/20/are-regional-organizations-handling-the-pandemic-crisis-better/> (accessed 17.04.2021)

²⁰ Más fondos del Mercosur para combatir el COVID-19. 2020. *MERCOSUR Official Site*. URL: <https://www.mercosur.int/mas-fondos-del-mercosur-para-combatir-el-covid-19/> (accessed 17.04.2021)

²¹ Bremmer I. 2020. The Next Global Depression Is Coming and Optimism Won't Slow It Down. *TIME*. 6 August. URL: <https://time.com/5876606/economic-depression-coronavirus/> (accessed 17.04.2021)

²² Document de référence: La Covid-19 dans le contexte des déplacements forcés – Perspectives du Moyen-Orient et d'Afrique de l'Est. 2020. *Institute of Development Studies*. 6 July. URL: <https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/handle/20.500.12413/15504> (accessed 17.04.2021)

центристского подхода к решению глобальных проблем²³, безальтернативность формирования системы глобального управления на настоящем этапе развития человеческой цивилизации.

Влияние современных мегатрендов и трансформации политической организации мира на глобальное управление

Несмотря на то, что объявление ВОЗ о пандемии в марте 2020 г. и развитие смертельно опасного заболевания побудили руководства государств прибегнуть к изоляционизму (межгосударственные границы оказались закрыты или, по крайней мере, их прозрачность была в значительной степени ограничена), тенденции к изоляционизму появились ещё до пандемии²⁴. Особенно чётко они проявились в доковидной внешней политике администрации Д. Трампа. О росте изоляционистских настроений говорили также и в связи с выходом Великобритании из Европейского союза, и в контексте политики президента Бразилии Ж. Болсонару, который призвал защитить Бразилию от глобализации, и т.д. Основываясь на наличии изоляционистских явлений в мировой политике, целый ряд исследователей стал заявлять о деглобализации современного мира²⁵, конце глобализации и либерального миропорядка (Казаринова 2018)²⁶, наступлении эры возврата к национальному государству (Громыко 2020b) и т.п. Так ли это? И как это может повлиять на глобальное управление?

Прежде всего, необходимо уточнить, что следует понимать под либеральным мировым порядком и глобализацией. Понятия либеральной идеи и либерального мирового порядка широко используются в современном дискурсе и трактуются неоднозначно (Громыко 2020a; Лебедева 2020). В отличие от многих исследований, в которых мировой порядок определяется как та или иная конфигурация сил и взаимоотношений ведущих государств мира, или доминирование США / Запада, в данном случае мировой порядок понимается как ряд принципов, в частности таких, как рациональность, выработка и соблюдение норм поведения на международной арене²⁷, а также наличие и активность международных институтов. Такое понимание либерального мирового порядка

²³ Levy D.L. 2020. COVID-19 and Global Governance. *Journal of Management Studies*. 11 October, URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/joms.12654?af=R> (accessed 17.04.2021)

²⁴ См., напр.: (Севастьянов 2017).

²⁵ См., напр.: Борисова А. 2020. Мировая пандемия усилит тенденцию деглобализации. Обзор обсуждения доклада «От глобальной пандемии к благосостоянию для всех: как избежать еще одного упущенного десятилетия». *Международная жизнь*, 05.10. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27661> (дата обращения 17.04.2021)

²⁶ См., напр.: Алексеева-Карневали О. 2020. Сценарии миропорядка будущего: кризис либерального миропорядка и исчерпание ресурсных ниш. *ПСМД*. 17 ноября. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/stsenarii-miroporyadka-budushchego-krizis-liberalnogo-miroporyadka-i-ischerpanie-resursnykh-nish/?sphrase_id=62249106 (дата обращения 17.04.2021)

²⁷ Кортунов А. 2016. Неизбежность странного мира. *Российский совет по международным делам*. 15.07. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neizbezhnost-strannogo-mira/> (дата обращения 17.04.2021)

предполагает, что все государства, в том числе незападные, не намерены принципиально менять существующие в мире институты (Ikenberry 2018) и базовые принципы международных договоров.

Международные институты стали интенсивно развиваться после окончания Второй мировой войны и составили основу глобального управления. При этом национальные государства продолжили и продолжают играть ведущую роль в мировой политике, несмотря на активизацию негосударственных акторов. Однако в мире задолго до пандемии нового коронавируса началась дискуссия о реформе ООН, а также других международных организаций и институтов.

Понятие «глобализация» не менее широко и в разных значениях используется политиками, исследователями, журналистами. Если под глобализацией понимать транспарентность национальных границ государств, то становится очевидным, что это ведёт к интенсификации международных связей и развитию взаимозависимости. Соответственно, закрытие границ связано с изоляционизмом как политикой, которая обуславливает деглобализацию мира. Однако деглобализация не является вектором развития мировой политики, а представляет собой лишь временный «откат» от глобализационного мегатренда (Лебедева 2019).

Наряду с действием мегатренда глобализации с его современным «откатом» продолжается трансформация Вестфальской системы с активизацией негосударственных акторов. Кроме того, сохраняется неустойчивая структура межгосударственных отношений (обсуждаются такие его конфигурации как многополюсность / многоцентричность, новая биполярность, бесполярность, мир-мультиплекс²⁸ и т.п.), наблюдается трансформация политических систем многих государств. Иными словами, с конца XX в. происходит кардинальная трансформация политической организации мира в целом (Лебедева 2016).

Несмотря на то, что пандемия COVID-19 начала развиваться неожиданно и очень быстро, процесс существенной трансформации политической организации мира был очевиден и ранее. Другое дело, что «диагноз» этой трансформации ставился не совсем верный. Точнее, внимание обращалось на различные «симптомы». Соответственно, и «лечение» предлагалось симптоматическое (в том числе, реформирование отдельных международных организаций и институтов), в то время как за кадром оставался сам «синдром».

В результате отсутствия «диагноза» того, что происходит с политической организацией мира, прогнозы о том, как будет развиваться мир после окончания пандемии COVID-19, оказываются часто плохо сопоставимыми, а порой и противоречивыми. Так, Ф. Фукуяма прогнозирует два возможных сценария. Первый, по его мнению, наиболее вероятный, – пессимистический, который предполагает усиление государства, развитие национализма, атаке на либераль-

²⁸ См., напр.: (Бордачёв 2020)

ные идеи – по сути ренационализацию мировой политики. Второй сценарий – оптимистический, согласно которому будут возрождаться либеральные идеи и либеральный мировой порядок²⁹. Свой вариант прогноза предлагает и К. Радд. Он видит будущее мира в развитии процессов хаотизации³⁰, в то время как у Ф. Фукуямы ни первый, ни второй сценарии развития хаотизации не предполагают. Всё дело в том, что К. Радд обращает внимание на трансформацию политической организации мира, которая подвергается хаотизации, в то время как Ф. Фукуяма опирается на процессы глобализации и деглобализации.

Очертания глобального управления в будущем

Таким образом, пандемия коронавируса обострила те процессы, которые проявились еще до её возникновения: стремление ряда стран к изоляционизму, нарастающая разобщенность мира по вопросам глобального управления, продолжающаяся трансформация политической организации мира. Однако в этом обострении выявилась и своя специфика. Во-первых, в экономике произошла значительная секторальная поляризация. Такие области экономики, как туризм, гостиничный и ресторанный бизнес, пассажирские перевозки сильнее всего пострадали от пандемии. В то же время интернет-торговля, индустрия, обеспечивающая интернет-образование и т.п., получили значительное развитие. По всей видимости, такая поляризация скажется не только на экономической сфере, но и на политической. Так, дальнейшее развитие интернет-коммуникации, позволит расширить и интенсифицировать коммуникацию акторов, даст возможность создавать множество профессиональных сетей и платформ, что, в свою очередь, приведёт к дальнейшему развитию глобализации и демократизации мира, поскольку позволит множеству людей, организаций, компаний принимать участие в обсуждении и принятии решений, которые выходят за пределы национальных границ.

Во-вторых, вопросы сотрудничества и конкуренции на мировой арене – ещё один аспект, который актуализировала пандемия COVID-19. В принципе оба эти вида деятельности всегда были и будут оставаться. Однако проблема заключается в их сочетании. Здесь можно обратиться к исследованию Р. Аксельрода, в котором он на основе теории игр сформулировал основные положения взаимовыгодного сотрудничества и показал, что в ходе постоянного взаимодействия участники приходят к взаимовыгодному сотрудничеству (Axelrod 1984). Эта закономерность проявилась и в условиях пандемии. Если на начальных

²⁹ Fukuyama F. 2020. The Pandemic and Political Order. It Takes a State. *Foreign Affairs*. July / August. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order> (accessed 17.04.2021)

³⁰ Rudd K. 2020. The Coming Post-COVID Anarchy. The Pandemic Bodes Ill for Both American and Chinese Power – and for the Global Order. *Foreign Affairs*. May 6. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/usa/2020-05-06/coming-post-covid-anarchy> (accessed 17.04.2021)

стадиях её развития наряду с изоляционизмом наблюдались случаи жёсткого соперничества, то к осени 2020 г. всё больше стало появляться фактов о взаимодействии и взаимопомощи. Статистических данных относительно соотношения соперничества и сотрудничества на мировой арене в условиях пандемии нет. Однако их косвенно можно выявить по интенсивности публикаций, в том числе в СМИ. В начале пандемии государства проявляли настороженные, а то и враждебные отношения в отношении друг с другом. Так, Д. Трамп неоднократно обвинял КНР в сокрытии и развитии пандемии³¹. В свою очередь, Китай заявлял, что это армия США виновна в распространении вируса SARS-CoV-2³². Описывались случаи перехвата средств индивидуальной защиты от вируса³³. В ЕС конкуренция также стала нарастать в начале пандемии. Несмотря на сложную ситуацию с заболеванием в Италии и Испании, страны ЕС не договорились об общем долге в марте 2020 г.³⁴. Отмечалось также, что вирус вообще бросает вызов солидарности ЕС³⁵.

Ситуация стала немного меняться позднее. Несмотря на то, что государства вступили в конкуренцию в связи с разработкой и реализацией на мировых рынках своих противовирусных вакцин, случаев сотрудничества стало больше. Например, отмечается укрепление российско-китайского сотрудничества в условиях пандемии³⁶. Даже в такой сфере как использование вакцин от вируса SARS-CoV-2 намечилось сотрудничество между российской и британско-шведской компаниями³⁷.

Таким образом, есть основания полагать, что международное сотрудничество будет развиваться и тем самым деглобализационные тенденции, обострившиеся в связи с пандемией, будут элиминированы. Однако это не снимает вопроса о необходимости перестройки глобального управления.

Пандемия реально показала, что глобальная угроза может прийти не от какого-то государства или с какой-то территории, как, например, терроризм, а иметь биогенный характер. В этих условиях глобальное управление должно

³¹ Lynch C., Gramer R. 2020. U.S. and China Turn Coronavirus into a Geopolitical Football. *Foreign Policy*. March 11. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/11/coronavirus-geopolitics-china-united-states-trump-administration-competing-global-health-response/> (accessed 17.04.2021)

³² Steven L.M. 2020. China Spins Tale That the U.S. Army Started the Coronavirus Epidemic. *The New York Times*. March 17. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/13/world/asia/coronavirus-china-conspiracy-theory.html> (accessed 17.04.2021)

³³ Новое пиратство: США перехватили у Германии, Франции и Канады миллионы медицинских масок, заплатив дороже и наличными. *News.Ru*. URL: https://m.newsru.com/world/06apr2020/pirat_covid.html (дата обращения 17.04.2021)

³⁴ Хачатрян К. 2020. Саммит ЕС: об общем долге не договорились. *Euronews*. 27 марта. URL: <https://ru.euronews.com/2020/03/27/eu-summit-reaxs> (дата обращения 17.04.2021)

³⁵ Барсуков П. 2020. Вирус бросает вызов солидарности в ЕС. *Euronews*. 29 марта. URL: <https://ru.euronews.com/2020/03/29/eu-coronavirus-threatens-solidarity> (дата обращения 17.04.2021)

³⁶ Ли Юнхуэн. 2020. Испытание выдержали. Пандемия только укрепила китайско-российские отношения. *Российская газета*. 30 августа. 30.08.2020. URL: <https://rg.ru/2020/08/30/pandemiia-tolko-ukrepila-kitajsko-rossijskie-otnosheniia.html> (дата обращения 17.04.2021)

³⁷ AstraZeneca заявила о сотрудничестве с разработчиками вакцины «Спутник V». 2020. *Regnum*. URL: <https://regnum.ru/news/society/3139230.html> (дата обращения 17.04.2021)

быть ориентировано на сотрудничество и взаимодействие государств, международных организаций и институтов, а также структур бизнеса и академических сообществ. Иными словами, оно должно быть многосторонним и многоуровневым. Что касается самих международных организаций, то их реформирование должно идти не только по пути трансформации отдельных международных структур. Прежде всего, необходимо понимать общую архитектуру будущего глобального управления. Задача заключается в разработке проекта «идеального будущего» с учётом выявленных тенденций трансформации политической организации мира и действий мегатрендов, а это предполагает развитие научных исследований и обсуждений. В дальнейшем необходимо проведение серии международных переговорных форумов по будущему устройству мира и соответствующему ему глобальному управлению.

Об авторах:

Марина Михайловна Лебедева – доктор политических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: world_politics@mgimo.ru

Денис Андреевич Кузнецов – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры мировых политических процессов, сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60109 «Воздействие глобальных биогенных угроз на мировую политику».

UDC 327.7
Received: December 02, 2020
Accepted: March 02, 2021

Global Governance of Biogenic Threats

M.M. Lebedeva, D.A. Kuznetsov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-2-77-7-21](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-7-21)

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

Abstract: The SARS-CoV-2 virus, which caused a pandemic in 2020, has posed not only a medical, economic and social threat, but also a challenge to international security and international cooperation. It is now becoming obvious that the problem of the current pan-

democratic cannot be reduced to individual states and regions and has the potential to influence the entire political organization of the modern world. Analyzing the role of the COVID-19 pandemic in world politics, the authors rely on the concept of transformations in the system of the world political organization, as well as the concept of global governance and megatrends of world politics, the key of which is globalization. The authors of the article consider the experience of individual global and regional associations, which are considered to be the elements of global governance, whose functions, among the other, include responding to challenges of a biogenic nature, identifying several important trends, among which are the intensification of previously emerging trends, the strengthening of isolationism, the growing political fragmentation of the world, destructive influence of "coronacrisis" on globalization, but with parallel sectoral polarization in global economy, a new balancing between cooperation and competition in international relations. At the same time, it is argued that there is no alternative to international cooperation in solving problems of a global nature, which can hardly indicate the end of globalization and the triumph of disintegration and de-democratization. The authors argue about the heightened need to reform global governance, since the efforts of individual international associations cannot lead to solving global challenges, and the national-centrist approach to solving global problems proves its inefficiency and irresponsibility. As a result, we are talking about the lack of alternative to the idea of forming a system of global governance, which should be based on cooperation and interaction of states, international organizations and institutions, as well as business structures and academic communities, in other words, rely on multilateral and multilevel approach. The authors are convinced of the need to develop a project of an "ideal future" taking into account the identified trends in the transformation of the political organization of the world and the effects of megatrends, which implies the further development of scientific research and discussions, as well as a series of international negotiating forums on the future structure of the world and the corresponding pattern of global governance.

Keywords: global governance, world politics, COVID-19, pandemic, coronavirus, international organizations, coronacrisis, world order

About the authors:

Marina Mikhailovna Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of World Politics, MGIMO University. 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: world_politics@mgimo.ru

Denis Andreevich Kuznetsov – Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer of the Department of World Politics, MGIMO University. 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru

Conflict of interest:

The authors declare the absence of conflict of interest.

Acknowledgements:

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-04-60109 "The impact of global biogenic threats on world politics"

References:

- Axelrod R. 1984. *The Evolution of Cooperation*. Basic Books. 241 p.
- Hadjimichalis C. 2020. An Uncertain Future for the Post-Brexit, Post-COVID-19 European Union. *European Urban and Regional Studies*. P. 1-6. 6 p.

Hossain D., Islam S. 2020. COVID-19. *Global Pandemic and Aspects of Human Security in South Asia. Implications and Way Forward*. New Delhi: Pentagon Press. 196 p. DOI: 10.1177/0969776420968961

Ikenberry G.J. 2018. The End of Liberal International Order? *International Affairs*. 1(94). P. 7-23. DOI: 10.1093/ia/iix241

Levy D.L. 2020. COVID-19 and Global Governance. *Journal of Management Studies*. 11 October. DOI: 10.1111/joms.12654

Trump Administration Submits Notice of U.S. Withdrawal from the World Health Organization Amid COVID-19 Pandemic. 2020. *American Journal of International Law*. №4. P. 765-772. DOI: 10.1017/ajil.2020.76

Zakharia F. 2020. Ten Lessons for a Post-Pandemic World. W.W. Norton & Company. 320 p.

Gromyko A. 2020a. Metamorfozy politicheskogo neoliberalizma [Metamorphoses of Political Neoliberalism]. *Sovremennaya Evropa*. №2. P. 6-19. DOI: 10.31857/S0869587320110067 (In Russian).

Gromyko A.A. 2020b. Koronavirus kak faktor mirovoy politiki [Coronavirus as a Factor of World Politics]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*. №2. P. 4-12. (In Russian).

Kazarinova D. 2018. Krizis liberalizma v otsenkakh yego adeptov [The Crisis of Liberalism in the Assessments of Its Adherents]. *Rossiya v global'noy politike*. №6. P. 226-233. (In Russian).

Kirton Dzh. 2020. Posledstviya globalizatsii dlya upravleniya «Gruppy dvadtsati» [Implications of Globalization for G20 Governance]. *International Organisations Research Journal*. №2. P. 24-54. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-02 (In Russian).

Larionova M.V., Kirton Dzh. 2020. Global'noye upravleniye posle krizisa COVID-19 [Global Governance after the COVID-19 Crisis]. *International Organisations Research Journal*. 2. P. 24-54. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-02 (In Russian).

Lebedeva M.M. 2016. Sistema politicheskoy organizatsii mira: «Ideal'nyy shtorm» [System of Political Organization of the World: "The Perfect Storm"]. *MGIMO Review of International Relations*. №2. P. 125-133. (In Russian).

Lebedeva M.M. 2019. Sovremennyye megatrendy mirovoy politiki [Modern Megatrends in World Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 9(63). P. 29-37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37 (In Russian).

Lebedeva M.M. 2020. Novyy mirovoy poryadok: parametry i vozmozhnyye kontury [New World Order: Parameters and Possible Contours]. *Polis. Political Studies*. №4. P. 24-35. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03 (In Russian).

Sevast'yanov S.V. 2017. Novyye tendentsii aziatsko-tikhookeanskogo regionalizma: izolyatsionizm SSHA i (vynuzhdennoye?) liderstvo Kitaya [New Trends in Asia-Pacific Regionalism: US Isolation and (Forced?) Chinese Leadership]. *Oykumena*. 4(43). P. 166-177. DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/166-177 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Громько А. 2020а. Метаморфозы политического нелиберализма. *Современная Европа*. №2. С. 6-19. DOI: 10.31857/S0869587320110067

Громько А.А. 2020б. Коронавирус как фактор мировой политики. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. №2. С. 4-12.

Казаринова Д. 2018. Кризис либерализма в оценках его адептов. *Россия в глобальной политике*. №6. С. 226-233.

Киртон Дж. 2020. Последствия глобализации для управления «Группы двадцати». *Вестник международных организаций*. №2. С. 24-54. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-02

Ларионова М.В., Киртон Дж. 2020. Глобальное управление после кризиса COVID-19. *Вестник международных организаций*. №2. С. 24-54. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-02

Лебедева М.М. 2016. Система политической организации мира: «Идеальный шторм». *Вестник МГИМО-Университета*. №2. С. 125-133.

Лебедева М.М. 2019. Современные мегатренды мировой политики. *Мировая экономика и международные отношения*. 9(63). С. 29-37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37

Лебедева М.М. 2020. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры. *Полис. Политические исследования*. №4. С. 24-35. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03

Севастьянов С.В. 2017. Новые тенденции азиатско-тихоокеанского регионализма: изоляционизм США и (вынужденное?) лидерство Китая. *Ойкумена*. 4(43). С. 166-177. DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/166-177

Политический дискурс стигматизации Китая в контексте пандемии COVID-19

И.И. Арсентьева

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Пандемия COVID-19 повлекла за собой повышение исследовательского интереса к процессам социальной стигматизации. Понятие «стигма» входит также и в политический дискурс, что доказывают, в частности, выступления председателя КНР Си Цзиньпина, в которых он призывает отказаться от дальнейшей политизации и стигматизации проблемы. В этой связи основной целью настоящей статьи является анализ корреляции коронавируса – стигматизация не только с традиционной точки зрения (стигмы, связанные с определёнными заболеваниями), но и в контексте мировой политики. Для объяснения природы социальной стигматизации автором использованы теории эволюционной психологии, управления страхом смерти и социальной идентичности. Для анализа процессов, происходящих в сфере международных отношений, применены некоторые положения концепций изгоизации, лидерства, биополитики. Источниковую базу исследования составили документы Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и «Группы семи» (G7), заявления официальных представителей ООН и ВОЗ, выступления председателя КНР Си Цзиньпина и президента США Дональда Трампа, данные опросов общественного мнения, публикации в средствах массовой информации. В ходе исследования автором получен ряд научных результатов: систематизированы работы по стигматизации на почве COVID-19, выделены рассматриваемые в них проблемы и исследовательские лакуны; обобщены последствия социальной стигматизации в связи с появлением нового коронавируса; выявлены некоторые отличия стигматизации в пандемийный период от стигматизации в связи с другими заболеваниями; предложено рассмотрение процессов стигматизации в связи с COVID-19 не только на уровне межличностных интеракций, но и в международных отношениях; определено возможное влияние пандемии на положение КНР на мировой арене. Сделан вывод о том, что подобный исследовательский подход позволяет по-новому взглянуть на возможность восстановления связей между государствами и их гражданами в постковидную эпоху, а также оценить вероятность смены мирового лидера. В заключительной части статьи спрогнозированы возможные пути развития ситуации и намечены перспективы дальнейшего исследования проблемы.

Ключевые слова: межличностные интеракции, социальная стигматизация, стигмы на почве COVID-19, опыт Китая в борьбе с эпидемией, QR-код здоровья, лидерство в международных отношениях, американско-китайское противостояние, постковидный мир

УДК: 327

Поступила в редакцию: 12.02.2021 г.

Принята к публикации: 09.04.2021 г.

В июне 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин в своей речи на онлайн-саммите Китай – Африка, посвящённом солидарности в борьбе с пандемией, заявил: «Мы выступаем против политизации и стигматизации COVID-19»¹. Практически идентичную мысль китайский лидер высказал в сентябре в своём видеовыступлении на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН и в ноябре на онлайн-саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), призвав прекратить любые попытки политизации и стигматизации проблемы. Однако если с политизацией всё достаточно понятно, то второй термин вызывает определённые вопросы.

Как известно, стигматизация представляет собой процесс наклеивания обществом ярлыков на отдельных людей или группы, которые по каким-то параметрам не соответствуют общепринятым нормам, и выработку по отношению к ним соответствующей линии поведения, вплоть до исключения из социальных структур. В этой связи возникает вопрос: каким образом стигматизация связана с коронавирусом, и почему об этом говорит первое лицо страны, которой удалось избежать новой волны эпидемии осенью 2020 г. и экономика которой по итогам пандемийного года выросла на 2,3%²? Также слово «стигма» неоднократно использовали в своих выступлениях официальные представители ООН и её специализированных учреждений, прежде всего, Всемирной организации здравоохранения. И поскольку указанный содержательный тренд является достаточно устойчивым, то, на наш взгляд, учёным-международникам стоит обратить более пристальное внимание на данное понятие и попробовать разобраться, какой смысл в него вкладывается в контексте пандемии COVID-19.

Целью настоящей статьи является анализ корреляции коронавирус – стигматизация и выявление её «китайской составляющей». Достижение данной цели возможно благодаря решению уточняющих задач, разбитых на этапы: характеристика научной разработанности темы и ключевых идей теории стигматизации, представляющих интерес в контексте исследования; выделение видов стигматизации и анализ стигматизации в вопросах здоровья; выяснение того, как происходит стигматизация в связи с COVID-19, определение рисков подобного подхода к заболевшим; рассмотрение текущей ситуации с коронавирусом в КНР и влияния пандемии на развитие страны; представление авторского видения процессов стигматизации в связи с COVID-19 и прогнозирование возможных путей дальнейшего развития ситуации.

Прежде чем перейти к характеристике научной разработанности темы, определимся с ключевым понятием. В древности стигмой (др.-греч. στίγμα – клеймо, знак, пятно) именовалась отметина, выжженная/вырезанная на телах

¹ Xi Jinping's Speech at Extraordinary China-Africa Summit on Solidarity against COVID-19. *Global Times*. 17.06.2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1191977.shtml> (accessed 12.04.2021).

² National Economy Recovered Steadily in 2020 with Main Goals Accomplished Better than Expectation. *National bureau of statistics of China*. 18.01.2021. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202101/t20210118_1812432.html (accessed 12.04.2021).

рабов и преступников. Эти пятна позора, форма которых различалась, были своего рода кодом, дающим определённую информацию о стигматизированном человеке. С последним не следовало общаться, особенно в публичных местах, чтобы не запятнать себя позором и избежать общественного порицания. Со временем данное понятие «виртуализировалось», т.е. перешло из разряда телесно-материального знака в словесно-оценочный, применяясь в отношении определённых категорий людей (отдельных личностей или групп), обозначая их как отличающихся, вплоть до девиантов, которые по каким-либо параметрам не соответствуют устоявшимся нормам и ожиданиям общества³. Именно социальное большинство, определяя качества, которые считаются «нормальными», устанавливает критерии категоризации. Результатом этого «коллективного знания» выступает разделение на стигматизаторов («мы»/ингруппа) и стигматизированных («они»/аутгруппа). Следовательно, стигма – это оценочная категория, фиксирующая разрыв между «должным» и «наличествующим» и определяющая отношение общества к нежелательному/неудобному «другому», что может варьироваться от дистанцирования и игнорирования до дискриминации, насилия, изоляции.

В научный дискурс понятие «стигма» было введено в 1963 г.⁴ представителем Чикагской социологической школы И. Гофманом в работе «Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью» (Goffman 1963). С этого времени интерес учёных, прежде всего, психологов к данному явлению постоянно растёт, разрабатываются различные объяснительные модели. В середине 2000-х гг. американские исследователи Б. Майор и Л.Т. О’Бриен на основе анализа базы данных *PsychInfo* констатировали «драматический рост» статей соответствующей тематики: если в 1965-1989 гг. вышло 603 таких работы, то в 1990-2004 гг. уже 2 321, т.е. их количество увеличилось почти в четыре раза (Major, O’Brien 2005: 394). Российские исследователи И.Б. Бовина и Б.Г. Бовин продолжили подсчёт: с 2005 по 2013 гг. было опубликовано 7 674 подобных работы (Бовина, Бовин 2013: 12). На начало февраля 2021 г. в международной базе *CrossRef* зарегистрировано более 16 400 публикаций, в названии которых присутствует слово «стигма».

Теория стигматизации получила широкое применение в социологии, психологии, педагогике, криминологии, а также в работах, касающихся вопросов здоровья. При этом наибольшее количество публикаций посвящено стигмати-

³ Также слово «стигма» стало производным для понятия «стигматы» – кровоточащие раны, появляющиеся у некоторых верующих людей (преимущественно католиков) в тех местах, где, согласно Библии, у Христа были раны от тернового венца, гвоздей и копья. Однако мы оставим это лексическое значение за скобками, поскольку оно не связано непосредственно с целью и задачами исследования.

⁴ Сама теория стигматизации начала разрабатываться раньше: она возникла на базе символического интеракционизма, основные положения которого сформулированы в 1920-1930-е гг. представителями Чикагской социологической школы. Центральным концептом выступает символическая интерпретация межличностных взаимодействий, что распространяется на присущую только человеку способность оценивать поступки и поведение других.

зации людей с ментальными расстройствами⁵ и диагнозом ВИЧ/СПИД. Именно в отношении последних чаще всего публикуется «индекс стигмы» (*stigma index*) – стандартизированный инструмент для сбора данных о стигматизации и дискриминации больных людей в разных странах мира⁶. Как отмечает американский психолог П. Корриган, человек с клеймом определённых заболеваний часто сталкивается с тем, что его избегают педагоги, не принимают в свои ряды религиозные общины, он имеет проблемы с трудоустройством и арендой жилья, страдает от пренебрежения со стороны медицинского персонала и т.д.⁷.

События 2020 г. привели к актуализации и наполнению новым содержанием понятия «стигма» в контексте пандемии COVID-19. При этом в России научные публикации по этой теме практически отсутствуют. Так, на начало февраля 2021 г. в РИНЦ и CrossRef проиндексирована только статья «Социальная стигматизация в период пандемии», где на основе анализа социальных сетей и онлайн-опроса почти 600 респондентов выделяются и анализируются формы стигматизации в условиях распространения в России новой коронавирусной инфекции (Туркулец и др. 2020). Однако в зарубежном, преимущественно англоязычном научном сегменте, подобные публикации уже не являются редкостью. Отдельно стоит выделить проект «Стигма и COVID-19», инициированный журналом Американской ассоциации психологов «Стигма и здоровье»⁸. В рамках настоящей статьи публикации, которые начали появляться с весны 2020 г., мы разделим в целях систематизации материала на несколько направлений, хотя, конечно, это деление будет достаточно условным в силу того, что их содержание обычно носит комплексный характер.

В первую группу входят теоретические (Astha, Kumar 2020; Bhattacharya, Banerjee, Rao 2020; Black 2020; Logie 2020; Peprah, Gyasi 2021; Prosen 2020) и эмпирические (Saad 2020; Sulistiadi, Rahayu, Harmani 2020; Tomczyk, Rahn, Schmidt 2020) исследования, касающиеся различных проявлений стигматизации в период коронавируса и сравнения её с другими видами стигм. Здесь следует отметить широкую географию статей и их авторов, что доказывает наличие схожих процессов по всему миру. Анализ содержания работ этой группы позволяет говорить о том, стигматизация на почве COVID-19 может быть интерпретирова-

⁵ И. Гофман разрабатывал свою теорию стигматизации на примере психически больных, считая эти заболевания одной из наиболее глубоко дискредитирующих и социально повреждающих стигм. Сегодня многие исследователи сходятся во мнении, что больные с лёгким уровнем психических расстройств страдают не столько от проявлений болезни, сколько от стигматизации на этой почве.

⁶ Этот международный проект был впервые запущен в 2008 г. по инициативе таких организаций, как the Global Network of People living with HIV (GNP+), the International Council of Women (ICW), the Joint United Nations Programme on HIV/AIDS (UNAIDS), the International Planned Parenthood Federation (IPPF). Более подробно см. (About the People Living with HIV Stigma Index. *The People Living with HIV Stigma Index*. URL: <https://www.stigmaindex.org/about-the-stigma-index/> (accessed 12.04.2021)).

⁷ Corrigan P. 2020. On the Stigma of COVID-19. Let's Separate the Illness from the Patient. *Psychology Today*. 07.04.2020. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-stigma-effect/202004/the-stigma-covid-19> (accessed 07.02.2021).

⁸ Call for Papers: Stigma and COVID-19. *American Psychological Association*. URL: <https://www.apa.org/pubs/journals/sah/call-for-papers-covid-19-stigma> (accessed 12.04.2021).

на как процесс, направленный на исключение из социальных структур тех, кто воспринимается как реальный/потенциальный источник заражения и, следовательно, представляет угрозу здоровью и привычному укладу жизни.

Ко второй группе можно отнести публикации о том, кто является «мишенью» стигматизации, помимо заболевших: их непосредственный круг общения, прежде всего, члены семьи, а также люди, которые в силу своих профессиональных обязанностей постоянно контактируют с заражёнными, чаще всего – медицинские работники из «красной зоны» (Bagcchi 2020; Ramaci et al. 2020; Teksin et al. 2020; Uvais, Shihabudheen, Bishurul Hafi 2020; Zolnikov, Furio 2020). Показательна в этом отношении ситуация в Индии, где с началом эпидемии резко возросло число нападений на медработников, их отказывались обслуживать таксисты, выселяли домовладельцы и жилищные кооперативы. Индийская медицинская ассоциация (ИМА) 20 апреля 2020 г. обнародовала официальное заявление о недопустимости стигматизации и объявила мирные акции протеста⁹. В итоге власти страны внесли поправку в Закон об эпидемических заболеваниях (1897), направленную на обеспечение «нулевой терпимости» к насилию в отношении медицинского персонала: это преступление не подлежит освобождению под залог, карается тюремным заключением на срок от нескольких месяцев до семи лет и денежным штрафом¹⁰.

В силу того, что распространение COVID-19 началось с Китая, жертвами стигматизации часто становятся китайцы и азиаты в целом, что было особенно заметно на начальной стадии пандемии. На наш взгляд, публикации на эту тему можно выделить в отдельную – третью – группу (Adja et al. 2020; Akiba 2020; Budhwani, Sun 2020). Как пишет американский исследователь Дж. Джонс, «одним из... аспектов реагирования на эпидемии является желание возложить ответственность» (Jones 2020: 1682). При этом стигмы, связанные с инфекционными заболеваниями, зачастую определяют представителей другой расы ответственными за распространение болезней; эпидемия и ксенофобия – своего рода «сиамские близнецы», рецидивирующий исторический сюжет.

Исходя из проведённого обзора, можно констатировать, что научные работы по теме «Стигматизация и COVID-19» выходят достаточно регулярно¹¹. Од-

⁹ Call for White Alert on Wednesday, April 22, 2020. *Indian Medical Association*. 20.04.2020. URL: <https://www.ima-india.org/ima/pages.php?id=45> (accessed 12.04.2021).

¹⁰ The Epidemic Diseases (Amendment) Bill, 2020. *PRS Legislative Research*. URL: <https://www.prsindia.org/billtrack/epidemic-diseases-amendment-bill-2020> (accessed 12.04.2021).

¹¹ Помимо уже вышедших работ, в CrossRef проиндексировано достаточно большое количество предварительных онлайн-публикаций: Bhanot D., Singh T., Verma S.K., Sharad S. 2021. Stigma and Discrimination during COVID-19 Pandemic. *Frontiers in Public Health*. 12.01.2021. Advance online publication. DOI: 10.3389/fpubh.2020.577018; Daalen K.R. van, Cobain M., Franco O.H., Chowdhury R. 2021. Stigma: The Social Virus Spreading Faster than COVID-19. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 07.01.2021. Advance online publication. DOI: 10.1136/jech-2020-214436; Katafuchi Y., Kurita K., Managi Sh. 2020. COVID-19 with Stigma: Theory and Evidence from Mobility Data. *Economics of Disasters and Climate Change*. 21.09.2020. Advance online publication. DOI: 10.1007/s41885-020-00077-w; Lee S., Waters S.F. 2020. Asians and Asian Americans' Experiences of Racial Discrimination during the COVID-19 Pandemic: Impacts on Health Outcomes and the Buffering Role of Social Support. *Stigma and Health*. Advance online publication. DOI: 10.1037/sah0000275; Ma Y., Zhan N. 2020. To Mask or Not to Mask amid the COVID-19 Pandemic: How Chinese Students in America Experience and

нако их анализ позволяет говорить о том, что большинство авторов движутся по уже заданной, заложенной предыдущими исследователями траектории. Мы же полагаем, что нельзя ставить знак равенства между стигматизацией в случае с COVID-19 и стигмами, связанными с другими заболеваниями: пандемийная специфика требует отдельного рассмотрения. Кроме того, обратим внимание на ещё один аспект проблемы. Стигматизация может происходить не только на уровне межличностных интеракций, но и в международных отношениях. Сошлёмся в этой связи на тезис американского политолога А. Вендта о том, что «государства – тоже люди» (Wendt 1999: 215). Конечно, это утрированное высказывание, что признавал и сам автор, но по своей сути достаточно верное. И, если создатель стигмы обладает влиянием на мировой арене, стигматизация изменяет положение закреплённого в системе международных отношений, а иногда приводит к его изгоизации, закреплённой на нормативном уровне. В этой связи возникает вопрос: можно ли рассмотреть попытки США обвинить Китай в сокрытии информации в начале эпидемии и распространении вируса по всему миру с точки зрения теории стигматизации, что приобретает особую актуальность в контексте неоднократного обращения китайского лидера к данному понятию. На поиск возможного ответа на этот вопрос и направлено настоящее исследование.

Таким образом, в настоящее время работы по отдельным аспектам выбранной нами проблематики начинают появляться, однако в заявленном ракурсе практически отсутствуют, что определяет научно-теоретическую и практическую значимость исследования.

На сегодняшний день разработано большое количество теорий, объясняющих процессы стигматизации. В результате применения метода критического анализа в качестве рабочих для объяснения стигматизации на почве COVID-19 нами были выбраны следующие:

– *эволюционная психология*. С этой точки зрения многие стигмы формировались в ходе эволюции для защиты общества: стигматизация лиц, страдающих инфекционными заболеваниями, была обусловлена отсутствием эффективных методов борьбы с эпидемиями. И до сих пор люди, руководствуясь инстинктом самосохранения, склонны дистанцироваться от тех, кого считают источником опасности;

– *теория социальной идентичности*, согласно которой осознание человеком своего места в обществе базируется на отнесении себя к определённой социальной группе. При этом люди позитивно оценивают членов ингруппы и могут

Cope with Stigma. *Chinese Sociological Review*. 20.10.2020. Advance online publication. DOI: 10.1080/21620555.2020.1833712; Paleari F.G., Pivetti M., Galati D., Fincham F.D. 2021. Hedonic and Eudaimonic Well-Being during the COVID-19 Lockdown in Italy: The Role of Stigma and Appraisals. *British Journal of Health Psychology*. 18.01.2021. Advance online publication. DOI: 10.1111/bjhp.12508; Qin X., Song L. 2021. Addressing Stigma in the Context of the COVID-19 Outbreak: A Social-Ecological Approach. *Infection Control & Hospital Epidemiology*. 11.01.2021. Advance online publication. DOI: 10.1017/ice.2020.1433; и др.

участвовать в стигматизации аутгруппы. Применительно к анализируемой нами проблематике можно говорить о том, что люди, объединяясь вокруг идеи безопасности своего здоровья, атакуют тех, кто реально или потенциально им угрожает;

– *теория управления страхом смерти*, с точки зрения которой этот вид экзистенциальных страхов преодолевается посредством веры человека в своё бессмертие. Соответственно, стигматизация – запуск защитных реакций в виде негативного отношения к тем, кто угрожает этой вере, в том числе заражённые новым коронавирусом и подозреваемые в этом.

Для уточнения понятийного аппарата исследования, определения видов стигматизации, этапов и механизмов формирования стигм, а также выполняемых ими социальных функций в статье использовались концептуальные модели Г. Беккера (Becker 1963), И. Гофмана (Goffman 1963), Дж. Крокер и Б. Майор (Crocker, Major 1989; Major, O'Brien 2005)¹², Б. Линка и Дж. Фелан (Link, Phelan 2001; Phelan, Link, Dovidio 2008), А. Финзена (Финзен 2001).

Так, И. Гофман выделяет три ключевых основания стигматизации, образующие её виды: 1) разного рода физические отклонения и дефекты; 2) индивидуальные недостатки характера – слабая воля, неестественные наклонности, бесчестность и т.д., о чём становится известно, например, в случае психического заболевания, попадания в тюрьму, попыток самоубийства, склонности к наркомании и др.; 3) филогенетическая стигма расы и религии, передаваемая из поколения в поколение и распространяющаяся на всех членов семьи.

Стигматизация в вопросах здоровья относится к первому виду стигм, однако, на наш взгляд, здесь необходимо сделать важное уточнение, которое мы можем найти в концепции швейцарского психиатра А. Финзена. По его мнению, отношение общества зависит от характера стигмы. Если симптом рассматривается как контролируемый, то индивид несёт ответственность, а поведенческая реакция по отношению к нему направляется гневом. Если же симптом воспринимается как неконтролируемый, то поведение в большей степени направляется жалостью.

Б. Линк и Дж. Фелан выделяют этапы формирования стигмы. Первый – навешивание ярлыка: определённая черта индивида начинает выделяться, утрироваться и считаться показателем кардинального отличия от социального большинства. Затем происходит стереотипизация: формируются представления о том, что носители ярлыка имеют целый ряд нежелательных качеств. Третий этап – сепарация: индивида с ярлыком определяют в отдельную категорию, воспринимаемую как чуждую, социально опасную. Завершающим шагом становится дискриминация: индивид со стигмой переживает отторжение, потерю социального статуса, ущемление прав.

Дж. Крокер и Б. Майор характеризуют функции, которые выполняет стигма: повышение собственной самооценки за счёт стигматизации других; поддер-

¹² Crocker J., Major B., Steele C. 1998. Social Stigma. *Handbook of Social Psychology*. Boston: McGraw-Hill. P. 504-553.

жание позитивной идентичности ингруппы, что оборачивается оправданием дискриминации в отношении аутгруппы; определённая легитимизация социального неравенства; управление страхами и сильной тревожностью, которые вызываются чем-то неизвестным. Исходя из этого, можно говорить, что стигматизация обеспечивает определённые бонусы «здоровой» части общества.

Также интерес в контексте нашего исследования представляет теория Г. Беккера, изложенная им в работе «Аутсайдеры». Исследуя девиантное поведение, американский социолог приходит к выводу, что зачастую девиация становится следствием навязывания стандартов поведения авторитетными социальными группами: врачами, судьями, законодателями и т.д. «Девиант – тот, к кому этот ярлык был успешно приклеен; девиантное поведение – то, которое люди так обозначили» (Becker 1963: 9). Причём это может случиться даже в том случае, когда «девианты» ничего не нарушали. Достаточно, чтобы влиятельные лица заклеили их как нарушителей.

Поскольку целью настоящего исследования является не только анализ корреляции коронавируса – стигматизация, но и выявление её «китайской составляющей», то, помимо перечисленных моделей, нами использовались некоторые концептуальные наработки политической науки и теории международных отношений:

– *концепция изгойзации / концепция «государств-изгоев»*, которая является своего рода политическим аналогом теории социальной стигматизации и направлена на исключение отдельных стран из мирового сообщества по причине их несоответствия нормам, выработанным Западом¹³. Другими словами, происходит деление мира на инсайдеров и аутсайдеров (что отсылает нас к работе цитируемого выше Г. Беккера). При этом нельзя сказать, что это оформленный теоретический продукт, скорее политическая практика, которая особенно активно применялась Соединёнными Штатами в начале 2000-х гг. Тем не менее попытки теоретического обоснования предпринимались, например, в середине 1990-х гг. советником президента США по национальной безопасности Э. Лэйком, закрепившим в политическом дискурсе понятие «реакционные государства» (*backlash states*) – страны, которые демонстрируют хроническую неспособность конструктивно взаимодействовать с миром и, следовательно, должны быть исключены из «семьи» демократических стран (Lake 1994); спустя некоторое время словосочетание *backlash states* было заменено на более экспрессивно-оценочное *rogue states*, за которым закрепился русскоязычный перевод «государства-изгой»;

– *концепция лидерства*. Здесь следует отметить, что на сегодняшний день разработан ряд достаточно разноплановых концепций, однако в рамках данной работы мы возьмём за основу наработки ведущих российских научных школ и будем исходить из того, что лидерство «характеризуется не просто способно-

¹³ Более подробно см.: (Бартенев 2009; Харкевич 2009; Харкевич 2011).

стью проводить глобальную политику, но и востребованностью этой политики теми, кого лидер собирается за собой вести» (Шаклеина 2011: 36)¹⁴; «лидерскую позицию сложно занять и ещё сложнее удержать в условиях нарастающей конкуренции... за потенциальных последователей (а без их признания отношения лидерства невозможны)» (Бусыгина 2019: 122);

– концепция биополитики, изучающая различные аспекты отношений между политической властью и биологической жизнью (телесностью), что приобретает особую актуальность в контексте пандемии COVID-19 и усиления в этой связи контроля государства за населением. В рамках нашего исследования мы используем некоторые положения теории «голой жизни» Дж. Агамбена (Agamben 2017), которую итальянский мыслитель наполнил новым содержанием, исходя из анализа сегодняшней ситуации¹⁵.

Источниковую базу исследования составили данные ВОЗ о текущей эпидемиологической ситуации¹⁶; материалы онлайн-встречи по коронавирусу министров иностранных дел стран G7¹⁷; данные опросов общественного мнения, проведённых Фондом *Bertelsmann*, Германским фондом Маршалла Соединённых Штатов и Институтом Монтея¹⁸, компанией *Harris Poll* и Институтом Милкена¹⁹; выступления председателя КНР Си Цзиньпина на специальном саммите Китай – Африка, 75-й сессии ГА ООН и 20-м саммите ШОС²⁰; выступление президента США Д. Трампа на 75-й сессии ГА ООН²¹; заявления официальных представителей ООН и ее специализированных учреждений. Среди последних особо выделим три, сделанные в самом начале эпидемии – в феврале 2020 г. Так, 7 февраля главный эксперт ВОЗ по чрезвычайным ситуациям М. Райан заявил, что нужно прекратить разделение людей по этническому признаку в связи с новой болезнью²². 11 февраля гендиректор организации Т. Гебрейесус объявил, что

¹⁴ См. также: (Шаклеина 2015).

¹⁵ Giorgio Agamben on Coronavirus: "The enemy is not outside, it is within us". *Stanford University*. URL: <http://bookhaven.stanford.edu/2020/03/giorgio-agamben-on-coronavirus-the-enemy-is-not-outside-it-is-within-us/> (accessed 12.04.2021).

¹⁶ Coronavirus Disease (COVID-19) Weekly Epidemiological Update and Weekly Operational Update. *World Health Organization*. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/situation-reports/> (accessed 12.04.2021).

¹⁷ G7 Foreign Ministers Meetings. March 25, 2020, videoconference. *G7 Information Centre*. URL: <http://www.g7.utoronto.ca/foreign/index.html> (accessed 12.04.2021).

¹⁸ The Transatlantic Trends 2020. *The German Marshall Fund of the United States*. 30.06.2020. URL: <https://www.gmfus.org/publications/transatlantic-trends-2020#> (accessed 12.04.2021).

¹⁹ The Listening Project. Global Priorities According to Global Citizens. Report by the Harris Poll and the Milken Institute. *The Milken Institute*. URL: <https://milkeninstitute.org/reports/listening-project> (accessed 12.04.2021).

²⁰ Xi Jinping's Speech at Extraordinary China-Africa Summit on Solidarity against COVID-19. *Global Times*. 17.06.2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1191977.shtml> (accessed 12.04.2021); Xi Jinping's Speech at the General Debate of the 75th Session of the United Nations General Assembly. *China Global Television Network*. 23.09.2020. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-09-23/Full-text-Xi-Jinping-s-speech-at-General-Debate-of-UNGA-U07X2dn8Ag/index.html> (accessed 07.02.2021); Xi Jinping's Speech at 20th SCO Summit. *China Global Television Network*. 10.11.2020. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-11-10/Full-text-Xi-Jinping-s-speech-at-20th-SCO-summit-VjmMg1pMSA/index.html> (accessed 12.04.2021).

²¹ Donald Trump Speech 2020 UN General Assembly Transcript. *Rev.com*. 22.09.2020. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-speech-2020-un-general-assembly-transcript> (accessed 12.04.2021).

²² Эксперты ВОЗ разочарованы дискриминацией китайцев из-за коронавируса. *ИА Регнум*. 07.02.2020. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2852586.html> (дата обращения: 12.04.2021).

заболевание получило официальное название COVID-19 (COronaVIrus Disease 2019). По словам главы ВОЗ, это сделано для того, чтобы избежать ассоциации с местом происхождения: «наличие наименования имеет значение для предотвращения использования других названий, которые могут быть неточными или стигматизирующими»²³. 28 февраля генеральный секретарь ООН А. Гутерриш призвал страны сделать всё возможное, чтобы сдержать болезнь, избегая при этом стигматизации и уважая права человека. По его словам, самый большой враг – это не вирус, а страх, слухи и стигмы²⁴.

Более развернуто позиция ВОЗ изложена в докладе «Социальные стигмы, связанные с COVID-19», подготовленном в конце февраля 2020 г. совместно с Детским фондом ООН и Международной федерацией обществ Красного Креста и Красного полумесяца²⁵. В документе, который позиционируется как «руководство по предотвращению и устранению социальной стигматизации», подчёркивается, что стигма возникает, когда люди ассоциируют инфекционное заболевание с конкретным сообществом. В случае с новым вирусом речь идёт о стигматизации определённых этнических групп (китайцев), а также людей, подозреваемых в контакте с носителями инфекции. Также в докладе напоминают о важной роли слов, в том числе подчёркивают, что это не уханьский/китайский/азиатский вирус, а болезнь, которая имеет официальное наименование.

Итак, практически с самого начала авторитетные международные организации заговорили об опасности стигматизации и чётко обозначили свою позицию по данному вопросу. При этом понятие «стигма» становится частью дискурса не только структур, имеющих отношение к сфере здравоохранения, но и входит в политический лексикон, что доказывает актуальность его всестороннего анализа.

Стигматизация в мировой политике в эпоху COVID-19

Проведённое исследование позволило получить ряд научных результатов, среди которых наиболее важными представляются следующие: систематизированы научные работы по стигматизации на почве COVID-19, выделены рассматриваемые в них проблемы и исследовательские лакуны; обобщены на основе анализа исследований 2020-2021 гг. последствия социальной стигматизации в связи с COVID-19; выявлены некоторые отличия стигматизации в пандемийный период от стигматизации в связи с другими заболеваниями; предложено рассмотрение процессов стигматизации в связи с COVID-19 не только на уровне

²³ Coronavirus Disease Named Covid-19. *BBC News*. 11.02.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-51466362> (accessed 12.04.2021).

²⁴ Coronavirus COVID-19 Risk Increased to 'Very High' but Containment Still Possible. *United Nations News*. 28.02.2020. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/02/1058331> (accessed 12.04.2021).

²⁵ Social Stigma Associated with COVID-19. *World Health Organization*. URL: www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid19-stigma-guide.pdf?sfvrsn=226180f4_2 (accessed 12.04.2021).

межличностных интеракций, но и в международных отношениях, определено возможное влияние пандемии на положение КНР на мировой арене; спрогнозированы возможные пути дальнейшего развития ситуации в контексте тематики исследования.

Если рассматривать стигматизацию в вопросах здоровья с точки зрения эволюционной психологии, то можно трактовать её как неотъемлемую часть жизни социума и жизни в социуме. При этом она многократно усиливается во времена эпидемий²⁶. Ситуация с COVID-19 не стала исключением, дополнительно усугубляясь необходимостью соблюдать социальную дистанцию. Здесь нельзя не согласиться с авторами, обзор работ которых был проведён. В первую очередь, жертвами стигматизации стали выходцы из Китая и Азии в целом. Подборку таких случаев опубликовал, например, известный информационный портал *Time* в марте 2020 г.²⁷. Китайские граждане, находящиеся в России, также неоднократно сообщали об агрессивном и дискриминирующем поведении в их отношении²⁸. По мере распространения коронавируса люди по всему миру поступали схожим образом уже не только в отношении китайцев и заболевших, но и тех, кто мог быть заражён потенциально. Так, в феврале 2020 г. многие СМИ сообщили, что эвакуированных из китайского Уханя украинцев встретили на родине градом камней²⁹. В начале апреля замминистра здравоохранения Башкортостана И.В. Кононова заявила, что в городе Кумертау первые заболевшие столкнулись с такой волной негатива в свой адрес, что боялись возвращаться домой после выписки из больниц³⁰.

На основании анализа вышедших к настоящему времени работ выделим наиболее очевидные последствия стигматизации. Во-первых, общественное клеймение: заболевших воспринимают как представляющих опасность, что зачастую приводит к агрессии и обвинениям в их адрес. В атмосфере всеобщего страха больные и переболевшие коронавирусом могут сталкиваться с дискри-

²⁶ В конце XX в. британский социолог Ф. Стронг разработал психосоциальную модель эпидемии, которая развивается параллельно с болезнью по своим собственным законам. Эта модель, объясняя поведение человека во время крупных эпидемий, включает волны страха, паники, подозрительности, стигматизации, моральных противоречий и призыва к социальным действиям. Более подробно см. (Strong 1990).

²⁷ Haynes S. 2020. As Coronavirus Spreads, So Does Xenophobia and Anti-Asian Racism. *Time*. 06.03.2020. URL: <https://time.com/5797836/coronavirus-racism-stereotypes-attacks/> (accessed 12.04.2021).

²⁸ В самом Китае это также присутствует. В качестве примера можно привести исследование китайских авторов, где выделяются различные группы, подвергающиеся стигматизации и дискриминации в китаеговорящем мире: жители города Ухань и провинции Хубэй, откуда началось распространение эпидемии (стигматизация со стороны населения других китайских регионов); представители материкового Китая (стигматизация со стороны жителей Гонконга и Тайваня и зарубежных китайских общин); иностранцы, приезжающие в КНР (стигматизация со стороны китайцев) и др. Более подробно см.: Xu J., Sun G., Cao W., Fan W., Pan Z., Yao Z., Li H. 2021. Stigma, Discrimination, and Hate Crimes in Chinese-Speaking World amid COVID-19 Pandemic. *Asian Journal of Criminology*. 06.01.2021. Advance online publication. DOI: 10.1007/s11417-020-09339-8.

²⁹ Эвакуированных из китайского Уханя украинцев на родине встречали как из чумного барака. *Первый канал*. 20.01.2020. URL: https://tvr-tv.turbopages.org/Itv.ru/s/news/2020-02-20/380844-evakuirovannyh_iz_kitayskogo_uhanya_ukraintsev_na_rodine_vstrechali_kak_iz_chumnogo_baraka (дата обращения: 12.04.2021).

³⁰ Замминистра здравоохранения Башкирии прокомментировала травлю заражённых коронавирусом. *Уфа1.ru*. 09.04.2020. URL: <https://ufa1.ru/text/health/2020/04/09/69080677/> (дата обращения: 12.04.2021).

минацией в той или иной форме. Во-вторых, самостигматизация: людям приходится не только бороться с болезнью, но и стыдиться самих себя, бояться за своих близких, что усиливает стресс и снижает эффективность лечения, т.е. стигматизация существенно увеличивает страдания заболевших. В-третьих, страх человека перед возможной стигматизацией вынуждает избегать ярлыка заболевшего, скрывать болезнь и отказываться от лечения. Следовательно, стигматизация, направленная на исключение заболевших из социальных связей, не снижает заболеваемость, а, напротив, создаёт предпосылки для более интенсивного распространения вируса. В-четвёртых, если говорить о стигматизации медицинского персонала, то уже появились исследования о том, что это приводит к более высоким показателям профессионального стресса и выгорания. К тому же постоянный контакт с носителями вируса может стать источником беспокойства за своё здоровье и здоровье близких людей. Некоторые медработники начинают по возможности избегать больных, поэтому лечение становится менее точным и более осторожным, чем то, которое они могли бы обеспечить при нормальных обстоятельствах.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что стигматизация в случае инфекционных заболеваний легко объяснима, но возникающее чувство страха может приводить не только к физическому и зачастую психологическому дистанцированию от больных людей, но и порождать жестокость, ненависть, приобретать иррациональный характер, облакаясь в различные формы суеверий. Чтобы обозначить «красную черту», мы сошлемся на мнение П. Корригана о том, что «риск стигмы возникает, когда дистанцию от вируса путают с дистанцией от заражённого им индивидуума»³¹. Другими словами, в случае стигматизации мы задаёмся вопросом, кто виновен, а не что послужило виной.

Однако, на наш взгляд, стигматизация на почве COVID-19 имеет принципиальные отличия от стигматизации в связи с другими заболеваниями. С одной стороны, общество редко сталкивается с феноменом негативного отношения, отчуждения и клеймения заболевших в масштабах пандемии. Текущая ситуация усугубляется инфодемией³² и введённым почти во всех странах карантином, что вынуждало людей долгое время находиться в замкнутом пространстве, но не изолировало от потоков негативной информации и не давало возможности переключиться на другие проблемы, порождая тревогу, стресс и страх, которые, в свою очередь, приводят к более острым чем обычно эмоциональным реакциям. Более того, даже сами слова «карантин», «социальное дистанцирование», «изо-

³¹ Corrigan P. 2020. On the Stigma of COVID-19. Let's Separate the Illness from the Patient. *Psychology Today*. 07.04.2020. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-stigma-effect/202004/the-stigma-covid-19> (accessed 12.04.2021).

³² Стигмы постоянно подпитываются средствами массовой информации, сообщения которых напоминают сводки с фронта, и различного рода конспирологическими теориями, получившими широкое распространение в интернете. В этой связи многие эксперты сходятся во мнении, что сегодняшняя информационная эпидемия (инфодемия) по скорости значительно опережает пандемию COVID-19 и многократно усиливает её негативные последствия.

ляция», «самоизоляция», ставшие в 2020 г. неотъемлемой частью повседневного лексикона, способствуют росту социального отчуждения.

С другой стороны, болезнь приобрела характер пандемии, следовательно, стигматизация в привычном понимании постепенно становится «проблематичной» из-за количества заболевших. Более того, можно предположить, что в скором времени может начаться стигматизация тех, кто не переболел и, соответственно, является потенциальным источником опасности для других. И некоторые проявления этого мы уже можем наблюдать. Неслучайно высказывается мнение, что обсуждаемая сегодня идея введения COVID-паспортов является дискриминацией здоровых людей, не получивших прививки: для них могут стать реальностью ограничения на перемещения внутри своей страны и по миру, на участие в общественных мероприятиях, устройстве на работу и т.д. Другими словами, может возникнуть парадоксальная ситуация, напоминающая марксистскую «экспроприацию экспроприаторов» или, выражаясь языком рассматриваемых нами теорий, «стигматизацию стигматизаторов».

Кроме того, мы полагаем, что следует выделить ещё один, пока не вполне представленный в современных работах аспект проблемы. Как известно, пережитый стресс делает видимыми явления и процессы, которые долгое время оставались латентными. Сегодняшняя ситуация должна заставить нас задуматься о том, что испытывают страдающие от стигматизации на почве других заболеваний. В этой связи можно сослаться, например, на статью канадской исследовательницы К. Логье, которая пишет о том, что приходящее сегодня осознание шаткости разграничения на «больных» и «здоровых» может стать шагом к укреплению солидарности, и со ссылкой на работу американской писательницы С. Сонтаг «Болезнь как метафора» (Sontag 1978) напоминает, что люди взаимосвязаны своей уязвимостью к болезням. Каждый имеет двойное гражданство – в царстве здоровых и царстве больных. Хотя все предпочитают пользоваться хорошим паспортом, рано или поздно практически каждый идентифицирует себя с более обременительной гражданственностью (Logie 2020). Однако К. Логье пишет, что уроки, извлечённые из стигматизации в связи с ВИЧ-инфекцией, могут стать основой подхода к стигматизации в связи с COVID-19. На наш же взгляд, можно говорить о том, что количество заболевших новым коронавирусом и осознание собственной уязвимости дают возможность социальному большинству пересмотреть своё отношение к страдающим от разного рода стигм.

История человечества свидетельствует о том, что любые эпидемии рано или поздно заканчиваются, однако они оказывают существенное воздействие на общество, изменяя не только характер взаимоотношений людей, сферу здравоохранения, национальную экономику, но и влияя на международные отношения³³.

³³ В контексте сегодняшних событий появилось, например, понятие «мировая экономика коронавируса». См. (Смирнов 2020). Оригинальную авторскую трактовку происходящего дают российские исследователи В.С. Марты-

В этой связи отдельного анализа заслуживает ещё один аспект рассматриваемой нами проблемы – поиск виновного в ситуации, от которой страдает сегодня весь мир.

Как известно, распространение нового заболевания началось с китайского города Ухань, административного центра провинции Хубэй, расположенной практически в самом центре страны и являющейся одним из наиболее экономически развитых и густонаселенных (почти 60 млн жителей) китайских регионов. В декабре 2019 г. в городе с населением более 11 млн человек произошла вспышка инфекционного заболевания, официальной датой начала которой считается 31 декабря – день, когда Пекин уведомил ВОЗ о пневмонии неизвестного типа. Спустя три недели китайские власти сообщили о резком увеличении новых случаев заболевания в других регионах страны. Затем количество выявленных случаев начало стремительно расти по всему миру. В результате 30 января 2020 г. ВОЗ объявила вспышку заболевания чрезвычайной ситуацией, имеющей международное значение, а 11 марта – пандемией.

Китай оказался не только первичным очагом инфекции, но и страной, которой первой удалось взять ситуацию под контроль, как минимум в 2020 г. По состоянию на 31 января 2021 г. КНР подтвердила 100 877 случаев заражения и 4 823 смерти. Для сравнения: в США эти показатели составили соответственно 25 676 612 и 433 173; а в Италии, население которой в 23 раза меньше, чем в Китае, зарегистрировано 2 541 783 случая заболевания и 88 279 смертей³⁴. Конечно, можно встретить утверждение, что Пекин занижает реальную статистику, однако мы более склонны согласиться с мнением авторитетных экспертов, которые считают, что картина близка к реальной. Так, Г. Поланд, руководитель группы по изучению вакцин американской клиники «Мэйо», одного из крупнейших частных медицинских и исследовательских центров мира, полагает, что «скорость реакции Китая стала ключевым фактором. Власти очень быстро приняли меры противодействия. Они двигались очень быстро, чтобы остановить передачу вируса. Другие страны, хотя у них было гораздо больше времени, чтобы подготовиться..., задержали свои ответные меры и... потеряли контроль»³⁵.

Одной из наиболее типичных реакций на эпидемии, как уже отмечалось, выступает желание возложить ответственность, т.е. найти виновного. Вашингтон неоднократно критиковал Китай за недостаточную прозрачность в начале эпидемии, сокрытие информации и последующую дезинформационную, по его мнению, кампанию. Так, на состоявшейся в конце марта 2020 г. онлайн-встрече

нов и Л.Г. Фишман, рассматривая пандемию COVID-19 как неожиданный и важный катализатор «для обозначения и легитимации давно назревших экономических, политических и культурных контуров новой глобальной модели рента-сословного общества» (Мартьянов, Фишман 2020: 25).

³⁴ COVID-19 Weekly Epidemiological Update – 2 February 2021 (data as received by WHO from national authorities, as of 31 January 2021). *World Health Organization*. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/weekly-epidemiological-update---2-february-2021> (accessed 12.04.2021).

³⁵ Цит. по: (Burki 2020: 1240).

по коронавирусу министров иностранных дел государств, входящих в G7, США как председательствующая на тот момент страна подготовили проект итогового заявления, где Китай обвинялся в распространении пандемии, а вирус назывался «уханьским». Однако текст вызвал раскол в группе и в итоге был отклонён, несколько стран-участниц опубликовали свои собственные заявления по итогам встречи³⁶. ВОЗ, с самого начала чётко обозначившая свою позицию по поводу стигматизации в связи с COVID-19, была обвинена Д. Трампом в том, что финансируется в основном за счёт США, а сосредоточена на Китае. В схожем ключе выступил консервативный, близкий к Республиканской партии интернет-портал политических новостей *Daily Signal*, попутно напомнив, что именно Пекин оказал наиболее ощутимую поддержку Т. Гебрейесусу, когда он баллотировался на пост генерального директора ВОЗ³⁷. Об этом же писала в 2017 г. газета *Washington Post*, утверждая, что китайские дипломаты неустанно работали в кулуарах, чтобы помочь эфиопскому политику победить кандидата западных стран Д. Набарро. Поэтому его победа была победой Пекина³⁸.

22 сентября 2020 г. Д. Трамп выступил с обращением к ГА ООН, вновь используя выражение «китайский вирус». Он потребовал, чтобы Китай был привлечён к ответственности за «развязывание этой чумы в мире»³⁹. Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая после американского президента, призвал страны, затронутые COVID-19, начать совместную борьбу и в очередной раз подчеркнул, что «любые попытки политизации этого вопроса или стигматизации должны быть отвергнуты»⁴⁰. Здесь, наверное, будет уместно вспомнить цитируемую выше К. Логье в контексте того, что спустя девять дней, 2 октября, тест Д. Трампа на коронавирус дал положительный результат.

На наш взгляд, пандемия COVID-19 стала ещё одной лакмусовой бумажкой геополитического противостояния США и КНР, которое в последнее десятилетие развивается по нарастающей⁴¹. При Д. Трампе, как отмечает российский политолог А.В. Торкунов, публичные выступления американских политиков стали носить грубый характер с явным намерением обвинить Китай во всех «смертных грехах» (Торкунов 2019: 32-33). В случае с COVID-19 Вашингтон не просто

³⁶ US Push to Include 'Wuhan Virus' Language in G7 Joint Statement Fractures Alliance. *CNN*. 26.03.2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/25/politics/g7-coronavirus-statement/index.html> (accessed 12.04.2021).

³⁷ 5 Keys to Unlocking Why the World Health Organization Bows to China on COVID-19. *The Daily Signal*. 01.04.2020. URL: <https://www.dailysignal.com/2020/04/01/5-keys-to-unlocking-why-the-world-health-organization-bows-to-china-on-covid-19/> (accessed 12.04.2021).

³⁸ Opinion: Another Week, Another Scandal at the United Nations. *The Washington Post*. 26.10.2017. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/democracy-post/wp/2017/10/25/another-week-another-scandal-at-the-united-nations/> (accessed 12.04.2021).

³⁹ Donald Trump Speech 2020 UN General Assembly Transcript. *Rev.com*. 22.09.2020. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-speech-2020-un-general-assembly-transcript> (accessed 12.04.2021).

⁴⁰ Xi Jinping's Speech at the General Debate of the 75th Session of the United Nations General Assembly. *China Global Television Network*. 23.09.2020. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-09-23/Full-text-Xi-Jinping-s-speech-at-General-Debate-of-UNGA-U07X2dn8Ag/index.html> (accessed 12.04.2021).

⁴¹ См., например, (Вартазарова, Кобринская 2018).

стремился обвинить Пекин в безответственности, но и привлечь на сторону обвинения другие страны и международные организации, закрепить свою оценку в официальных документах (что можно соотнести с первым этапом социальной стигматизации по Б. Линку и Дж. Фелан). Эти попытки не увенчались успехом, что, как представляется, свидетельствует о произошедшем сдвиге в расстановке геополитических сил на мировой арене.

В доковидную эпоху специалисты сходились во мнении, что наиболее уязвимым компонентом потенциального глобального лидерства КНР является привлекательность её политической и социокультурной модели. Сегодня мы являемся свидетелями того, как ситуация меняется. Ещё весной 2020 г. некоторые эксперты заявляли, что закономерным следствием происходящих событий станет укрепление Китая, раньше других выходящего из эпидемиологического форс-мажора, на сверхдержавных позициях. Эту точку зрения мы можем обнаружить, например, у российского политолога Ф.А. Лукьянова. По его мнению, на фоне сложностей, которые переживают США и Европа, китайское руководство обретает уверенность в своей идейно-политической правоте. Именно этого не хватало до недавнего времени Пекину, привыкшему оперировать экономическими категориями, уклоняясь от серьёзных риторических баталий. Теперь же китайская тональность обретает стальные идеологические нотки⁴².

До определённой степени с этим можно согласиться. Действительно, сегодняшняя ситуация служит своего рода «ковид-тестом» экономической, политико-идеологической и социокультурной жизнеспособности государств. Сами китайцы часто говорят, что на роль их страны на мировой арене позитивно повлиял мировой финансовый кризис 2008-2009 гг., создав новые шансы и более рельефно высветив потенциал страны. Сейчас у них появляются основания добавлять в этот семантический ряд и COVID-19. Как полагают многие эксперты, одним из последствий пандемии станет то, что Китай заменит США в качестве крупнейшей экономики мира (по номинальному ВВП) быстрее, чем прогнозировалось ранее. А опрос, который провели в конце весны 2020 г. в США, Франции и Германии Фонд *Bertelsmann*, Германский фонд Маршалла Соединённых Штатов и Институт Монтеня, показал резкий рост числа респондентов, называющих Китай самой влиятельной страной в мире. Во Франции их число увеличилось с 13% в январе 2020 г. до 28% в мае; в Германии – с 12 до 20%; в США – с 6 до 14%⁴³.

Сегодня мир, находясь в некой точке бифуркации, особенно нуждается в лидере. В этой связи актуализируется точка зрения российского политолога Т.А. Шапклинной, которая пишет о необходимости лидера в ситуации, когда

⁴² Лукьянов Ф. 2020. Евразия после пандемии. *Российская газета*. 15.04.2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/15/lukianov-v-ekonomicheskoy-sfere-vzaimnaia-izoliaciia-nevozmozhna.html> (дата обращения 12.04.2021).

⁴³ The Transatlantic Trends 2020. *The German Marshall Fund of the United States*. 30.06.2020. URL: <https://www.gmfus.org/publications/transatlantic-trends-2020#> (accessed 12.04.2021).

«мир находится в состоянии структурной перестройки или действительно катится к хаосу, что требует проведения преобразований на глобальном уровне» (Шаклеина 2011: 36). Схожее мнение высказывает ещё один представитель российской политической науки А.Н. Михайленко: «...лидер способен усмотреть в разнородных фрагментах действительности элементы новизны... и составить целостную картину, соответствующую тенденциям развития и определяющую их. Он может... наметить пути необходимых совместных преобразований» (Михайленко 2012: 74).

Ситуация с COVID-19 наглядно продемонстрировала, что лидерство в том понимании, которое обозначено в приведённых выше цитатах, присутствует в теоретических конструктах, однако отсутствует на практике. Это доказывают и результаты изучения общественного мнения. Так, основываясь на опросе почти 30 000 человек в 27 странах мира, эксперты Института Милкена и компании *Harris Poll* заявили: «...даже больше, чем вирус, наша общая калечащая проблема – отсутствие лидерства, наблюдаемое на мировой арене»⁴⁴. Китай, стремясь заполнить имеющийся вакуум, позиционирует себя в качестве глобального лидера в борьбе с пандемией. Однако, как мы уже отмечали, лидер – это не только тот, кто идёт впереди, но и тот, кто ведёт за собой остальных. Безусловно, китайский опыт по борьбе с эпидемией заслуживает пристального изучения, но по ряду причин его едва ли можно экстраполировать на другие страны.

Необходимо понимать, что значительную роль в успехах Китая сыграл целый ряд факторов, в том числе: накопленный опыт по борьбе с эпидемиями (прежде всего, с атипичной пневмонией в 2003 г.); высокий уровень коллективистской культуры, которая, ориентируясь на общее благо, облегчает реализацию антиковидных мер; уникальная комбинация «власть – народ». Первая налагает на общественные свободы более существенные по сравнению с западными странами ограничения, второй – готов неукоснительно соблюдать разработанные санитарно-гигиенические нормы и использовать разного рода технические нововведения, в частности, QR-коды здоровья⁴⁵. При этом, если на Западе последние оцениваются как посягательство на права и свободы человека, называются цифровой диктатурой⁴⁶, то в самом Китае подавляющее большинство жителей воспринимает их спокойно, как часть новой реальности.

⁴⁴ COVID-19 Impact Reveals Global Leadership Crisis, According to New Global Survey. *The Milken Institute*. 12.10.2020. URL: <https://milkeninstitute.org/newsroom/covid-19-impact-reveals-global-leadership-crisis-milken-institute-harris-poll> (accessed 12.04.2021).

⁴⁵ Персональный QR-код генерируется приложением, анализирующим информацию обо всех перемещениях владельца телефона. Для этого используются данные электронных платежей и информация, которая считывается при сканировании висящих повсюду QR-кодов. Персональный QR-код обновляется каждый день и имеет три цвета: зелёный, жёлтый, красный. Зайти в любое общественное место можно только при наличии зелёного кода; жёлтый и красный коды выдаются людям, которые имели контакт с заражённым, посетили очаг вируса или сами сообщили о симптомах болезни. Имеющим жёлтый код необходимо самоизолироваться на семь дней, обладателям красного – на две недели и сдать ПЦР-тест.

⁴⁶ Газета *The New York Times* заявила, что «новая система...», похоже, отправляет личные данные в полицию, что является тревожным прецедентом для автоматизированного социального контроля». См. (In Coronavirus Fight, China

В то же время, по крайней мере с позиции стороннего наблюдателя, трудно избежать ассоциаций, которые невольно возникают между QR-кодами здоровья и стигмами, которые в Древней Греции оставляли на теле исключенного из социума человека. Интересно в этой связи мнение итальянского философа Дж. Агамбена, который заявил, что карантинные мероприятия, реализуемые властями, сводят жизнь людей к биологическому существованию. Последние из-за страха заболеть готовы жертвовать практически всем: социальными связями, работой, привязанностями, религиозными и политическими убеждениями и т.д. Такая «голая жизнь» формирует государство машин, а не людей; общество, живущее в постоянном чрезвычайном положении, не может быть свободным. Другие человеческие существа рассматриваются как (потенциальные) распространители вируса, поэтому их нужно избегать любой ценой. «Но война с невидимым врагом, который может таиться в каждом другом человеке, – самая абсурдная из всех войн»⁴⁷. В этой связи возникает вопрос: готов ли современный человек в обмен на некие гарантии своей безопасности к «голой жизни»? Данный вопрос, очевидно, должен стать предметом уже будущих исследований.

***

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов, значимых в контексте тематики работы.

Стигматизация представляет собой процесс социального клеймения индивида или группы, в результате чего они начинают ассоциироваться с чем-то позорным, отталкивающим и в той или иной мере исключаться из социальных связей, т.е. это своего рода социальная девальвация людей. Что касается стигматизации в вопросах здоровья, то она подразумевает возникновение негативной ассоциации между человеком и определённым заболеванием, что зачастую влечёт за собой увеличение предвзятости и нетерпимости со стороны социального большинства, дискриминацию больного, потерю им социального статуса и т.д.

Процессы стигматизации многократно усиливаются в кризисные эпохи, когда общество сталкивается с чем-то неизвестным и представляющим угрозу его членам, в том числе во времена крупных эпидемий. Поэтому ситуация с COVID-19, хотя и имеет свои особенности, не является чем-то исключительным, скорее это подтверждение общего правила. Однако сегодня слово «стигма» входит и в политический дискурс, что доказывают выступления офици-

---

Gives Citizens a Color Code, with Red Flags. *The New York Times*. 01.03.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/01/business/china-coronavirus-surveillance.html> (accessed 12.04.2021)). По мнению исполнительного директора международной правозащитной организации *Human Rights Watch* К. Рота, «первоначальный акцент на здоровье может легко стать троянским конем для более широкого политического мониторинга и вытеснения неугодных. Цит. по (Covid-19: China Pushes for QR Code Based Global Travel System. *BBC News*. 23.11.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/business-55039662> (accessed 12.04.2021)).

⁴⁷ Giorgio Agamben on Coronavirus: "The enemy is not outside, it is within us". *Stanford University*. URL: <http://bookhaven.stanford.edu/2020/03/giorgio-agamben-on-coronavirus-the-enemy-is-not-outside-it-is-within-us/> (accessed 12.04.2021).

альных представителей ООН и её специализированных учреждений, а также председателя КНР Си Цзиньпина. Подобная «экспансия» вполне понятна даже с точки зрения географии научных работ, посвящённых данной проблеме и свидетельствующих о наличии схожих процессов по всему миру. Эти процессы оказывают влияние не только на национальные государства, но и на сферу мировой политики и международных отношений. При этом предпринимаемые некоторыми странами попытки найти виновного в сложившейся ситуации едва ли можно считать конструктивным подходом, поскольку это не способствует борьбе с пандемией, а лишь разжигает ксенофобию и этнический фанатизм. Необходимо понимать, что постковидный мир будет проходить длительный восстановительный период, а различные проявления стигматизации увеличат и без того сильную разобщённость, затруднят реконструкцию международных коммуникаций, создадут дополнительные препятствия для совместного поиска проблем, которых будет немало даже при условии полного искоренения COVID-19.

Возвращаясь к вопросу, поставленному нами в начале исследования, отметим, что, конечно, речь не идёт о стигматизации Китая, поскольку это возможно только в отношении заведомо более слабых и наличии большинства на стороне стигматизатора. В то же время теория социальной стигматизации и концепция «государств-изгоев» как её своеобразный политический аналог расширяют границы нашего понимания процессов, которые происходят сегодня в сфере мировой политики. Неудавшиеся попытки Вашингтона не только объявить Пекин ответственным за пандемию, но и разделить свою оценку с другими акторами международных отношений – ещё одно весомое доказательство геополитических изменений, которые американский истеблишмент до сих пор не может понять и принять. И очевидно, что соперничество с Китаем, «антиковидный потенциал» которого на сегодняшнем этапе значительно превосходит возможности США, будет и дальше нарастать.

Если же говорить о развитии ситуации в целом, а не только в контексте американо-китайских отношений, то, к сожалению, более реальным выглядит сценарий «каждый сам за себя» (и в лучшем случае со своей вакциной от коронавируса⁴⁸), а не оптимистичная перспектива, что сегодняшняя ситуация послужит толчком к укреплению солидарности между странами. В то же время прозвучавший призыв отказаться от политизации и стигматизации COVID-19 имеет существенное значение: он фиксирует новый содержательный тренд в политическом дискурсе, пусть и временный (поскольку связан с конкретным кейсом), но от этого не менее важный, привлекающий внимание мировой общественности к указанной проблеме.

---

⁴⁸ В экспертном докладе, подготовленном Лабораторией анализа международных процессов МГИМО МИД России, вакцина рассматривается как геополитический маркер (Сушенцов 2020: 26-27).

Что касается перспективных направлений исследования, то их существует большое количество. Можно даже утверждать, что в вопросе изучения различных проявлений стигматизации во время новой коронавирусной инфекции мы находимся на неизведанной территории, несмотря на то что научные работы соответствующей тематики выходят достаточно активно. Поэтому необходимы дальнейшие исследования этих процессов не только в традиционных рамках психологии и социологии, но и политологами, что позволит по-новому взглянуть на возможность восстановления связей внутри государств, между государствами и их гражданами в постковидную эпоху.

Об авторе:

Ирина Ильинична Арсентьева – доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д.16. E-mail: airen1@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: February 12, 2021
Accepted: April 19, 2021

Political Discourse on China's Stigmatization in the Context of COVID-19 Pandemic

I.I. Arsenyeva
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46)

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The COVID-19 pandemic has led to an increased interest in studying social stigma. The concept of stigma is also included in political discourse, as evidenced, among other things, by Xi Jinping's speeches, in which the Chinese President urges to abandon further politicization and stigmatization of COVID-19. In this regard, the main aim of the article is to analyze the correlation between the novel coronavirus and stigmatization, not only from the traditional point of view (stigma associated with certain diseases), but also in terms of world politics. To explain the nature of social stigma, the author relies on evolutionary psychology, terror management theory and social identity theory. To analyze ongoing processes in international relations, some provisions of "rogue states" concept, leadership theories, and biopolitics are applied. The primary sources are documents of the World Health Organization (WHO) and the Group of Seven (G7), statements by UN and WHO officials, speeches of Chinese President Xi Jinping and US President Donald Trump, public opinion polls, and

media publications. During the course of the study, the following scientific results were obtained: the works on COVID-19-related stigma have been systematized, the issues considered in them and research gaps are highlighted; the consequences of stigma due the novel coronavirus have been summarized; some differences between stigma during the pandemic and stigma associated with other diseases are also identified; it is suggested to consider COVID-19 stigma not only at the level of interpersonal interactions, but also in international relations; the possible impact of the pandemic on the China's role on the world stage has been revealed. It is concluded that this research approach allows to take a fresh look at the possibility of restoring ties between states and their citizens in a post-COVID-19 world, as well as to assess the likelihood of a change of global leader. In the final part of the article, possible ways of further development of the situation are predicted and prospects for study on the issue are outlined.

Keywords: interpersonal interactions, social stigma, COVID-19-related stigma, China's anti-epidemic experience, health QR code, leadership in international relations, US-China confrontation, post-COVID-19 world

About the author:

Irina I. Arsentyeva – Doctor of Political Science, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 16 Sofia Kovalevskaya Street, Ekaterinburg, Russia, 620108. E-mail: airen1@yandex.ru

Conflict of Interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Adja K.Y.C., Golinelli D., Lenzi J., Fantini M.P., Wu E. 2020. Pandemics and Social Stigma: Who's Next? Italy's Experience with COVID-19. *Public Health*. №185. P. 39-41. DOI: 10.1016/j.puhe.2020.05.054

Agamben G. 2017. Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. *The Omnibus Homo Sacer*. Stanford: Stanford University Press. P. 1-160. DOI: 10.1515/9781503603158

Akiba D. 2020. Reopening America's Schools during the COVID-19 Pandemic: Protecting Asian Students from Stigma and Discrimination. *Frontiers in Sociology*. №5. DOI: 10.3389/fsoc.2020.588936.

Astha K.V. 2020. The Stigma Story of COVID-19 in India. *Indian Journal of Social Psychiatry*. 36(5). P. 46-48. DOI: 10.4103/ijsp.ijsp_287_20.

Bagcchi S. 2020. Stigma during the COVID-19 Pandemic. *The Lancet Infectious Diseases*. 20(7). P. 782. DOI: 10.1016/s1473-3099(20)30498-9.

Becker H.S. 1963. *The Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New York: Free Press. 179 p.

Bhanot D., Singh T., Verma S.K., Sharad S. 2021. Stigma and Discrimination during COVID-19 Pandemic. *Frontiers in Public Health*. Advance online publication. DOI: 10.3389/fpubh.2020.577018

Bhattacharya P., Banerjee D., Rao T.S. 2020. The "Untold" Side of COVID-19: Social Stigma and Its Consequences in India. *Indian Journal of Psychological Medicine*. 42(4). P. 382-386. DOI: 10.1177/0253717620935578.

Black S.P. 2020. Communicability, Stigma, and Xenophobia during the COVID-19 Outbreak. *Language, Culture and Society*. 2(2). P. 242-251. DOI: 10.1075/lcs.00028.bla.

- Budhwani H., Sun R. 2020. Creating COVID-19 Stigma by Referencing the Novel Coronavirus as the “Chinese Virus” on Twitter: Quantitative Analysis of Social Media Data. *Journal of Medical Internet Research*. 22(5). DOI: 10.2196/19301.
- Burki T. 2020. China’s Successful Control of COVID-19. *The Lancet Infectious Diseases*. 20(11). P. 1240-1241. DOI: 10.1016/S1473-3099(20)30800-8.
- Crocker J., Major B. 1989. Social Stigma and Self-Esteem: The Self-Protective Properties of Stigma. *Psychological Review*. 96(4). P. 608-630. DOI: 10.1037/0033-295x.96.4.608.
- Daalen K.R. van, Cobain M., Franco O.H., Chowdhury R. 2021. Stigma: The Social Virus Spreading Faster than COVID-19. *Journal of Epidemiology and Community Health*. Advance online publication. DOI: 10.1136/jech-2020-214436
- Goffman E. 1963. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. 147 p.
- Jones D.S. 2020. History in a Crisis – Lessons for COVID-19. *New England Journal of Medicine*. 382(18). P. 1681-1683. DOI: 10.1056/nejmp2004361.
- Katafuchi Y., Kurita K., Managi Sh. 2020. COVID-19 with Stigma: Theory and Evidence from Mobility Data. *Economics of Disasters and Climate Change*. Advance online publication. DOI: 10.1007/s41885-020-00077-w
- Lake A. 1994. Confronting Backlash States. *Foreign Affairs*. 73(2). P. 45-55. DOI: 10.2307/20045918.
- Lee S., Waters S.F. 2020. Asians and Asian Americans’ Experiences of Racial Discrimination during the COVID-19 Pandemic: Impacts on Health Outcomes and the Buffering Role of Social Support. *Stigma and Health*. Advance online publication. DOI: 10.1037/sah0000275
- Link B.G., Phelan J.C. 2001. Conceptualizing Stigma. *Annual Review of Sociology*. №27. P. 363-385.
- Logie C.H. 2020. Lessons Learned from HIV Can Inform Our Approach to COVID-19 Stigma. *Journal of the International AIDS Society*. 23(5). DOI: 10.1002/jia2.25504.
- Ma Y., Zhan N. 2020. To Mask or Not to Mask amid the COVID-19 Pandemic: How Chinese Students in America Experience and Cope with Stigma. *Chinese Sociological Review*. Advance online publication. DOI: 10.1080/21620555.2020.1833712
- Major B., O’Brien L.T. 2005. The Social Psychology of Stigma. *Annual Review of Psychology*. 56. P. 393-421. DOI: 10.1146/annurev.psych.56.091103.070137.
- Paleari F.G., Pivetti M., Galati D., Fincham F.D. 2021. Hedonic and Eudaimonic Well-Being during the COVID-19 Lockdown in Italy: The Role of Stigma and Appraisals. *British Journal of Health Psychology*. Advance online publication. DOI: 10.1111/bjhp.12508
- Pepurah P., Gyasi R.M. 2021. Stigma and COVID-19 Crisis: A Wake-Up Call. *The International Journal of Health Planning and Management*. 36(1). P. 215-218. DOI: 10.1002/hpm.3065.
- Phelan J.C., Link B.G., Dovidio J.F. 2008. Stigma and Prejudice: One Animal or Two? *Social Science and Medicine*. 67(3). P. 358-367. DOI: 10.1016/j.socscimed.2008.03.022.
- Prosen M. 2020. Social Stigma in the Time of Coronavirus (COVID-19). *Slovenian Nursing Review*. 54(2). P. 100-103. DOI: 10.14528/snr.2020.54.2.3041.
- Qin X., Song L. 2021. Addressing Stigma in the Context of the COVID-19 Outbreak: A Social-Ecological Approach. *Infection Control & Hospital Epidemiology*. Advance online publication. DOI: 10.1017/ice.2020.1433
- Ramaci T., Barattucci M., Ledda C., Rapisarda V. 2020. Social Stigma during COVID-19 and Its Impact on HCWs Outcomes. *Sustainability*. 12(9). DOI: 10.3390/su12093834.
- Saad S.J.A. 2020. COVID-19 Related Stigma, Examining the View of the General Public of Stigma toward People with COVID-19 in Iraq. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*. 24(5). P. 7108-7115. DOI: 10.37200/ijpr/v24i5/pr2020720.

- Sontag S. 1978. *Illness as Metaphor*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 87 p.
- Strong Ph. 1990. Epidemic Psychology: A Model. *Sociology of Health and Illness*. 12(3). P. 249-259. DOI: 10.1111/1467-9566.ep11347150.
- Sulistiyadi W., Rahayu S., Harmani N. 2020. Management of COVID-19 Public Stigma in Indonesian Society. *Kesmas: National Public Health Journal*. Special issue 1. P. 70-76. DOI: 10.21109/kesmas.v15i2.3909.
- Teksin G., Uluyol O.B., Onur O.S., Teksin M.G., Ozdemir H.M. 2020. Stigma-related Factors and Their Effects on Health-Care Workers during COVID-19 Pandemics in Turkey: A Multicenter Study. *The Medical Bulletin of Sisli Hospital*. 54(3). P. 281-290. DOI: 10.14744/semb.2020.02800.
- Tomczyk S., Rahn M., Schmidt S. 2020. Social Distancing and Stigma: Association between Compliance with Behavioral Recommendations, Risk Perception, and Stigmatizing Attitudes during the COVID-19 Outbreak. *Frontiers in Psychology*. №11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01821.
- Uvais N.A., Shihabudheen P., Bishurul Hafi N.A. 2020. Perceived Stress and Stigma among Doctors Working in COVID-19–Designated Hospitals in India. *The Primary Care Companion for CNS Disorders*. 22(4). DOI: 10.4088/pcc.20br02724.
- Wendt A. 1999. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 432 p.
- Zolnikov T.R., Furio F. 2020. Stigma on First Responders during COVID-19. *Stigma and Health*. 5(4). P. 375-379. DOI: 10.1037/sah0000270.
- Bartenev V.I. 2009. Kontseptsiya «gosudarstv-izgoev» vo vneshnei politike SShA [The Concept of “Rogue States” in US Foreign Policy]. *International trends*. 7(19). P. 84-92. (In Russian).
- Bovina I.B., Bovin B.G. 2013. Stigmatizatsiya: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty (chast' 1) [Stigmatization: The Sociopsychological Aspects (part 1)]. *Psychology and Law*. №3. P. 11-23. (In Russian).
- Busygina I.M. 2019. Regional'noe liderstvo v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i rol' Rossii v Evrazii [Regional Leadership in International Relations and the Role of Russia in Eurasia]. *Social Sciences and Contemporary World*. №4. P. 121-133. DOI: 10.31857/S086904990005820-4. (In Russian).
- Vartazarova L.S., Kobrinskaya I.Y. (eds.). 2018. *SShA-Kitai: bor'ba dvukh strategii i praktik mirovogo liderstva* [USA-China: The Struggle of Two Strategies and Practices of World Leadership]. Moscow: IMEMO RAS. 65 p. DOI: 10.20542/978-5-9535-0537-6. (In Russian).
- Martyanov V.S., Fishman L.G. 2020. Posle koronavirusa: ot optimizirovannogo starogo k novomu miru? [After the Coronavirus: From an Optimized Old to a New World?]. *The Free Thought*. №3. P. 9-28. (In Russian).
- Mikhailenko A.N. 2012. Liderstvo v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Leadership in the Modern International Relations]. *Observer*. №5. P. 72-87. (In Russian).
- Smirnov E.N. 2020. «Mirovaya ekonomika koronavirusa»: poisk optimal'nykh putei preodoleniya posledstviy krizisa [“The World Economy of Coronavirus”: Search for Optimal Ways to Overcome the Consequences of the Crisis]. *MGIMO Review of International Relations*. 13(3). P. 243-266. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-243-266. (In Russian).
- Sushentsov A.A. (ed.). 2020. *Mezhdunarodnye ugrozy 2021: Geopolitika posle pandemii* [International Challenges 2021: Geopolitics after the Pandemic]. Moscow: MGIMO University. 27 p. (In Russian).
- Torkunov A.V. 2019. Strategiya administratsii D. Trampa v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [Strategy of the Trump Administration on Asia-Pacific]. *World Economy and International Relations*. 63(6). P. 25-37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-25-37. (In Russian).

Turkulets S.E., Turkulets A.V., Listopadova E.V., Sokolskaya M.V. 2020. Sotsial'naya stigmatizatsiya v period pandemii [Social Stigmatization during Pandemic]. *Sociodynamics*. №5. P. 11-25. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.32945. (In Russian).

Finzen A. 2001. *Psikhoz i stigma* [Psychosis and Stigma]. Moscow: Aleteya. 213 p. (In Russian).

Kharkevich M.V. 2011. Gosudarstva-izgoi i mezhdunarodnoe obshchestvo [Rogue States and International Society]. *Asimmetriya mirovoi sistemy suvereniteta: zony problemnoi gosudarstvennosti* [The Asymmetry of the World System of Sovereignty: Zones of Problematic Statehood]. Moscow: MGIMO-University. P. 48-64. (In Russian).

Kharkevich M.V. 2009. Gosudarstva-izgoi kak obraz «Drugogo» v mirovoi politike [Rogue States as the Image of "Other" in the World Politics]. *Polis. Political Studies*. №4. P. 99-110. (In Russian).

Shakleina T.A. 2015. Liderstvo i sovremenniy mirovoi poryadok [Leadership and Contemporary World Order]. *International trends*. 13(4). P. 6-19. DOI: 10.17994/it.2015.13.4.43.1. (In Russian).

Shakleina T.A. 2011. Evolyutsiya global'noi strategii SShA (2001-2011) [Evolution of the U.S. Global Strategy (2001-2011)]. *Moscow University Bulletin. Ser. 25. International Relations and World Politics*. №3. P. 35-58. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Бартев В.И. 2009. Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США. *Международные процессы*. 7(19). С. 84-92.

Бовина И.Б., Бовин Б.Г. 2013. Стигматизация: социально-психологические аспекты (часть 1). *Психология и право*. №3. С. 11-23.

Бусыгина И.М. 2019. Региональное лидерство в международных отношениях и роль России в Евразии. *Общественные науки и современность*. №4. С. 121-133. DOI: 10.31857/S086904990005820-4.

Варгазарова Л.С., Кобринская И.Я. (ред.). 2018. *США – Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства*. Москва: ИМЭМО РАН. 65 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0537-6.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2020. После коронавируса: от оптимизированного старого к новому миру? *Свободная мысль*. №3. С. 9-28.

Михайленко А.Н. 2012. Лидерство в современных международных отношениях. *Обозреватель-Observer*. №5. С. 72-87.

Смирнов Е.Н. 2020. «Мировая экономика коронавируса»: поиск оптимальных путей преодоления последствий кризиса. *Вестник МГИМО-Университета*. 13(3). С. 243-266. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-243-266.

Сущенцов А.А. (ред.). 2020. *Международные угрозы 2021: Геополитика после пандемии*. Москва: МГИМО МИД России. 27 с.

Торкунов А.В. 2019. Стратегия администрации Д. Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе. *Мировая экономика и международные отношения*. 63(6). С. 25-37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-25-37.

Туркулец С.Е., Туркулец А.В., Листопадова Е.В., Сокольская М.В. 2020. Социальная стигматизация в период пандемии. *Социодинамика*. №5. С. 11-25. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.32945.

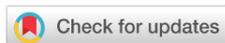
Финзен А. 2001. *Психоз и стигма*. Москва: Алетейа. 213 с.

Харкевич М.В. 2009. «Государства-изгои» как образ «Другого» в мировой политике. *Полис. Политические исследования*. №4. С. 99-110.

Харкевич М.В. 2011. «Государства-изгои» и международное общество. *Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности*. Москва: МГИМО-Университет. С. 48-64.

Шаклеина Т.А. 2011. Эволюция глобальной стратегии США (2001-2011). *Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика*. №3. С. 35-58.

Шаклеина Т.А. 2015. Лидерство и современный мировой порядок. *Международные процессы*. 13(4). С. 6-19. DOI: 10.17994/it.2015.13.4.43.1.

Противоречия и приоритеты постпандемического восстановления глобальной экономики

Е.Н. Смирнов

Государственный университет управления

По мере распространения пандемии коронавируса возрастает степень её негативного воздействия на развитие экономических систем в масштабах мирового хозяйства. При этом всё более неопределёнными становятся вопросы будущего мироустройства и восстановления глобальной экономики. Цель настоящего исследования состоит в обзоре концептуальных и практических подходов к обоснованию возможностей послекризисного восстановления глобальной экономики в условиях продолжающегося отрицательного влияния пандемии на международную торговлю, движение капитала и состояние мировой финансовой системы. Придерживаясь общенаучных методов познания, применяемых в экономической теории, для оценки долгосрочных экономических последствий пандемии автор уделил особое внимание экспертной диагностике и материалам международных экономических организаций. Проведённый анализ показывает, что основное препятствие для восстановления мировой экономики заключается в неоднородности степени воздействия пандемии на отдельные отрасли и экономики стран, а также дифференциация и непоследовательность применявшихся инструментов экономической политики. Кроме того, установлено, что в мире сохраняется высокий потенциал финансовой нестабильности, усугубляется «вакцинный национализм». Основным противоречием становится трансграничный характер вызовов дальнейшего экономического развития при существенном замедлении процессов глобализации. Автор относит нынешнюю пандемию к числу новых глобальных проблем мировой экономики, поскольку её восстановление в нынешних условиях носит неопределённый скачкообразный характер, а также имеют место риски постоянного замедления экономической мобильности. Решение ключевой проблемы экономического роста – увеличение производительности – возможно, лишь при чётком понимании и планировании прогресса с инклюзивным вакцинированием, которое пока труднодостижимо. Если правительства занимаются прежде всего краткосрочной экономической политикой, то на глобальном уровне необходима хорошо скоординированная международная повестка, позволяющая обеспечить переход от поддержки доходов к стимулированию экономического роста, а также к преодолению сложившихся структурных дисбалансов и переколов в системе экономических отношений между странами.

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 01.03.2021 г.

Принята к публикации: 09.04.2021 г.

Ключевые слова: восстановление экономики; пандемия; экономическая политика; экономическая глобализация; глобальный кризис

Снижение глобальной экономической активности из-за пандемии коронавируса было беспрецедентным, и её распространение на развитые, а затем на развивающиеся страны обусловило более серьёзные сбои и ограничения, чем ожидалось ранее (Смирнов 2020). Это привело к синхронизированному глубокому спаду валового внутреннего продукта (ВВП) и потребления практически во всех странах. Произошли значимые изменения в структуре потребительских расходов, поскольку, например, покупки автомобилей были отложены, а расходы на поездки и туристические услуги резко сократились, тогда как расходы на предметы первой необходимости почти не изменились. Примечательно, что во времена традиционных кризисов потребители используют свои сбережения либо полагаются на социальную защиту, поэтому потребление снижается сравнительно меньше инвестиций. В текущем кризисе потребление, равно как и производство услуг, заметно упало. Имеет место уникальная комбинация комплекса факторов – резкие потери доходов, ослабление доверия потребителей, социальное дистанцирование. В свою очередь, компании сократили инвестиции вследствие снижения спроса, неопределённости по поводу будущих доходов и перебоев с поставками.

Экономическая наука оперативно отреагировала на пандемию. Уже в марте прошлого года появился ряд революционных исследований в данной области, среди которых особенно следует отметить работы Р. Болдуина (Baldwin, Weder di Mauro 2020, Д. Бакайи (Baqaee, Farhi 2020), В. Бауэра (Bauer et al. 2021), Н. Блума (Bloom et al. 2020), Б. Бонадио (Bonadio et al. 2020), В. Гуэррьерри (Guerrieri et al. 2020). Между тем в нынешних условиях необходимо проверить готовность мировой экономики к следующей пандемии, т.е. учитывать «заразность» вируса для экономики, что П. Ван Бергейк называет «пандономика»¹, которая принципиальным образом изменила монетарную, фискальную политику и политику в сфере здравоохранения. Необходимо чёткое понимание видов и секторов хозяйственной деятельности, расширяющихся или сужающихся во время карантинных ограничений. Далее П. Ван Бергейк указывает (Van Bergeijk 2021: 11), что «пандономика» представляет собой экономику разорения, так как во время пандемии обнаружился ряд альтернативных экономических издержек, например, рост долга.

¹ Van Bergeijk P. 2021. Economic preparation for the next pandemic. *VoxEU*, March 18. URL: <https://voxeu.org/article/economic-preparation-next-pandemic> (дата обращения: 15.04.2021).

Для готовности к последующим пандемиям Ш. Виплош, профессор экономики женеvского Высшего института международных исследований, считает необходимым революционное изменение подходов к анализу международной экономики, а также институциональной организации общества (Wyplosz 2020: 113-115). Даже в относительно однородном пространстве Европы последствия пандемии серьёзно различаются. Возможно, проводимая политика и институты играют решающую роль в противодействии пандемии.

Любая эпидемия может иметь значительные долгосрочные последствия для экономического роста, что происходит по разным каналам и может привести к банкротствам даже стабильных компаний, росту безработицы и ущербу финансовым системам государств. Исследователи (Chudik et al. 2020) отмечают, что поскольку глобальная рецессия, вследствие нынешней пандемии, была сильнее предыдущих восьми глобальных кризисов, то экономический ущерб в текущей ситуации может быть более продолжительным и серьёзным. Острота шока вызывает изменения в поведении потребителей и бизнеса, что снижает отдачу от капиталовложений. Кроме того, реконфигурация производства может оказаться слишком затратной, что будет способствовать более раннему возобновлению инфляции. В отсутствие мер денежно-кредитного стимулирования и при высоком уровне долговой нагрузки эти тенденции увеличивают риск возникновения финансового кризиса. Кроме того, в литературе (Ниязбекова 2020: 6) указывается, что кризис актуализировал новые уникальные проблемы развития банковского сектора и финансовых систем.

Наложение комплекса негативных факторов и детерминант, связанных с пандемией коронавируса, обусловило высокую степень неопределённости перспектив восстановления мировой экономики, которые мы анализируем в настоящей статье. Структура нашего исследования предусматривает оценку масштабов воздействия пандемии на международные экономические отношения, определение мер противодействия нынешнему глобальному экономическому кризису, выявление возможностей дальнейшего противодействия негативному влиянию пандемии на экономику в контексте выбора эффективных направлений экономической политики.

Масштабы и последствия воздействия пандемии на мировую экономику

С 2020 г. чрезвычайная ситуация, обусловленная пандемией нового коронавируса, переросла в глобальный экономический кризис и кризис общественного здравоохранения, затронувшие мировую экономику с оборотом свыше 90 трлн долл. Ввиду чрезвычайной взаимосвязанности в глобальной экономике вирус был обнаружен более чем в 200 странах, постепенно смещаясь из Китая в другие регионы мира, главным образом, в США и страны Европейского союза.

У пандемии обнаружилось небывало большое число каналов воздействия на экономику. В частности, глобальный кризис привёл к сокращению частных

потоков капитала в развивающиеся страны. Данные Всемирного банка показывают, что в 2020 и 2021 гг. денежные переводы в страны с низким и средним уровнем дохода снизились в 2020 г. на 7,2 %, а в 2021 г. это снижение составит 7,5 %². Ещё более резким за 2020 г. стало сокращение потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (12%) и портфельных инвестиций (15%). Примечательно, что снижение портфельных инвестиций является негативным фактором устойчивости компаний развивающихся стран. Одним из показателей воздействия пандемии на мировую экономику также является «разрыв объёма производства» – разрыв между фактическим ВВП и потенциальным максимальным объёмом производства, который экономика способна достигнуть при полной занятости – так называемый. По оценкам Международного валютного фонда (МВФ), потери за счёт разрыва объёма производства составили 3,6% в 2020 г. для развитых стран, т.е. их экономики работали на 3,6% медленнее своего потенциала³. Среди развитых стран США имеют самый маленький, а страны ЕС – самый большой разрыв объёма производства, однако разрыв объёма производства в США был максимальным с последнего кризиса 2008-2009 гг.

Важнейшим негативным аспектом нынешнего кризиса является усиление неравенства в глобальном масштабе, при этом, по нашему мнению, неравенство по доходам в мире будет иметь устойчивую тенденцию к росту (Смирнов, Карелина 2021: 34). В 2020 г. от 119 до 124 млн человек в мире оказались в состоянии крайней нищеты, что является максимальным показателем с 1998 г., а 60% людей, ставших бедными вследствие пандемии, проживает в Южной Азии⁴. В свою очередь, впервые с момента начала расчётов Индекса развития человеческого потенциала в 1990 г., этот показатель начал снижаться. Около 24 млн людей в 2020 г. не вернулись в образовательные учреждения, и большинство из них проживает в Азии и Африке⁵. Вместе с указанными негативными тенденциями усиливаются гендерные разрывы и внутристрановое неравенство в доходах. По оценке МВФ⁶, в начальный период пандемии коэффициент Джини в развивающихся странах возрос на 2,6 %, поэтому прогресс в этой области, достигнутый за последнее десятилетие, можно считать перечёркнутым.

Рынки труда столкнулись в период нынешнего кризиса с беспрецедентной неустойчивостью. Международная организация труда (МОТ) указывает, что 93% рабочих мест в мире так или иначе столкнулись с ограничениями, а в целом

² World Bank. 2020. Phase II: COVID-19 Crisis through a Migration Lens. *Migration and Development Brief No 33*. The Global Knowledge Partnership on Migration and Development (KNOMAD), The World Bank Group, October, p. 7.

³ IMF. 2020. World Economic Outlook: A Long and Difficult Ascent. *International Monetary Fund (IMF)*, Wash., DC, October 2020, p. 153.

⁴ Lakner C. et al. 2021. *Updated estimates of the impact of COVID-19 on global poverty: Looking back at 2020 and the outlook for 2021*. World Bank Group, January 11. URL: <https://blogs.worldbank.org/opendata/updated-estimates-impact-covid-19-global-poverty-looking-back-2020-and-outlook-2021> (accessed: 15.04.2021).

⁵ UNESCO. 2020. COVID-19 Education Response Report. *Education Sector Issue Notes No 7.1*. UNESCO, April, 6 p.

⁶ Cugat G., Narita F. 2020. How COVID-19 Will Increase Inequality in Emerging Markets and Developing Economies. *IMF Blog, International Monetary Fund, Wash., D.C.*, October 29. URL: <https://blogs.imf.org/2020/10/29/how-covid-19-will-increase-inequality-in-emerging-markets-and-developing-economies/> (accessed: 15.04.2021).

в 2020 г. было потеряно 8,8% рабочего времени, и большая часть этих потерь приходилась на Европу, Северную и Южную Америку. В целом в мире по сравнению с 2019 г. было утрачено 114 млн рабочих мест⁷. Здесь мы особо отмечаем разницу в подходах исследователей к оценке долгосрочного воздействия пандемии на рынки труда развитых и развивающихся стран. Так, Д. Аутор полагает, что даже после завершения пандемии и восстановления экономической активности компании не откажутся от удалённой работы в целях экономии трудовых ресурсов (Autor, Reynolds 2020: 2). Эксперты глобального института McKinsey (Lund et al. 2021) уверены в изменении структуры занятости за счёт повышения удельного веса в будущем удалённой работы до 20-25%, и эта тенденция будет введена в ростом значения электронной коммерции, ускорением внедрения робототехники и искусственного интеллекта, которые нарушат традиционную занятость в туризме, ресторанном бизнесе, розничной торговле.

Степень негативного воздействия карантинных ограничений в разрезе отдельных секторов различна. Отрасли, в которых предполагается прямой контакт между потребителями и поставщиками, а также в секторы, связанные с поездками, такие как международный туризм, пострадали существенно больше. Меньшим было воздействие ограничений в отраслях обрабатывающей промышленности, однако и они испытывают проблемы с поставками промежуточных ресурсов. Поэтому страны, где международный туризм занимает значительную долю ВВП, потенциально в большей степени уязвимы в результате карантинных ограничений.

Если рассматривать воздействие пандемии на отдельные экономики, то в США глубина рецессии была особенно острой, поскольку экономическая активность снизилась в три раза больше уровня, зафиксированного в период кризиса 2008-2009 гг., поэтому и поддержка домохозяйств была намного больше, чем в период Великой рецессии. Экономика Евразии, в свою очередь, испытывает экономический коллапс ввиду стагнации жизненно важных секторов услуг, однако фискальная поддержка в регионе была значительной, и, кроме национальных, широко использовались наднациональные инструменты. Для Японии было характерным ранее эффективное управление пандемией, дополненное беспрецедентными мерами финансовой поддержки. В Китае экономический рост в 2020 г. был самым низким с 1976 г., однако экономика эффективно боролась с пандемией, что во многом было обеспечено обширными государственными инвестициями. Устойчивое восстановление экономики отчасти было обеспечено опережающим ростом экспорта по сравнению с импортом. Смягчение фискальной и монетарной политики, обусловившей рост долга и бюджетного дефицита на раннем этапе пандемии, похоже, подходит к своему логическому завершению.

⁷ ILO. Monitor: COVID-19 and the World of Work. 7th Edition. 2021. *International Labor Organization (ILO)*, January 25, p. 2.

Падение доходов на душу населения уже испытали свыше 90% развивающихся стран, где также возникли серьёзные долгосрочные вызовы роста производительности и инвестиций. В наименее развитых странах больше всего негативное влияние оказала пандемия в наиболее хрупких и охваченных конфликтами экономиках. В развивающихся странах одним из ключевых негативных последствий стало уменьшение прогресса в сфере инвестиций в человеческий капитал. Снижение производства по развивающимся стран стало максимальным с 1960 г. В большей степени затронуты пандемией оказались экономики стран, зависящих от секторов услуг и туризма – Черногория, Мальдивы, – а также стран с крупными вспышками эпидемии – Аргентина, Индия – и зависящих от экспорта промышленных товаров. Как и в развитых странах, всеобъемлющие меры макроэкономической поддержки смягчили снижение экономической активности. Сокращение инвестиций компенсировалось мерами макропруденциальной поддержки и уменьшением процентных ставок, что стимулировало кредитование и поддержку ликвидности. Ф. Рестой (Restoy 2020: 2), председатель Института финансовой стабильности Банка международных расчётов, отмечает, что впервые ключевая роль в вопросах финансовой и экономической стабилизации была отведена пруденциальной, а не традиционной макроэкономической политике. Снижение потребления домохозяйств было меньшим в тех развивающихся странах, которые имели большее пространство фискальной политики, чтобы поддерживать занятость и социальную защиту, а также там, где были сохранены денежные переводы. Несмотря на это, снижение доходов от потери рабочих мест по разным развивающимся странам оценивается в 10-15%.⁸ Страны-экспортёры сырья испытали большой шок ввиду резкого снижения мировых цен на сырьевые товары.

В свою очередь, необходимо отметить сохраняющийся потенциал финансовой нестабильности, усугубляемый повсеместным ростом долгов, однако дефицит инвестиций ограничивает источники финансирования долга, а банковские резервы в период корпоративных банкротств стали ограниченными. Волна списаний по обесцененным кредитам и низкие процентные ставки негативно сказались на прибыльности банковского сектора и повысили риск банкротства его учреждений. Компании накопили значительное долговое бремя в период пандемии, и в таких условиях корпоративные инвестиции ограничены, что особенно актуально для переполненных долгами так называемых компаний «зомби», которые не инвестируют и не внедряют инновации (Banerjee, Hofmann 2020).

Негативное воздействие коронавируса на мировую экономику подтверждается не только отрицательной динамикой рассмотренных выше показателей – вследствие пандемии была подорвана вера в глобализацию, укрепился

---

⁸ ILO. Monitor: COVID-19 and the World of Work. 2020. 6th edition. *International Labor Organization (ILO)*, September 23, p. 9.

национализм, хотя среди правительств чётко осознаются исключительно глобальные возможности борьбы с пандемией. В получении вакцин между развитыми и развивающимися странами существует разрыв. Считается, что проблема так называемого «вакцинного национализма», обсуждаемая в специальной литературе с начала пандемии (Hafner et al. 2020), может замедлить восстановление мировой экономики⁹. Следует также принимать во внимание, что ряд трансграничных вызовов актуализировался ещё до пандемии.

Дифференциация мер противодействия глобальному экономическому кризису

До пандемии мировая экономика пыталась восстановить темпы роста вследствие негативного воздействия нарастающего торгового протекционизма между странами, падения мировых цен на сырьё и неопределённости развития экономики ЕС, частично связанной с Brexit. В совокупности данные проблемы способствовали снижению гибкости политики ведущих стран. Беспрецедентные меры правительств по сдерживанию распространения пандемии коронавируса сложно поддаются количественной оценке, с точки зрения их воздействия на ВВП, однако очевидно, что эти меры привели к сокращению международной торговли, производства, корпоративных инвестиций и расходов домохозяйств. Последствия для роста ВВП зависят от продолжительности и объёма национальных карантинных ограничений, скорости поддержки со стороны денежно-кредитной и бюджетной политики, степени снижения спроса. Даже после ослабления ограничений восстановление производства будет зависеть от мер политики, принятых для поддержки компаний и работников в период спада.

Исследователи хронологически выделяют три этапа в политике противодействия стран глобальному экономическому кризису: 1) применение мер денежно-кредитной политики, таких как обеспечение устойчивости кредитов и стабилизация финансовых рынков; 2) использование фискальных инструментов при поддержке экономического роста, ослабленного карантинными ограничениями; 3) разработка, закупка и распространение вакцин (Jackson et al. 2021: 1). В основном на начальном этапе национальные правительства пошли по пути использования собственных, порой сильно отличающихся друг от друга, стратегий противодействия кризису, включающих, в частности, запрет на экспорт медицинского оборудования. Далее, после беспрецедентного снижения ставки со стороны Федеральной резервной системы (ФРС), центральные банки также снизили процентные ставки для наращивания ликвидности финансовых

⁹ Kretchmer H. 2021. Vaccine nationalism – and how it could affect us all. *The Davos Agenda, World Economic Forum (WEF)*, January 6. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/01/what-is-vaccine-nationalism-coronavirus-its-affects-covid-19-pandemic/> (accessed: 15.04.2021).

систем, а также применяли дополнительные меры: снижение требований к резервам, использование инструментов временного кредитования, смягчение условий предоставления кредитов. Для домохозяйств применялась отсрочка налоговых платежей и пролонгация сроков страхования от безработицы.

Встречи на высшем уровне, проведённые в начале пандемии в рамках «Большой семёрки» и «Большой двадцатки», не смогли обеспечить конкретных, агрессивных и глобально скоординированных действий, ожидаемых экономистами и инвесторами. Страны при введении ограничений на экспорт и закрытии границ часто действовали в одностороннем порядке и стремились учитывать лишь национальные приоритеты. В то же время концепция мультилатерализма объективно важна для стран, оказавшихся на периферии вследствие усиления неравенства (Lazarou 2020). Таким образом, первоначальные усилия по координации ответа на пандемию коронавируса были крайне неравномерными по отдельным странам. Кроме того, изначально логика мер противодействия пандемии балансировала между довольно противоречивыми интересами экономического развития и необходимостью преодоления кризиса общественного здравоохранения, что предполагало: а) противодействие росту дефицита бюджетов ввиду возросших объёмов социальной поддержки; б) поддержку системам здравоохранения стран; в) фискальную и денежно-кредитную поддержку отдельных предприятий и отраслей, столкнувшихся с финансовыми трудностями; г) стимулирование экономической активности домохозяйств с учётом роста их затрат на обслуживание долга, увеличения инфляции, а также принимая во внимание возросшую склонность домохозяйств к предупредительным сбережениям; д) вмешательство монетарных регуляторов в рынки корпоративных облигаций и суверенного долга для обеспечения ликвидности и стабилизации рынков.

Учитывая глобальный характер нынешней пандемии, денежно-кредитная и фискальная реакция на неё намного сильнее, чем в период кризиса 2008-2009 гг. По мнению экспертов Банка международных расчётов (БМР), кризис в системе здравоохранения постепенно ведёт к финансовому кризису, который на начальном этапе является кризисом ликвидности, но затем может стать глубоким кризисом платёжеспособности, если восстановление экономики откладывается¹⁰. Далее проблемы ликвидности стали распространяться на всё более растущее число домохозяйств, компаний и стран за счёт их тесной взаимосвязанности в мировой экономике. Проблемы ликвидности поставили перед правительствами гораздо большие проблемы, чем просто устранение барьеров со стороны предложения, и фокус политики перешёл на вопросы финансового рынка и макроэкономики. Страны начали проводить фискальную политику по предотвращению резкого снижения экономического роста. В свой очередь, на начальном этапе кризиса благосостояние домохозяйств не снизилось так существенно, как

¹⁰ Annual Economic Report 2020. 2020. *Bank for International Settlements (BIS)*, June 30, p. ix.

в период 2008-2009 гг., однако со стороны домохозяйств также наблюдался постепенный рост просрочек по кредитам.

Контрмеры противодействия кризису, принятые во многих странах и на уровне международных экономических организаций, смогли предотвратить наихудшие краткосрочные сценарии развития экономики. Здесь следует отметить новаторскую политику крупных центральных банков, вследствие которой в развивающихся странах впервые были запущены программы количественного смягчения и своповые линии для преодоления дефицита долларовой ликвидности, а в развитых странах осуществлены масштабные покупки активов, которые позволили наполнить мировую экономику ликвидностью и ограничить рост стоимости займов. В целом политика финансовых регуляторов была направлена на поддержку роста предложения кредита в экономике. Вместе с тем БМР отмечает, что фискальные меры поддержки разных стран существенно различаются¹¹. Более того, в развитых странах, где были приняты такие меры в отношении домохозяйств, произошёл резкий рост предупредительных сбережений, сигнализирующий об ограниченных возможностях расходов домохозяйств и их обеспокоенности по поводу потери рабочих мест в период локдауна.

На примере экономики Китая можно рассмотреть вариант наиболее успешного противодействия негативным последствиям пандемии, однако и в этой стране пока сохраняется вялость внутреннего потребления и крайне медленное восстановление присутствия на своих экспортных рынках ввиду роста ограничений на зарубежную деятельность, проблем с доступа к иностранным технологиям и слабым возможностям диверсификации участия компаний в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦСС). Вместе с тем можно отметить достаточно агрессивную политику Китая по преодолению вышеуказанных негативных тенденций и ускорения экономического роста: стимулирование экономики в размере около 0,5 трлн долл.; снижение ставки налога на добавленную стоимость (НДС) и введение льгот по НДС для определённых товаров/услуг; снижение процентных ставок; облегчение условий кредитования и наполнение банков ликвидностью; выпуск специальных казначейских облигаций в размере 143 млрд долл. (Jackson et al. 2021: 99).

В целом, если проводить аналогии с глобальным кризисом 2008-2009 гг., то, несмотря на спорность и неоднозначность антикризисных мер, принятых с целью противодействия той глобальной рецессии, эти меры, однако, позволили не расшатать институциональные и организационные основы мировой экономики и сохранить её относительную устойчивость. В условиях нынешнего экономического кризиса оказалось, что наиболее эффективным механизмом его преодоления является запуск и распространение программ вакцинации, который призван предотвратить новый масштабный шок для экономики и общественно-

¹¹ Ibid, p. 24.

го здравоохранения. С. Джонсон (профессор Школы менеджмента Слоуна Массачусетского технологического института) предполагает¹², что антикризисный прогресс в нынешних условиях может проходить болезненнее и труднее, чем в 2008 г. Такое мнение заслуживает серьёзного внимания по следующим причинам: 1) пока ещё сложно остановить распространение пандемии в мире, и имеется неопределённость с распределением вакцин, и это обстоятельство тормозит глобальное реформирование мировой финансовой системы, тогда как в 2009 г. оно было своевременным и более жёстким; 2) в 2008 г. все страны испытали влияние финансового кризиса, однако сейчас страны Юго-Восточной Азии, например, Китай, оказались лучше подготовлены к пандемии и предприняли оперативные действия для недопущения самых негативных экономических последствий пандемии (вместе с тем это не умаляет необходимости формирования глобальной системы эпидемиологического надзора, отсутствие которой сохраняет высокие риски внезапных вспышек эпидемии в разных странах мира); 3) развивающиеся и наименее развитые страны в условиях их перегруженности долгами почти не имеют средств для модернизации своих систем общественного здравоохранения, и это также делает выход из текущего кризиса более длительным.

К вопросу об устойчивости и перспективах восстановления глобальной экономики

Пандемию коронавируса можно рассматривать как одну из новых глобальных проблем современной мировой экономики, поскольку происходит ухудшение качества международных экономических отношений, продвигается национализм, ставятся под сомнение традиционные интеграционные объединения между странами. В ряде стран развитие общественного здравоохранения стало проблемой национальной безопасности наряду с проблемами ядерного оружия, терроризма, кибератак. Меры по противодействию глобальному финансовому кризису и поддержке экономики, которые в разрезе стран используются крайне неравномерно, повышают риск усиления неравенства доходов, следствием чего может стать ухудшение социальной обстановки в некоторых странах.

Восстановление мировой экономики началось уже осенью 2020 г., однако оно может периодически утрачивать свой импульс и быть весьма неровным, а душевые доходы могут не достигнуть допандемического уровня ещё несколько лет, что вместе с банкротствами предприятий негативно скажется на производительности. Рост государственного долга приведёт к вытеснению инвестиций и ограничит новые заимствования. В свою очередь, нацеленность общественно-

¹² Johnson S. 2021. Can We Prevent the Global Fire Next Time? *Project Syndicate*, March 31. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-prevention-after-covid19-pandemic-by-simon-johnson-2021-03> (accessed: 15.04.2021).

го здравоохранения на борьбу с коронавирусом ограничит лечение других заболеваний. Особо отметим, что мировая финансовая система сохранила свою относительную устойчивость в период пандемии, однако необходимо стремиться к быстрому восстановлению экономического роста посредством наращивания инвестиций в инфраструктуру и цифровые технологии. По прогнозам, вследствие пандемии в 2020-2025 гг. мировое производство потеряет 28 трлн долл¹³. В связи с этим МВФ призвал проводить адаптивную денежно-кредитную политику с упрощением доступа к кредитам, низкими процентными ставками, продолжением фискальной поддержки домохозяйств и компаний¹⁴.

Шок периодического возобновления пандемии откладывает быстрое восстановление мировой экономики. Вместе с тем в Китае оживление потребительского спроса и промышленного производства вызвали рост экономики этой страны, чего почти не демонстрируют другие страны. Параллельно наблюдается лишь замедление восстановления экономики США и стран ЕС, а появление новых штаммов коронавируса привело к новым карантинным ограничениям. Сообщения о разработанных эффективных вакцинах против коронавируса, однако, заметно оживили деловую активность и оценки инвесторов, что, в частности, выразилось в значительном росте в ноябре 2020 г. индекса Доу Джонса, когда он впервые достиг допандемического уровня.

К настоящему времени большинство стран преодолели пиковые уровни пандемии, однако им необходимо обеспечить ресурсы для поддержания национальных систем здравоохранения, чему во многом должно содействовать мировое сообщество, особенно для тех стран, возможности здравоохранения которых ограничены и которые испытывают дефицит вакцин. В то же время одним из ключевых требований МВФ по предоставлению займов развивающимся странам с плохими платёжными балансами является сокращение государственных расходов, что, безусловно, может негативно сказаться на оплате труда в общественном секторе, а также нанести вред системам общественного здравоохранения этих стран. Поэтому для этих стран необходима разработка и внедрение альтернативных механизмов и программ финансовой помощи, в частности, приостановка выплаты долгов и их всеобъемлющая реструктуризация. Такой подход будет надёжным для оздоровления глобальной экономики, которое должно стать инклюзивным. В странах, где сохраняются локдауны, экономическая политика должна продолжать смягчать потери доходов домохозяйств и предусматривать поддержку пострадавшим компаниям. По мере открытия экономики целевая поддержка должна свёртываться, и экономическая

¹³ Gopinath G. 2020. A Long, Uneven and Uncertain Ascent. *International Monetary Fund*, October 13. URL: <https://blogs.imf.org/2020/10/13/a-long-uneven-and-uncertain-ascent/> (accessed: 15.04.2021).

¹⁴ G-20 Surveillance Note. G-20 Leaders' Summit November 21–22, 2020, Riyadh Summit, Virtual Meeting, *International Monetary Fund (IMF)*, November, pp. 2, 6, 10.

политика должна переходить к стимулированию спроса и межотраслевому перераспределению ресурсов.

По мере восстановления экономики мобильность в ней возросла, однако остаётся низкой по сравнению с докризисным уровнем, что свидетельствует о том, что люди добровольно сокращают взаимодействие в общественном транспорте, торговле, туризме и на рабочих местах. Снижение активности привело к небывалому стрессу для мирового рынка труда, который особо остро испытали низкоквалифицированные работники, не имеющие возможности работать удалённо. Одновременно как в развитых, так и в развивающихся странах отмечается ослабление инфляции. Давление на цены объясняется снижением совокупного спроса и мировых цен на сырьё, причём повышательное давление на цены ввиду перебоев в поставках не смогло выступить компенсирующим фактором, выступающим в пользу инфляции.

Ввиду продолжения распространения пандемии, несмотря на существенное восстановление международной товарной торговли, торговля услугами растёт весьма слабо, а финансовые системы многих стран остаются напряжёнными, несмотря на то, что монетарная политика стран уже адаптировалась к условиям текущего кризиса. Ряд стран ЕС в ответ на новые вспышки эпидемии вводит всё новые карантинные ограничения, однако меры противодействия пандемии, отмечают эксперты Всемирного банка, стали «...менее разрушительными и более целенаправленными для экономики»¹⁵, а распространение практики тестирования на коронавирус также сгладило обширные негативные последствия пандемии для экономики. Однако полная отмена блокировок для бизнеса и окончательное снятие карантинных ограничений будут возможны лишь по мере широкого распространения вакцины, которое и определит скорость восстановления экономики. В свою очередь, если восстановление будет продолжительным, то, по оценкам¹⁶, возрастет нагрузка на малый и средний бизнес, который столкнётся с перспективами банкротства и ограничениями ликвидности. Сохранение нестабильной и неопределённой экономической ситуации в мире усиливает риски принятия корпоративных решений об осуществлении зарубежных инвестиций и риски развития мировых финансовых рынков и рынков товаров и услуг. Так, уже очевидно, что в США кризис общественного здравоохранения в ближайшем будущем серьёзно скажется на экономической активности, инфляции и занятости.

Высокий уровень контагиозности коронавируса показал, что восстановление мировой экономики зависит от инклюзивного прогресса стран в сфере вакцинирования, поскольку даже по мере широкого охвата вакцинацией населения

¹⁵ Global Economic Prospects. 2021. *International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank*, Wash., DC, January, p. 9.

¹⁶ Global Financial Stability Report: Bridge to Recovery. 2020. *International Monetary Fund (IMF)*, Wash., DC, October, p. 1.

развитых стран, это может быть малоэффективным, если развивающиеся страны не имеют широкого доступа к надёжным вакцинам. Кроме того, развивающиеся страны стремятся изыскать средства для поддержки своей экономики, тогда как США уже потратили около 25% своего ВВП на данные цели, и масштабы экономического спада удалось сдержать. Расчёты Нобелевского лауреата по экономике М. Спенса показывают, что расходы США на поддержку экономики (на душу населения) на эти цели превышают соответствующий показатель наименее развитых страны в восемь тысяч раз¹⁷.

Сохранение неопределённости в отношении восстановления мировой экономики подтверждается неоднозначностью оценок и прогнозов ключевых международных экономических организаций, которые постоянно пересматриваются с начала пандемии. Прогнозы роста мировой экономики снижались по мере углубления глобальной рецессии, а, например, когда в конце 2020 г. наметились признаки восстановления, прогнозы вновь стали пересматриваться в сторону повышения. На наш взгляд, такая изменчивость прогнозов указывает на то, что этим организациям всё сложнее выйти на конкретные показатели экономического роста, и всё больше возобладает сценарный подход, когда используется веер вариантов для прогнозирования даже на самую краткосрочную перспективу. Между тем Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) указывала, что экономические эффекты кризиса будут различаться в разных странах, поскольку для них характерны разная степень и сроки сдерживающих мер¹⁸. МВФ давал оценку, что для мировой экономики более вероятно в краткосрочной перспективе будут худшие результаты роста, и восстановление экономики в 2021 г. будет лишь частичным¹⁹.

Соглашаясь с медленным восстановлением экономики, Всемирный банк детерминирует его скорость изменениями в структуре потребления и занятости²⁰. Вероятно, в ближайший год следует ожидать сохранения ослабленного частного потребления, поскольку домохозяйства все ещё стремятся к наращиванию предупредительных сбережений. Аналогично компании откладывают капитальные затраты в условиях продолжающейся неопределённости, поэтому инвестиции также не будут расти. В целом скорость восстановления мировой экономики зависит от: длительности пандемии, карантинных ограничений и социального дистанцирования; негативных последствий корпоративных банкротств и роста безработицы; силы трансграничных эффектов ввиду ослабленного спроса на

¹⁷ Spence M., Stiglitz J.E., Ghosh J. 2021. Avoiding a K-shaped Recovery. *Project Syndicate*. March 24. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-economy-avoiding-k-shaped-recovery-by-michael-spence-et-al-2021-03> (accessed: 15.04.2021).

¹⁸ Evaluating the Initial Impact of COVID Containment Measures on Activity. 2020. *Organization for Economic Cooperation and Development (OECD)*, Paris, March 27, 5 p.

¹⁹ World Economic Outlook Update. 2021. *International Monetary Fund*, Wash., D.C., January, p. 5.

²⁰ Global Economic Prospects. 2021. *International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank*, Wash., DC, January, 210 p.

экспорт и дефицита финансирования; реконфигурации ГЦСС, от которой зависит динамика производительности.

Эксперты Всемирного банка предполагают, что в 2022 г. рост мировой экономики составит 3,8%²¹, а нынешняя пандемия нанесёт ущерб потенциальному росту в долгосрочной перспективе. В краткосрочном плане усиление глобального восстановления возможно по мере постепенного роста торговли, потребления и доверия вследствие прогресса с вакцинацией. Ожидается, что в развивающихся странах совокупное производство в 2022 г. будет на 6% ниже допандемического уровня. При этом темпы восстановления экономики будут заметно различаться по отдельным регионам, и особенно сложная ситуация будет либо в регионах, которые испытали крупные вспышки пандемии, либо глобальные вторичные эффекты ввиду ограничений промышленного экспорта и экспорта туристических услуг. Более интенсивным будет восстановление в странах Восточной Азии, в основном за счёт Китая. Потенциальная уязвимость всех регионов может расти на фоне барьеров к распространению вакцин, а также ввиду высокого уровня долга.

В целом, в отношении последствий пандемии сложилась фундаментальная неопределённость, затрудняющая оценку перспектив развития мировой экономики. Прогресс вакцинации, безусловно, является ключевым детерминантом повышения темпов экономического роста. В свою очередь, следует учитывать, что системы производства и распределения в период текущего кризиса изменились, и это может ускорить рост производительности, цифровую трансформацию мировой экономики. Политическая поддержка может нивелировать негативные долгосрочные последствия пандемии для экономики, однако развивающиеся страны имеют ограниченное пространство для манёвров ввиду слабого потенциала здравоохранения, наличия в экономике значительного неформального сектора, а также жёстких ограничений по новым займам.

По мере роста глобальных производственных мощностей для выпуска вакцин это вселяет уверенность, что к концу 2021 г. продолжится восстановление мировой экономики. В этой связи можно ожидать резкого изменения так называемых К-образных моделей роста, получивших распространение в период пандемии²². Такая модель роста может характеризовать не только состояние отдельных отраслей, но и динамику различных макроэкономических агрегированных переменных, например, занятости, которая в разных отраслях может испытывать разную динамику, или дохода, который у разных слоёв общества может иметь разные тенденции. Ближе к 2022 г. произойдёт переход от К-образного роста к восстановлению роста многих секторов, где, очевидно, будут свои лиде-

²¹ Ibid, p. XVII.

²² К-образный рост экономики обычно наблюдается, когда происходит разноскоростное восстановление разных отраслей и секторов. Так, в одних секторах наблюдается рост, а в других продолжается снижение, что графически напоминает символ «К».

ры и аутсайдеры. Значительных положительных изменений следует ожидать по мере восстановления секторов услуг, где занятость традиционно высока.

Несмотря на указанные положительные оценки, негативное влияние пандемии на доходы населения и глобальную экономическую активность будет долгосрочным, что снизит потенциал роста глобального производства, занятости и загрузки производственных мощностей. Поэтому необходимы институциональные реформы стимулирования экономического роста с учётом высокого долга и слабого финансового положения хозяйствующих субъектов. Негативное давление на финансовые рынки получилось сгладить за счёт программ покупки активов центральными банками в некоторых развивающихся странах, а также мер адаптивной монетарной политики в развитых странах. Вместе с тем программы покупки активов в развивающихся странах были менее прозрачными, чем в развитых странах, и продолжение их применения как инструмента финансирования бюджетного дефицита создаёт риск подрыва независимости центральных банков и ослабления инфляционных ожиданий.

В период восстановления возможен возврат к моделям потребления, которых раньше не было, и теперь они будут стимулироваться отложенным спросом, что может обусловить развитие депрессивных секторов и снижение безработицы, особенно в условиях распространения (и уже произошедшего закрепления на законодательном уровне ряда стран) гибридных (смешанных) моделей занятости. По всей видимости, восстановление мирового спроса будет происходить быстрее, чем будет преодолено временное сокращение предложения, и здесь следует ожидать временного роста инфляции, хотя это не стоит расценивать как тревожную тенденцию. Значительный потенциал роста сохраняется для международных поездок, которые пока существенно ограничены, и эти ограничения будут сохраняться ввиду того, что международный туризм всегда связан необходимостью согласования на уровне нескольких юрисдикций, а единого подхода здесь пока не выработано.

Поскольку глубина нынешней рецессии максимальна за последние полтора столетия, несмотря на возобновление роста экономической активности, пока трудно предполагать срок её возвращения к допандемическому уровню. По всей видимости, в ближайшие годы темпы экономического роста развитых и развивающихся стран сблизятся, поскольку развитые экономики на фоне адаптивной монетарной политики и широкого распространения вакцинации будут восстанавливаться с темпами выше докризисных. В свою очередь, темпы роста ВВП развивающихся стран будут более сдержанными, и здесь ещё некоторое время на инвестициях и потреблении будут сказываться затяжные эффекты пандемии.

Со временем даже если пандемия будет взята под контроль, сохраняется её потенциальное длительное негативное влияние на экономический рост и вероятность нового финансового кризиса, поскольку, во-первых, в мире накоплены беспрецедентные объёмы долгов, а во-вторых, банковские системы, несмотря

на их высокую капитализацию, имеют риск снижения устойчивости, если пройдёт волна новых корпоративных банкротств. Как потенциальный катализатор экономического роста будет выступать рост спроса и доверия со стороны потребителей, ведомые быстрым распространением эффективных вакцин в мире. Следует оговориться, что здесь важным фактором выступает желание (или нежелание) населения иммунизироваться, поскольку отказ от вакцинации будет продолжать тормозить экономический рост. Поэтому не только трудности с распространением вакцин являются важнейшим фактором восстановления экономики, но и личное отношение потребителей к вакцинации.

Важным аспектом анализа динамики глобального экономического роста является вероятная долгосрочная перспектива сохранения низких процентных ставок и низкой инфляции, значимых для трендов фискальной и монетарной политики. В развитых странах фискальная политика играет важную роль в достижении макроэкономической стабильности, тогда как возможности монетарной политики ограничены. В долгосрочном плане для развитых стран необходимы экономические реформы на основе межотраслевого перераспределения ресурсов как фактора роста производительности и более широкого внедрения цифровизации и автоматизации. Монетарная политика развивающихся стран, скорее всего, останется адаптивной, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Так, в указанной группе стран продолжается реализация программ покупки активов, доказавших свою эффективность в стабилизации финансовых рынков в начале пандемии. Однако такие программы не должны ослаблять инфляционные ожидания и независимость регуляторов. С точки зрения финансовой стабильности также вызывает определённые сомнения и снижение требований к ликвидности и капиталу банков для повышения доступности кредитов, что также широко реализуется в развивающихся странах.

В перспективе вследствие пандемии замедлится рост производительности и производства, поскольку особенно негативным будет воздействие на человеческий капитал, предложение рабочей силы и инвестиции (отметим, что замедление производительности наблюдается в мировой экономике ещё со времён кризиса 2008-2009 гг., что отмечалось в соответствующей литературе (Dierpe 2020: 8)). Замедление инвестиций в последнее десятилетие усилится ещё больше, поскольку нет никакой уверенности инвесторов в прибыльности, а это означает, что накопление капитала в развивающихся странах будет снижаться. По мере широкого распространения вакцинации доверие бизнеса и потребителей будет восстанавливаться, а настроения на финансовых рынках – укрепляться. Несмотря на некоторое ужесточение фискальной политики в ведущих странах, в ближайшее время бюджетный дефицит сохранится. Если мировая экономика будет восстанавливаться слабо, то это может вызвать волны корпоративных банкротств и ухудшение балансов банков, а правительства будут не в состоянии оказывать дополнительную поддержку экономике. В краткосрочной перспективе все ещё сохраняется вероятность как суверенных, так и корпоратив-

ных дефолтов, что сделает бизнес и потребителей ещё более осторожными, и их соответствующие инвестиции и расходы снизятся. Вместе с тем сверхнизкие процентные ставки могут помочь слабым компаниям, вытесняя более сильные компании, которые преимущественно обеспечивают рост производительности. В мире продолжится тенденция роста глобальных (предупредительных) сбережений и снижения инвестиций. Экономический рост будет слабым, а снижение долга – незначительным. В конечном итоге будет проявляться так называемый «парадокс бережливости». В целом карантинные ограничения ещё некоторое время будут способствовать снижению производительности, поскольку глобальная торговля стала более фрагментированной. В то же время в пользу роста производительности выступают такие факторы, как глобализация и распространение цифровых услуг, технологий и практик, внедрённых в период пандемии.

Вместе с тем уже сейчас стал очевидным риск продолжения распространения пандемии в странах, имеющих задержки с вакцинированием ввиду дефицита поставок вакцин. В данном случае социальное дистанцирование и карантинные ограничения становятся уже неэффективными, поскольку появляются новые штаммы вируса. В силу ограниченного доступа к медикаментам вакцинация развивающихся стран может быть недостаточной или происходить с задержкой, а кроме того, следует учитывать нежелание части населения вакцинироваться. Для таких стран возможно ухудшение условий на финансовом рынке, в частности, рост вероятности оттока капитала, что скажется на наиболее рискованных группах заёмщиков. Также продолжится снижение частного потребления, инвестиций и банкротства предприятий, особенно подверженных риску безработицы.

Отдельного внимания в рамках нашей статьи заслуживают проблемы так называемого зелёного восстановления, которое предполагает применение широкого пакета зелёных реформ, ориентируясь на Цели устойчивого развития, сформулированные на период 2015-2030 гг. Вопросы зелёного роста мировой экономики вызвали большой всплеск научного интереса (Acosta, Grafakos 2020, Herburn et al. 2020, Maas, Lucas 2021).

Нестандартный характер восстановления актуализировал довольно необычные дебаты и дискуссию о том, какой должна быть политика зелёного восстановления экономики, которые позволяют пролить свет на возможности совершенствования институциональной структуры политики восстановления. В частности, высокий уровень государственного долга ограничивает фискальное пространство многих стран, и основным риском является то, что расходы на зелёное восстановление могут замещаться другими расходами, которые они считают более значимыми.

Кроме того, планы зелёного восстановления уже подвергаются частичной критике в специальной литературе в части того, что усилия по так называемой декарбонизации экономики могут оказаться тщетными, а к 2030 г. ожидается

снижение выбросов углекислого газа в атмосферу лишь в размере 2% (Politt 2020: 4). Усиливающееся неравенство в мире выступает основным негативным фактором, препятствующим подключить как можно больше стран к политике декарбонизации. Между тем в пользу снижения выбросов свидетельствует сформировавшийся положительный тренд перехода от традиционных автомобилей к электромобилям, доля которых в структуре мирового автомобильного парка к 2030 году в силу ряда факторов, по имеющимся оценкам (Пасько 2021: 20), существенно возрастёт.

Перспективная экономическая политика

В настоящее время актуальными для правительств стран остаются именно краткосрочные меры экономической политики, однако в силу динамичной природы нынешнего кризиса он уже трансформировался в глобальный торговоэкономический кризис. Если на начальном этапе политика в основном была направлена на устранение прямых экономических последствий, то в настоящее время принимаются дополнительные денежно-кредитные или фискальные меры, которые, по оценкам экспертов, могут лишь усложнить ситуацию по мере завершения пандемии (Jackson et al. 2021: 40). Первоначально ожидалось, что пандемия создаст лишь экономические последствия в виде краткосрочных проблем с поставками ввиду падения производства и введения карантинных ограничений. Вместе с тем по мере усиления пандемии росли опасения, что указанные шоки предложения могут создать более масштабные шоки спроса вследствие снижения потребительской активности домохозяйств и предприятий, что привело к снижению темпов роста мировой экономики. Снижение потребительской активности привело к стагнации сектора услуг, на который в экономике развитых стран приходится большая часть ВВП, и компании данного сектора стремились создавать запасы ликвидности, чему способствовала политика стран по снижению процентных ставок, чтобы предотвратить потенциальные банкротства.

Ф. Агийон, профессор Гарвардского университета, считает устранение пандемии коронавируса самым дешёвым способом восстановления экономики, и страны, выбравшие такую «стратегию ликвидации» (Китай, Республика Корея, Австралия, Исландия, Вьетнам, Таиланд и др.) сумели достичь контроля над вирусом, снизить неопределённость и возобновить экономический рост²³. Вместе с тем страны ЕС следовали логике блокировок и карантинных ограничений, что привело к более разрушительным последствиям для их экономики, неопределённости планирования и долгосрочного экономического роста. Развитые страны в основном нацелены на накопление средств для противостояния

²³ Aghion Ph. et al. 2021. Aiming for zero Covid-19 to ensure economic growth. *VoxEU*, March 31. URL: <https://voxeu.org/article/aiming-zero-covid-19-ensure-economic-growth> (accessed: 15.04.2021).

все новым вспышкам пандемии, вместо того чтобы инвестировать в инновации. В качестве негативного фактора следует добавить отложенные кампании по вакцинации, которые лишь усугубляют ситуацию. «Стратегия ликвидации» уже признана в научном сообществе (Chetty et al. 2020) в качестве наиболее эффективной, с точки зрения вреда экономике в средне- и долгосрочной перспективе. В странах, которые изначально придерживались данной стратегии, отрасли сферы услуг и ВВП в целом уже возобновили уверенный рост, тогда как в Европе ещё наблюдается спад. Рост ВВП стран, придерживавшихся стратегии ликвидации, был выше на 10% по сравнению с аналогичным показателем у стран Европы. В развитых странах, использовавших стратегию ликвидации (Австралия Новая Зеландия, Республика Корея, Япония), по сравнению с лидерами Европы (Германия, Испания, Италия, Франция), стабильность и экономический рост быстро вернулись к допандемическим уровням без существенного сравнительного прироста смертности.

В силу эпидемиологической и экономической взаимосвязанности стран Европы им необходима, как указывают в своём исследовании сотрудники французского Национального центра научных исследований и Оксфордского университета Б. Прадельски и М. Олиу-Бартон²⁴, совместная стратегия на основе «зелёного зонирования», когда все страны делятся на зоны, а зелёными становятся те, в которых охват вируса стал достаточно низким. Странами ЕС уже приняты критерии для определения таких зон, однако не обозначили инструменты их защиты. Без этого стратегия выхода из пандемии будет оставаться неубедительной, тогда как стремление к нулевому охвату коронавирусом продолжает оставаться самым эффективным и безопасным способом возврата к нормальной жизни.

Интересным является точка зрения Д. Гроса о том, что правительства развитых стран продолжают оставлять «фискальные краны открытыми»²⁵, поэтому возникает значительная неопределённость по поводу необходимости продолжения такой поддержки. Особенно широким фискальное вмешательство было в США и в ЕС со стороны как правительств стран, так и Европейского центрального банка. Это позволило указанным странам поддерживать личные доходы и занятость. Однако комбинированные масштабные меры монетарной и фискальной политики были жизненно необходимы в период сильнейшего экономического спада, и даже в условиях использования этих мер карантинные ограничения привели к резкому сокращению спроса, а затем и предложения.

²⁴ Pradeliski B., Oliu-Barton M. 2020. Green bridges: Reconnecting Europe to avoid economic disaster. *VoxEU.org*, February 09. URL: <https://voxeu.org/article/green-bridges-reconnecting-europe-avoid-economic-disaster#1> (accessed: 15.04.2021).

²⁵ Gros D. 2021. Fiscal Follies in the COVID Recovery. *Project Syndicate*, March 05. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/folly-of-additional-deficit-financed-fiscal-stimulus-in-2021-by-daniel-gros-2021-03> (accessed: 15.04.2021).

Своевременная реакция развитых стран способствовала значительному расширению ликвидности домохозяйств, компаний и финансовых учреждений.

Таким образом, на нынешнем этапе восстановления экономики применение налогово-бюджетных и денежно-кредитных стимулов должно быть оправданным. Вместе с тем необходимо ли и сегодня стремиться к сокращению бюджетного дефицита, как это было в условиях глобального кризиса 2008-2009 гг.? Казалось бы, правительствам необходимо продолжать некое-торое стимулирование потребления путём обеспечения замещающего дохода. Вероятно, что крупные трансферты со стороны правительств будут сохранены в краткосрочной перспективе для преодоления высокой безработицы и разрыва в объёмах производства. С другой стороны, вряд ли крупные трансферты домохозяйства будут стимулировать дополнительный спрос со стороны домохозяйств, хотя есть оценки, что с их стороны может быть потребление, компенсирующее сокращение прошлогоднего спроса. В любом случае продолжение трансфертов домохозяйствам будет вести не только к росту государственного долга, но и увеличение импорта для США, что усилит отрицательный дефицит их торгового баланса. Возможно, на нынешнем этапе необходимо международное сотрудничество в фискальной сфере, которое следует рассматривать как важнейший инструмент снижения вероятности так называемой «проблемы безбилетника», когда страны с относительно жёсткой фискальной политикой и положительным торговым балансом снижают мировой спрос, однако получают некоторые выгоды от экспансионистской налогово-бюджетной политики других стран. Так, ответом США на их несогласие и критику пакетов фискального стимулирования, принятых в ЕС в период пандемии, может являться дальнейшее усиление агрессивной протекционистской политики.

По мере свёртывания пандемии развитым странам необходимо переходить к политике стимулирования экономического роста от используемой ныне политики поддержки доходов, и важная роль в стимулировании экономической активности должна отводиться фискальной политике, а в долгосрочной перспективе – структурному реформированию, нацеленному на преодоление неравенства, расширение использования цифровых технологий и межотраслевое перераспределение ресурсов. Вероятно, в течение долгих лет номинальные процентные ставки будут оставаться низкими и даже отрицательными, что будет обусловлено потребностями восстановления экономики. Поскольку инфляция после пандемии может расти быстрыми темпами, то необходимы нетрадиционные инструменты политики для таргетирования инфляции. В свою очередь, необходимо крайне осторожно относиться к поддержке перегруженных долгами заёмщиков, и эта поддержка после пандемии должна быть отменена, чтобы не допустить роста долга. Фискальные мультипликаторы достигают больших величин в периоды роста безработицы, поэтому здесь необходимо перераспределение государственных расходов в части их увеличения на инвестиции в инфраструктуру и образование. Наконец, с учётом того, что в результате панде-

мии производство в развитых странах сократилось, необходимы новые стратегии для развития малого и среднего бизнеса, его поддержки посредством налоговых реформ, а также использования преимуществ ускоренной автоматизации и цифровизации.

Для развивающихся стран краткосрочным приоритетом восстановления экономики являются управление пандемией и содействие распространению вакцин. Необходим поиск такого баланса между прекращением господдержки и стимулированием экономического роста, который обеспечит стабильность государственных финансов. В наименее развитых странах это может потребовать продолжения политики списания долгов. В целом, в развивающихся странах необходимы обширные реформы общественного здравоохранения, перераспределение инвестиций в пользу развития зелёной инфраструктуры и цифровых технологий, достижение прозрачности в управлении долгом. Также в качестве перспективного направления для развивающихся стран является их ускоренное встраивание в ГЦСС, для чего, по мнению исследователей, необходима диверсификация видов деятельности, которые эти страны могут расширить под влиянием автоматизации (Кириллов, Миллер 2021: 94). В частности, эксперты Всемирного банка обращают внимание, что, например, в Китае, в условиях обострения проблемы государственного долга, денежно-кредитная политика должна не ужесточаться, а оставаться гибкой, чтобы обеспечивать эффективное управление финансовыми рисками²⁶. Также критически значимыми для восстановления экономики Китая являются переход от государственных инвестиций к потреблению, снижение регулирующей роли государства, поощрение инвестиций в человеческий капитал.

Несмотря на сохранение рисков инфляционного давления в развивающихся странах, они могут продолжать проводить адаптивную денежно-кредитную политику на фоне низких глобальных процентных ставок, а низкая стоимость займов снизит долговую нагрузку на экономику. Однако такой подход вряд ли применим для стран с истощаемыми резервами или существенным отрицательным сальдо платёжных балансов. Длительное использование программ покупки активов со стороны центральных банков развивающихся стран в долгосрочном плане может создать новые риски, подрывая авторитет и независимость центральных банков. Если же такие программы будут использоваться для преодоления дефицита бюджета, это приведёт к оттоку капитала, девальвации национальной валюты и росту инфляции.

Основной проблемой противодействия пандемии коронавируса является то, что ресурсы для её сдерживания и смягчения её последствий для экономики, общества и здравоохранения распределены между странами неравномерно. Так, развивающиеся страны по сравнению с развитыми имеют ограниченное

²⁶ Global Economic Prospects. 2021. *International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank*, Wash., DC, January, pp. 47-48.

фискальное пространство, поэтому в данной связи актуализируется проблема глобального сотрудничества в сфере облегчении долговой нагрузки наименее развитых стран. В своё время известный План Брэйди по реструктуризации задолженности в начале 1990-х гг. способствовал существенному уменьшению долга развивающихся стран, что во многом обеспечило восстановление мировой экономики. Новый подход к уменьшению долгового бремени наименее развитых стран, анонсированный странами «Большой двадцатки»²⁷, призван облегчить координацию между странами-кредиторами по суверенным займам, но этот подход должен быть расширен и охватывать также сферу международных коммерческих займов. В свою очередь, в сфере разработки и распространения вакцин также необходимы глобально скоординированные подходы, основанные на справедливом и доступном распределении вакцин.

При дальнейшей разработке мер экономической политики важным параметром должно стать достижение большей инклюзивности политики зелёного восстановления, для чего необходима её адаптация на национальном уровне, особенно в тех странах, которые пока весьма консервативно настроены по поводу декарбонизации, например, по таким направлениям, как взимание налога на добавленную стоимость, разработка программ утилизации автомобилей, субсидирование программ возобновляемой энергетики, стимулирование энергоёмких отраслей и пр. Во многих странах ещё необходим поиск компромиссов между зелёным восстановлением экономики и другими целями развития (Ashraf, Van Seters 2021), а также убедительные доказательства выгод инвестиций в экологически ориентированное восстановление экономики.

Скорость восстановления экономики, бесспорно, будет зависеть от дальнейшего распространения пандемии, которое, в свою очередь, детерминировано распространением эффективных вакцин. Вместе с тем для мировой экономики актуальной проблемой остаётся рост производительности труда, ограниченной перебоями в занятости и обучении, сохраняющейся неопределённостью развития экономики и низким спросом. Для повышения устойчивости экономического развития в будущем необходимы значительные капиталовложения, а также фундаментальные сдвиги и изменения в системах образования и социальной защиты, общественном транспорте, городском планировании. В сфере международной экономики тоже необходимо изменение подходов, поскольку, например, ЕС достиг уровня высокоинтегрированного рынка, однако в сфере здравоохранения национальная политика стран-членов остаётся асинхронной. В целом, для стабильного функционирования и дальнейшего развития мировой экономики, несмотря на серьёзное замедление процессов экономической глобализации, необходимо дальнейшее развитие системы глобальных общественных благ.

²⁷ Statement: Extraordinary G20 Finance Ministers and Central Bank Governors' Meeting. 2020. *G20 up of 20*. November 13. URL: https://www.mof.go.jp/english/international_policy/convention/g20/g20_201113_1.pdf (accessed: 15.04.2021).

Об авторе:

Евгений Николаевич Смирнов – доктор экономических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений ФГБОУ ВО «Государственный университет управления». 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99. E-mail: smirnov_en@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 339.9
Received: March 02, 2021
Accepted for publication: April 09, 2021

Post-Pandemic Recovery of the Global Economy

E.N. Smirnov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-2-77-47-71](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-47-71)

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract: As the coronavirus pandemic continues to spread, the degree of its negative impact on the development of economic systems throughout the world economy increases. At the same time, the issues of the future world order and the restoration of the global economy are becoming more and more uncertain. The purpose of our study was to review the conceptual and practical approaches to substantiating the possibilities of postcrisis recovery of the global economy in the context of the continuing negative impact of the pandemic on international trade, capital flows and the development of the world financial system. The article reviews the materials of international economic organizations to assess the longterm economic consequences of the pandemic. The analysis shows that the main problem in assessing the possibilities for the recovery of the world economy is the existing heterogeneity in the degree of the pandemic's impact on individual sectors and economies of countries, as well as the differentiation and inconsistency of the applied economic policy instruments. In addition, it was found that the world retains a high potential for financial instability, and "vaccine nationalism" is getting worse. The main contradiction is the transboundary nature of the challenges to further economic development with a significant slowdown in globalization processes. The author considers the current pandemic to be one of the new global problems of the world economy, since its recovery in the current conditions is of an indefinite spasmodic nature, and there are also risks of a permanent slowdown in economic mobility. The solution to the key problem of economic growth - increasing productivity - is possible only with a clear understanding and planning of progress with inclusive vaccination, which is so far elusive. Although shortterm economic policy is a priority for governments, a wellcoordinated international agenda is needed at the global level to ensure the transition from income support to stimulating economic growth, as well as to overcome the existing structural imbalances and distortions in the system of economic relations between countries.

Keywords: economic recovery; pandemic; economic policy; economic globalization; global crisis

About the author:

Evgeny N. Smirnov – Doctor of Economics, professor, Deputy Head of the World Economy and International Economic Relations Department, State University of Management. 109542, Moscow, Ryazansky prospect, 99. E-mail: smirnov_en@mail.ru

References:

- Acosta L., Grafakos S. 2020. Achieving Green Growth and Climate Action Post-COVID-19. *GGGI Technical Report*. №13. Global Green Growth Institute (GGGI), Seoul. 62 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.13208.42240
- Ashraf N., Van Seters J. 2021. Towards a Global Green Recovery: The cases of Denmark, the EU, Germany, the Netherlands and the UK. *Discussion Paper*. №295. European Centre for Development Policy Management (ECDPM). 26 p.
- Autor D., Reynolds E. 2020. *The Nature of Work after the COVID Crisis: Too Few Low-Wage Jobs*. The Hamilton Project, Brookings Institution, Essay 2020-14. 9 p.
- Baldwin R., Weder di Mauro E. 2020. *Economics in the Time of COVID-19*. CEPR Press. 115 p.
- Banerjee R.N., Hofmann B. 2020. Corporate Zombies: Anatomy and Life Cycle. *BIS Working Paper*. №882. Bank for International Settlements, Basel. 29 p.
- Baqae D., Farhi E. 2020. Supply and Demand in Disaggregated Keynesian Economies with an Application to the Covid-19 Crisis. *NBER Working Paper*. №27152, National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA. 65 p.
- Bauer W.A. et al. 2021. Flattening the Insolvency Curve: Promoting Corporate Restructuring in Asia and the Pacific in the Post-C19 Recovery. *IMF Working Paper* 2021/016. January 29. International Monetary Fund. 40 p.
- Bloom N., Bunn P., Mizen P., Smietanka P., Thwaites G. 2020. The Impact of Covid-19 on Productivity. *NBER Working Paper*. №28233, National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge. 25 p.
- Bonadio B., Huo Z., Levchenko A.A., Pandalai-Nayar N. 2020. Global Supply Chains in the Pandemic. *NBER Working Paper*. №27224. National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA. 51 p.
- Chetty R. et al. 2020. The Economic Impacts of COVID-19: Evidence from a New Public Database Built Using Private Sector Data. *NBER working paper*, №27431, National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge. 64 p.
- Chudik A. et al. 2020. A Counterfactual Economic Analysis of Covid-19 Using a Threshold Augmented Multi-Country Model. *NBER Working Paper*, No 27855, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA. 37 p.
- Dieppe A. 2020. *Global Productivity: Trends, Drivers, and Policies*. The World Bank. 389 p.
- Guerrieri V., Lorenzoni G., Straub L., Werning I. 2020. Macroeconomic Implications of COVID-19: Can Negative Supply Shocks Cause Demand Shortages? *NBER Working Paper*. №26918, National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge. 36 p.
- Hafner M., Yerushalmi E., Fays C., Dufresne E., Van Stolk C. 2020. *COVID-19 and the Cost of Vaccine Nationalism*. RAND Corporation. 61 p.
- Hepburn C., O'Callaghan B., Stern N., Stiglitz J., Zenghelis D. 2020. Will COVID-19 Fiscal Recovery Packages Accelerate or Retard Progress on Climate Change? *Oxford Review of Economic Policy*. №36, P. 359-381. DOI: 10.1093/oxrep/groa015
- Jackson J.K. et al. 2021. Global Economic Effects of COVID-19. *CRS Report*, Congressional Research Service (CRS), R46270, Version 64. 140 p.

Lazarou E. 2020. The Future of Multilateralism and Strategic Partnerships. *EPRS Ideas Paper*. №PE 652.071. European Parliament. 12 p.

Lund S. et al. 2021. *The Future of Work After COVID-19*. McKinsey Global Institute.

Maas T., Lucas P. 2021. Global Green Recovery: From Global Narrative to International Policy. *PBL Netherlands Environmental Assessment Agency Note*. 26 p.

Politt H. 2020. Assessment of Green Recovery Plans after Covid-19. *Cambridge Econometrics Final Report*. Cambridge, UK. 33 p.

Restoy F. 2020. Central Banks and Financial Stability: A Reflection after the COVID-19 outbreak. *Occasional Paper*, №16. Bank for International Settlements, Basel. 9 p.

Van Bergeijk P. 2021. The Political Economy of the Next Pandemic. *International Institute of Social Studies Working Paper*. № 678, April, Hague, Netherlands. 22 p. DOI: 10.2139/ssrn.3831710

Wyplosz C. 2020. The Good Thing about Coronavirus Baldwin R., Weder di Mauro E. (eds). *Economics in the Time of COVID-19*. CEPR Press. 115 p.

Kirillov V.N., Miller Ya.V. 2021. Global'nyye tseppochki sozdaniya stoimosti v kontekste novykh vyzovov razvitiya mirovoy ekonomiki [Global Value Chains in the Context of New Challenges in the Development of the World Economy]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. №2, P. 86-97. (In Russian). DOI: 10.24411/2072-8042-2021-2-86-97

Niyazbekova Sh.U. 2020. Menedzhment zarubezhnykh bankov v usloviyakh pandemii: problemy i puti ikh resheniya [Management of Foreign Banks in a Pandemic: Problems and Solutions]. *E-Management*. №3, P. 4-12. (In Russian). DOI: 10.26425/2658-3445-2020-3-3-4-12

Pasko A.V. 2021. Trendy tsifrovoy transformatsii mirovogo avtomobilstroyeniya [Trends in the Digital Transformation of the Global Automotive Industry]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. №3, P. 18-26. (In Russian). DOI: 10.24411/2072-8042-2021-3-18-26

Smirnov Ye.N. 2020. «Mirovaya ekonomika koronavirusa»: poisk optimal'nykh putey preodoleniya posledstviy krizisa [“World Economy of Coronavirus”: Searching for Optimal Ways to Overcome the Consequences of the Crisis]. *MGIMO Review of International Relations*. 13(3), P. 243-266. (In Russian).

Smirnov Ye.N., Karelina Ye.A. 2021. Otsenka paradoksov i riskov razvitiya global'noy ekonomiki v usloviyakh koronakrizisa [Assessment of Paradoxes and Risks of the Development of the Global Economy in the Context of Coronacrisis]. *Innovatsii i investitsii*. №2, P. 33-38. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Кириллов В.Н., Миллер Я.В. 2021. Глобальные цепочки создания стоимости в контексте новых вызовов развития мировой экономики. *Российский внешнеэкономический вестник*. №2. С. 86-97. DOI: 10.24411/2072-8042-2021-2-86-97

Ниязбекова Ш.У. 2020. Менеджмент зарубежных банков в условиях пандемии: проблемы и пути их решения. *E-Management*. №3. С. 4-12. DOI: 10.26425/2658-3445-2020-3-3-4-12

Паско А.В. 2021. Тренды цифровой трансформации мирового автомобилестроения. *Российский внешнеэкономический вестник*. №3. С. 18-26. DOI: 10.24411/2072-8042-2021-3-18-26

Смирнов Е.Н. 2020. «Мировая экономика коронавируса»: поиск оптимальных путей преодоления последствий кризиса. *Вестник МГИМО Университета*. 13(3). С. 243-266. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-243-266

Смирнов Е.Н., Карелина Е.А. 2021. Оценка парадоксов и рисков развития глобальной экономики в условиях коронакризиса. *Инновации и инвестиции*. №2. С. 33-38.

Финансовые и нефинансовые инструменты поддержки экспорта

А.А. Нарышкин

ООО «РГ Консалтинг», Холдинг «Росгеология»

Продвижение интересов отечественных компаний за рубежом – основная задача экономической дипломатии любой страны. Продвижение отечественных товаров и услуг на зарубежные рынки способствует устойчивому положению страны в мировой экономике и экономической стабильности внутри государства. Ускорение экономического роста, интенсификация мировой торговли и тем более экспортной деятельности могут обеспечить не только рост экономики страны, но и рост благосостояния всех граждан, в т.ч. через механизмы перераспределения средств. В России развитие экспорта продукции с добавленной стоимостью стало одной из ключевых государственных задач. Для её реализации сформирована разветвлённая система институтов продвижения экспорта, часть из которых имеет долгий исторический опыт, другая создана недавно на основе опыта успешных практик зарубежных стран. Учитывая особенности данного этапа, руководством Российской Федерации ставится задача обеспечить рост экспорта посредством эффективного взаимодействия существующих институтов¹. Эта задача закреплена в национальном проекте «Международная кооперация и экспорт»².

В данной работе рассматривается зарубежный и отечественный опыт применения финансовых и нефинансовых инструментов поддержки экспорта, включая информационно-консультационные и промоутерско-организационные меры поддержки, методы популяризации экспорта внутри страны, а также различные кредитно-финансовые и страховые инструменты, призванные обезопасить экспортёра от политических рисков в стране-импортёре. Автором анализируются нормативно-правовые основы ключевых мер поддержки, а также возможные пути повышения эффективности через исключение дублирования функций различных институтов и создание синергетического эффекта в их деятельности.

Методология исследования основана на комплексном анализе современной системы институтов поддержки отечественного экспорта в России и за рубежом, нормативно-правовом анализе основополагающих документов и сравнительном анализе мер поддержки. Обширный предмет исследования обусловил применение междисциплинарного политико-экономического подхода.

УДК: 339.544

Поступила в редакцию: 12.02.2021 г.

Принята к публикации: 01.04.2021 г.

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

² Паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт». *Правительство РФ* [Официальный сайт]. URL: <http://government.ru/info/35564/> (дата обращения 13.04.2021).

Ключевые слова: экономическая дипломатия, продвижение экспорта, нефинансовые меры поддержки, финансовые меры поддержки, информационно-аналитические инструменты, конгрессно-выставочные мероприятия, кредитование, страхование

Целью настоящей работы является изучение сложившейся практики финансовой и нефинансовой поддержки в продвижении экспорта и определение возможных перспектив её развития.

В отечественной научной мысли российскому опыту поддержки экспорта посвящены работы И.А. Балюка (Балюк 2016), А.А. Гаврилова (Гаврилов 2011), В.С. Кудряшова (Кудряшова 2018), А.Е. Лихачёва (Лихачёв 2006), К.Г. Сычёвой (Сычёва 2018), Ю.М. Филатовой (Филатова 2013). Зарубежный опыт рассматривался в работах Н.И. Белова (Белов 2013; 2015), А.С. Денисова (Денисов 2011), Д.М. Пирадова (Пирадов 2014), Р.О. Райнхардта (Райнхардт 2015), Ю.А. Сплетухова (Райнхардт, Сплетухов 2014), М.А. Щепелевой (Щепелева 2012).

А.Е. Лихачёв (Лихачёв 2006) посвятил свою работу широкому экономико-дипломатическому инструментарию российских и зарубежных государственных институтов. Особое внимание он уделил созданию благоприятных условий для работы российских компаний на ключевых направлениях (ЕС, постсоветское пространство), а также использованию инструментария международных организаций (ООН, ЮНКТАД, ВТО, МВФ, Всемирного банка и др.). Деловой опыт исследователя привёл его к выводу, что экономическая дипломатия – это важнейший институт укрепления международной конкурентоспособности страны, получения выгод и конкурентных преимуществ на мировом рынке. В этой связи особую важность он придавал активным формам политико-дипломатической поддержки и лоббированию отечественного экспорта, а также межгосударственным переговорам, направленным на улучшение условий доступа национальных компаний на зарубежные рынки.

Работа А.А. Гаврилова (Гаврилов 2011) посвящена зарубежному опыту финансовой поддержки экспорта и инструментам, которые могли быть востребованы в России (на момент написания работы не было создано отечественное экспортное страховое агентство). Особое внимание автор уделяет практике страхования экспортных кредитов за рубежом и договору уступки денежного требования (факторингу). Более детально особенности международного факторинга рассмотрены в работе Ю.М. Филатовой (Филатова 2013). Оба автора отмечали стратегическую значимость развития этих услуг в России для поддержки экспортной деятельности хозяйствующих субъектов.

И.А. Балюк (Балюк 2016) рассматривает этап формирования так называемых институтов развития (данный термин был введён в оборот позже), призванных обеспечить условия для продвижения отечественного экспорта. Особый акцент автор делает на продуктивном пакете экспортного страхового агентства России и результатах его работы, а также рассматривает зарубеж-

ный опыт работы экспортных кредитных агентств (ЭКА), который лёг в основу Российского агентства по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ЭКСАР).

Обращаясь к зарубежной литературе, можно констатировать встроенность российской практики в общий контекст системы продвижения экспорта. Основу продвижения любых товаров за рубеж составляют представительства за рубежом. В ряде стран этот функционал возложен на дипломатические миссии, в некоторых государствах существуют отдельные представительства крупных торговых компаний и торговых домов (Япония, Южная Корея), отдельных регионов (Испания) (Van Biesebroeck, Konings, Martincus 2016). При этом зарубежные исследователи показывают важность вложения государственных средств в продвижение экспорта. Так, согласно их подсчётам, в Аргентине вложение одного доллара в продвижение экспорта обеспечивает до 240 долл. в экспортных контрактах (Castro, Saslavsky 2009); в аналогичных исследованиях в США приведены данные о 432 дополнительных долларах в экспортных контрактах (Coughlin, Cartwright 1987). Особенно значимый результат от мер поддержки экспорта получают малые и средние предприятия, которые в наибольшей степени страдают от барьеров во внешней торговле (Munch, Schaur 2018). Именно малый и средний бизнес является основой диверсифицированной экономики западных стран, что обеспечивает им определённую стрессоустойчивость в условиях кризисов.

Таким образом, продвижение товаров на внешние рынки является неотъемлемой составляющей экономического развития любой страны.

В отечественной литературе наблюдается определённый недостаток работ, посвящённых комплексному анализу ситуации в государственных институтах поддержки экспорта на современном этапе, критической оценке различных мер государственной поддержки.

На основе международного опыта в 2015 г. был создан Российский экспортный центр. Группа РЭЦ объединила в себе нефинансовые и финансовые инструменты поддержки экспорта в лице АО «Росэксимбанк» и ЭКСАР. Сегодня группой РЭЦ пройден путь, сокращающий историческую дистанцию, разделяющую начало активной работы большинства мировых организаций по продвижению международной торговли и отечественного института поддержки экспорта, однако на данном этапе требуется существенная донастройка ряда его инструментов.

Мировая практика поддержки экспорта

Рассматривая зарубежный опыт и инструменты продвижения экспорта в зарубежных странах, остановимся на некоторых значимых примерах организации данной работы.

В Японии произошёл значительный подъём экономики страны за счёт интенсификации торговых операций и оказания содействия отечественным производителям в осуществлении экспортной деятельности. Страна, потерпевшая военное поражение во Второй мировой войне, уже к середине 1970-х гг. благодаря японскому экономическому чуду вышла в мировые лидеры по темпам роста экономики (Хасбулатов 2018). В настоящее время Япония занимает четвертое место в рейтинге крупнейших экономик мира³.

Исследованию данной проблематики посвящены работы Н.Ф. Лещенко (Лещенко 2008а; 2008б; 2009), Р.Б. Ноздревой (Ноздрева 2018), М.Н. Самойловой (Самойлова 2010), И. Кунио (Kunio 1982).

На более ранних этапах истории, в период «реставрации Мэйдзи» (1868–1889 гг.), именно торговые дома заложили основу развития экономики Японии, превратив отсталую аграрную страну в одно из ведущих и наиболее развитых государств мира. Реализуя собственную экономико-дипломатическую линию, Япония использует уникальные самобытные инструменты, включающие в себя коммерческие структуры, которые обеспечивают расширение японского экспорта. Генеральные торговые дома являются эффективным методом продвижения товаров на зарубежные рынки. Именно благодаря рациональной экономической политике японских властей и наличию мощных инструментов экономической дипломатии страна занимает лидирующие позиции в системе мировой экономики (Нарышкин, Оганезов 2020).

Основой южнокорейского экономического чуда стали финансово-промышленные конгломераты, получившие название «чеболь». Такие структуры пользовались обширной поддержкой государства в виде дешёвых кредитных средств и больших государственных заказов (Нарышкин, Оганезов 2020). Среди работ, посвящённых данному вопросу, можно отметить труды Ю.С. Сигиды (Сигида 2014; 2015а; 2015б), Донг-Сунг Чо (Cho Dong Sung 1984).

Быстрый рывок в развитии южнокорейской экономики и расширении рынков сбыта продукции был достигнут во многом благодаря тяжёлому труду сотрудников компаний. Так, в 1980-е гг. продолжительность рабочей недели была ограничена 60 часами, на практике же рабочий день шестидневной рабочей недели длился 12 часов. Велась усиленная пропаганда трудового энтузиазма, что на деле означало изнурительный труд при сравнительно низких зарплатах (Сигида 2014: 141). Позднее правила были смягчены, а с 2004 г. 40-часовая рабочая неделя была введена законодательно (Байгереев 2006).

Опыт работы европейских учреждений, в частности французских и итальянских, оказывающих поддержку внешней торговле, рассматривал Р.О. Райнхардт (Райнхардт 2017; 2018). Он изучал также опыт подобных учреждений

³ The Biggest Economies in the World. *Statista* [Electronic resource]. URL: <https://www.statista.com/chart/19489/biggest-economies-in-the-world/> (accessed 13.04.2021).

одной из самых крупных экономик Европейского союза – экономики Федеративной Республики Германия (Райнхардт 2015). В ФРГ поддержку участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) осуществляют три «столпа»: заграничные учреждения МИД, федеральное агентство ВЭД (*Gesellschaft für Außenwirtschaft und Standortmarketing mbH*) и внешнеторговые палаты. Любые участники ВЭД могут обратиться за помощью в заграничные учреждения или в центральный аппарат МИД, которые исполняют, главным образом, «контактообразующую» функцию (Райнхардт 2015: 71).

Ключевая функция федерального агентства ВЭД – информационно-аналитическая: проведение исследований зарубежных рынков и законодательства, подготовка информации по конкурсам и тендерам за рубежом (Райнхардт 2015: 72).

Внешнеторговые палаты являются одним из старейших ныне действующих инструментов германской экономической дипломатии. Как правило, данные организации базируются в странах сосредоточения интересов германских компаний. Главная услуга, оказываемая внешнеторговыми палатами, – бизнес-мэтчинг, установление деловых контактов германских и иностранных компаний.

Так, в рамках работы, направленной на продвижение российского несырьевого неэнергетического экспорта на рынок Германии и других стран Европейского союза с 2019 г., реализуется совместный проект Российского экспортного центра и Российско-германской внешнеторговой палаты (РГВТП). В рамках данного проекта РГВТП осуществляет поиск иностранных покупателей продукции российских экспортно-ориентированных предприятий на территории ФРГ и ЕС, а также направляет запросы потенциальных импортёров на поиск российских поставщиков, проводит исследование рынка и осуществляет поиск перспективных ниш. РЭЦ со своей стороны осуществляет подбор российских производителей, готовых выходить на рынок Германии.

Высокий потенциал данного проекта обусловлен тем, что РГВТП – член Объединения торгово-промышленных палат Германии (DINК), которое одновременно является головным союзом 79 немецких торгово-промышленных палат Германии, членство которых в DINК закреплено в Германии на законодательном уровне. DINК представляет интересы всех немецких фирм, занятых в промышленности, торговле, банковском деле и сфере услуг. Представляя немецкую экономику в России, РГВТП фактически является прямым посредником в отношении потенциальных контрактов со всеми 3,5 млн немецких компаний из различных отраслей.

Успешный опыт коммерциализации и обеспечения частичной самоокупаемости института продвижения экспорта за счёт предоставления платных услуг был реализован в Швейцарии. S-GE (*Swiss Business Hubs*) создал эффективный механизм по выводу клиентов на заключение экспортного контракта путём реализации ряда логичных и последовательных шагов, начиная с получения запроса от клиента на поиск партнёра и формирование запросных позиций для

дальнейшего проведения предметных переговоров с потенциальными зарубежными партнёрами (Нарышкин, Оганезов 2020).

Инструменты нефинансовой поддержки экспорта

Заключение контрактов и поставка товаров в дальние страны всегда были сопряжены с организационными трудностями. Несмотря на интенсификацию мировой торговли, выход на зарубежные рынки представляется сложным шагом для многих небольших и даже средних компаний, порой играет роль даже своего рода сложность восприятия отдельных руководителей, а не недостаток финансирования. Можно также отметить сложности в поиске контрагентов и необходимость поддержки в переговорных процессах с властями страны назначения. Имеет значение и недостаток информированности в иных случаях. Для решения такого рода проблем ведётся работа по популяризации экспорта и распространению информации о возможности доступа на зарубежные рынки.

Нефинансовая поддержка экспорта призвана обеспечить известность и конкурентоспособность отечественных товаров за рубежом, рекламировать не только отдельные бренды, но также и сам бренд «Сделано в России», популяризировать экспортную деятельность внутри страны. Инструменты нефинансовой поддержки, оказываемой российским компаниям, исторически можно разделить на две группы: первая – сложившиеся эволюционным путём внутри российского государства и, вторая – позаимствованные в успешной зарубежной практике.

Имея большой опыт практической работы в системе Торговых представительств России за рубежом и в Российском экспортном центре, автор хотел бы предложить рассмотреть подробнее российскую специфику и практику применения мер нефинансовой поддержки, а также основные институты, оказывающие данную поддержку.

Можно выделить четыре основных блока нефинансовой поддержки:

1. Информационно-консультационные меры.
2. Промоутерско-организационные меры.
3. Популяризация экспорта внутри страны.

Данные направления приложения усилий не являются исключительно отечественной новацией, но также активно применяются за рубежом (Van Biesebroeck, Konings, Martincus 2016).

Информационно-консультационные меры включают анализ зарубежных рынков, маркетинговые исследования, исследования в области торговли и инвестиций.

Этот вид деятельности всегда был основой отечественной экономической дипломатии. Так, ещё при Петре I с целью развития внешнеторговых связей были созданы российские консульства в ряде стран. Регламентами Коммерц-коллегии 1719 г. и 1724 г. предписывалось консулам «иметь попечение о всём

том, что ... порядку купечества служить может»⁴. Одна из основных их функций заключалась в изучении конъюнктуры зарубежных рынков. Консулам надлежало собирать сведения о том, как «в других государствах, и землях сего государства, и чужестранные товары в цене поднимаются и низятся, такожде как пошлины в чужестранных приморских городах возвышаются и убавляются, какие трактаты о коммерции между чужестранными державами постановлены и какие о морском хождении, купечестве и каперстве и прочих регламенты издаваны бывают»⁵. Фактически ещё три века назад зарубежным представителям ставилась крайне актуальная и сегодня задача анализа зарубежных рынков с целью поиска ниш и создания благоприятных условий для продажи отечественных товаров, по возможности с исключением посредничества и ценовой конкуренции на отдельных рынках.

Промоутерско-организационные меры поддержки включают работу по продвижению российских брендов за рубежом, организацию мероприятий по информированию о российской продукции участников как отдельных переговорных процессов, организованных при помощи зарубежных представительств, так и крупных системных мероприятий – бизнес-миссий, выставок и крупных тендеров за рубежом. Участие в такого рода мероприятиях позволяет иностранным покупателям познакомиться с отечественной продукцией и ведёт в перспективе к заключению контрактов. Однако здесь есть проблема своего рода тройного финансирования. Она может возникать довольно часто. На одних и тех же опорных мероприятиях размещаются стенды российских представителей, которые оплачиваются из разных источников: во-первых, стенды компаний, приехавших с использованием субсидии через РЭЦ, во-вторых, стенды компаний, содействие которым оказывал Минпромторг, в-третьих, стенды российских регионов, финансируемых по линии субсидии центрам поддержки экспорта (ЦПЭ). Координация застройки павильонов в едином стиле, а также координация графика, включая планирование финансирования государственного участия в различных мероприятиях практически отсутствуют. При разрозненном подходе найм различных застройщиков, отдельные договоры на аренду площадей ведут к росту расходов при одновременной потере эффективности из-за подобного распыления. На такого рода мероприятиях осуществляется найм отдельных подрядчиков для организации предметных переговоров. Данную функцию могли бы и должны исполнять представительства за рубежом: Торгпредства, представительства РЭЦ, посольства (в случаях отсутствия первых). Задача по организации таких встреч должна решаться планомерно, а зарубежные представительства должны иметь обширную базу контактов в стране пребывания по каждой из перспективных отраслей. В случае необходимости

⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). 1-е собрание. Т. 5. № 3317.

⁵ ПСЗ. 1-е собрание. Т. 5. №3318. П. 27.

эти контакты используются для рассылки приглашений/обзвона перед мероприятием или для точечной организации переговоров при поиске партнёра.

Популяризация экспорта внутри страны имеет особое значение в применении к российской действительности. Ряд стран исторически развивался как крупные экономические державы, торгующий со всем миром (например, Великобритания) или как небольшая высокоразвитая страна, внутренний рынок которой не даёт необходимого объёма сбыта высокотехнологичной продукции (например, Финляндия). Рассматривая историю России, можно отметить, что международной торговлей занимались в основном государство и крупные компании (за исключением приграничной торговли), а выход на зарубежные рынки для многих малых и средних компаний выглядел как нечто сложное и уникальное. Сейчас на практике нередки ситуации, когда зарубежный партнёр обращается с заявкой на поиск поставщиков тех или иных товаров из России. Это могут быть как запросы высокотехнологичных продуктов, так и удобрений, продукции сельского хозяйства, писчей бумаги или даже бельевых прищепок. Но найти их не так-то просто. С трудностями в поиске такой продукции на местах мы сталкивались неоднократно. Продукция, действительно, может производиться в РФ, но ни центры поддержки экспорта, ни базы данных поставщиков продукции не дают возможности найти потенциальных экспортёров.

Популяризация самой возможности выхода за рубеж является важным фактором ухода нашей страны от сырьевой зависимости.

Как правило, организации по продвижению экспорта придают большое значение обучению предпринимателей своих стран. Совместные образовательные программы и коучинговые проекты для экспортёров, а также практика образовательных обменов могли бы способствовать развитию внешнеэкономических связей и повышению уровня знаний экспортёров. Не стала исключением и наша страна: по аналогии с популярным направлением инновационного бизнеса – акселерацией стартапов процесс обучения был назван акселерацией. Такую работу ведёт «Школа экспорта», работающая в РЭЦ, а также центры поддержки экспорта в рамках отдельной субсидии. Измерение результатов эффективности такого обучения – сложная задача: безусловно, может возникнуть и даже часто возникает ситуация, при которой само обучение проводится добросовестно, а компания-участник выставляет сотрудников, не готовых к обучению (не владеющих иностранными языками, навыками делового общения с иностранными партнёрами) либо не имеющих полномочий по принятию решений внутри компании, что не позволит в дальнейшем оказать содействие экспорту.

Реализация нефинансовых услуг в части содействия в выходе на зарубежные рынки на современном этапе ведётся разветвлённой сетью зарубежных представительств России: Торговыми представительствами, экономическими отделами посольств (особенно в странах, где Торгпредства отсутствуют), а также представительствами РЭЦ. Внутри страны эту работу ведут не только центральные аппараты Минпромторга и РЭЦ, но также отдельные центры поддержки

экспорта в регионах, имеющие своё финансирование и право найма отдельных подрядчиков на выполнение работ за рубежом.

Деятельность перечисленных институтов финансируется из государственного бюджета Российской Федерации напрямую или в форме предоставления различных субсидий и направлена на определённый перечень мероприятий, что наглядно видно из таблицы (см.: табл. 1).

Таблица 1. Перечень мероприятий зарубежных представительств России по продвижению российского экспорта.

Table 1. List of activities of foreign representations of Russia to promote Russian exports.

№ п/п	Название мероприятий	Минпромторг/ Торгпредства	РЭЦ	ЦПЭ
1	Доступ к российским и международным информационным порталам и базам данных по тематике внешнеэкономической деятельности	•	•	•
2	Содержание зарубежной сети представительств	•	•	
3	Создание и (или) обеспечение работы сайта / портала	•	•	•
4	Организация и проведение конгрессно-выставочных мероприятий (конференций, форумов, бизнес-миссий, софинансирование участия в выставках)	•	•	•
5	Мероприятия для обмена опытом центров поддержки экспорта			•
6	Аналитические исследования / содействие в проведении индивидуальных маркетинговых/патентных исследований иностранных рынков	•	•	•
7	Поиск партнёров для субъекта малого и среднего предпринимательства	•	•	•
8	Содействие в размещении субъектов МСП на электронных торговых площадках		•	•
9	Образовательные услуги / акселерация		•	•
10	Сертификация / адаптация продукции за рубежом		•	•

Источники: Законодательство Российской Федерации⁶. Составлено автором.

⁶ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 25 сентября 2019 г. N 594 «Об утверждении требований к реализации мероприятия по созданию и (или) развитию центров поддержки экспорта, осуществляемого субъектами Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства в субъектах Российской Федерации в целях достижения целей, показателей и результатов региональных проектов, обеспечивающих достижения целей, показателей и результатов федерального проекта «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства», входящего в состав национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», и требований к центрам поддержки экспорта и о внесении изменений в некоторые приказы Минэкономразвития России в части требований к реализации мероприятий, осуществляемых субъектами Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства», Годовой отчёт РЭЦ 2019 г. URL: <https://2019.exportcenter.ru/exrocenter/export-support-in-2019/#ch-2-4>; Постановление Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2019 г. № 1596 «О государственной поддержке проектов повышения конкурентоспособности, связанных с продвижением, сертификацией и (или) адаптацией российской продукции, в том числе содержащей результаты интеллектуальной деятельности, к требованиям внешних рынков»; Постановление Правительства РФ от 24 апреля 2017 г. № 488 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидии акционерному обществу «Российский экспортный центр» на финансирование части затрат, связанных с продвижением высокотехнологичной, инновационной и иной продукции и услуг на внешние рынки»; Постановление Правительства РФ

Каждое из перечисленных в таблице мероприятий направлено на реализацию политики развития экономики России и продвижения интересов российских участников внешнеэкономической деятельности за рубежом. Безусловно, в процессе реализации данных мероприятий необходим строгий надзор не только за целевым назначением использования государственных средств, но и за эффективностью их использования. Однако даже при беглом рассмотрении обозначенных мероприятий обращает на себя внимание дублирование функций между несколькими крупнейшими государственными структурами, при этом мы не взяли в расчёт функционал зарубежных представительств за рубежом крупных государственных компаний (Ростех, ВЭБ.РФ, Роснефть и др.), российских регионов (наиболее разветвленную сеть имеет Республика Татарстан, в отдельных странах представлены и другие регионы нашей страны). Рассматривая работу представительств субъектов Российской Федерации за рубежом на примере Татарстана, можно выделить шесть основных индукторов измерения эффективности работы зарубежных представительств субъектов: количество предприятий, занимающихся экспортом из Республики Татарстан; количество заключенных контрактов между предприятиями; количество совместных проектов в сфере сельского хозяйства; количество выставок, презентаций, форумов, совместных культурных мероприятий, а также привлечение резидентов (инвесторов) в ОЭЗ «Иннополис» (Гиматдинов, Носырев 2018). Все эти индикаторы отражают важнейшие акценты не только в деятельности представительств того или иного региона, но и фактически во многом дублируют задачи Торгпредств и представительств РЭЦ. Не оспаривая эффективности проводимой работы, нельзя не отметить дублирования задач. В ряде стран представительствами Татарстана действительно налажена эффективная работа, и в данном случае имеется перспектива формирования единой системы, обеспечивающей если не объединение, то синергию наличествующих инструментов.

Обеспечение синергетического эффекта от финансируемых мер, исключение дублирования функций позволяет достигнуть серьезных результатов в общегосударственном масштабе. На решение этой задачи в 2018 г. была направлена концепция Единой системы продвижения экспорта. Она стала одной

от 17 декабря 2016 г. № 1388 «О предоставлении субсидий из федерального бюджета производителям высокотехнологичной продукции на компенсацию части затрат, связанных с сертификацией продукции на внешних рынках при реализации инвестиционных проектов»; Постановление Правительства РФ от 15 декабря 2016 г. № 1368 «О предоставлении субсидий российским производителям на финансирование части затрат, связанных с регистрацией на внешних рынках объектов интеллектуальной собственности»; Постановление Правительства РФ от 26 апреля 2017 г. № 496 «О предоставлении субсидий из федерального бюджета российским организациям, в том числе организациям автомобилестроения, сельскохозяйственного машиностроения, транспортного машиностроения и энергетического машиностроения, на компенсацию части затрат на транспортировку продукции»; Постановление Правительства РФ от 7 ноября 2020 г. N 1794 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2017 г. № 496»; Постановление Правительства РФ от 28 марта 2019 г. N 342 «О государственной поддержке акционерного общества "Российский Экспортный Центр", г. Москва, в целях развития инфраструктуры повышения международной конкурентоспособности».

из значимых вех национального проекта «Международная кооперация и экспорт»⁷. Новым составом Правительства эти задачи ставятся в рамках подготовки фронтальной стратегии социально-экономического развития Российской Федерации)⁸.

Финансовая поддержка экспорта

Финансовая поддержка – второй важнейший элемент развития экспорта высокотехнологичной продукции на зарубежные рынки.

Зарубежная практика содействия экспортёрам заключается, прежде всего, в предоставлении государственных гарантий по кредитам, страхового покрытия политических рисков, рисков неплатежа, а также рисков невозможности осуществить поставку. В Германии данная работа ведётся Euler Hermes⁹, в Великобритании – UK Export Finance¹⁰, в Италии – SACE¹¹ и Cassa Depositi e Prestiti¹², во Франции – COFACE¹³ и Caisse des Dépôts¹⁴, в Швейцарии – SERV¹⁵, в США – EXIMBANK¹⁶, в КНР – SINOSURE¹⁷, в Японии – NEXI¹⁸. Ряд основополагающих аспектов их работы рассмотрены в работах А.А. Гаврилова (Гаврилов 2011), Н.И. Белова (Белов 2013; 2015), Д.М. Пирадова (Пирадов 2014), Р.О. Райнхардта (Райнхардт 2015; 2017; 2019), Ю.А. Сплетухова (Райнхардт, Сплетухов 2014), М.А. Щепелевой (Щепелева 2012).

Зарубежный опыт был взят за основу при формировании системы финансовой поддержки экспорта в России. Перечисленные зарубежные страховые агентства принадлежат государству полностью либо частично и специализируются на страховании различных рисков, связанных с экспортной деятельностью. В большинстве стран такого рода деятельностью наряду с государственными агентствами могут заниматься и коммерческие компании, однако, распространённая практика финансирования государством данного вида дея-

⁷ Паспорт национального проекта (программы) «Международная кооперация и экспорт» (утверждён президентом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам; протокол от 24.12.2018 г. № 16).

⁸ Кошкина А., Рубченко М. Правительство готовит новую стратегию социально-экономического развития. *Ведомости* 02.02.2021 URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/02/02/856382-pravitelstvo-gotovit-novuyu-strategiyu-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 13.04.2021).

⁹ Euler Hermes Group [Electronic resource]. URL: <http://www.eulerhermes.com> (accessed 13.04.2021).

¹⁰ UK Export Finance [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/uk-export-finance> (accessed 13.04.2021).

¹¹ SACE Spa [Electronic resource]. URL: <http://www.sace.it> (accessed 13.04.2021).

¹² Cassa Depositi e Prestiti [Electronic resource]. URL: <https://www.cdp.it/sitointernet/it/homepage.page> (accessed 13.04.2021).

¹³ COFACE [Electronic resource]. URL: <https://www.coface.com> (accessed 13.04.2021).

¹⁴ Caisse des Dépôts [Electronic resource]. URL: <https://www.caissedesdepots.fr> (accessed 13.04.2021).

¹⁵ SERV [Electronic resource]. URL: <https://www.serv-ch.com> (accessed 13.04.2021).

¹⁶ EXIMBANK [Electronic resource]. URL: <https://www.exim.gov/> (accessed 13.04.2021).

¹⁷ SINOSURE [Electronic resource]. URL: <https://www.sinosure.com.cn/en/> (accessed 13.04.2021).

¹⁸ NEXI [Electronic resource]. URL: <https://www.nexi.go.jp/en/> (accessed 13.04.2021).

тельности обусловлена тем, что размеры страховых выплат при осуществлении страховых операций могут превышать поступления страховых взносов, что делает страхование в некоторых случаях убыточным. Приоритетом при определении размеров страховых взносов выступает не реальная величина страхового риска, важным фактором является задача стимулировать экспортные поставки путём предоставления страховой защиты на приемлемых для страхователя условиях и развитие экспортного потенциала предприятий (Сплептухов 2014). Гарантийно-страховые инструменты позволяют участникам ВЭД не извлекать из оборота значительные финансовые средства и обеспечивают рост темпов производства наиболее конкурентоспособных компаний и производств.

При современном развитии конкуренции поиск крупного покупателя продукции либо услуг за рубежом невозможен без обеспечения кредитной линии. Практически любые переговоры о крупных проектах по строительству предприятий, развитию инфраструктуры городов и т.п. начинаются с изучения условий поставки. Помощь в финансировании такого рода проектов оказывают ВЭБ.РФ (бывший Внешэкономбанк), а также АО «Росэксимбанк», являющийся частью группы РЭЦ. Основные банковские продукты включают льготные экспортные кредиты и государственные гарантии в обеспечение обязательств экспортёра и иностранного покупателя.

Наиболее востребованные услуги, по данным годового отчёта группы РЭЦ 2019 г.¹⁹, – это факторинг, кредит иностранным покупателям и их банкам, предэкспортное и постэкспортное финансирование.

Факторинг – один из наиболее удобных финансовых инструментов, позволяющий экспортёру получать причитающееся по контракту вознаграждение без отсрочки, обеспечивая защиту от риска неплатежа.

По своему финансовому содержанию факторинг представляет собой сочетание кредита поставщика с комиссионными услугами, состоящими в принятии кредитных рисков фирмой-фактором (Филатова 2013: 115). Кроме того, полностью закрывая риск неплатежа со стороны иностранных покупателей, данная услуга становится определённой защитой от недобросовестных покупателей. Так как право требования по договору переходит к банку (фактору), на практике импортёры, чьи намерения изначально были нацелены на обман поставщиков, отказываются от сделки.

Продукт «международный факторинг» был утверждён Правлением Росэксимбанка 11 октября 2018 г. По итогам 2019 г. банком заключено 10 рамочных договоров факторинга и профинансировано более 800 поставок на общую сумму 1,9 млрд руб. Из наиболее значимых проектов 2019 г. можно выделить контракт с ПАО «СИБУР Холдинг» на поставку отечественной продукции в страны

¹⁹ Годовой отчёт группы РЭЦ 2019 г. РЭЦ. *Официальный сайт*. URL: <https://2019.exportcenter.ru/eximbank/bank-areas-of-priority/#ch-2-1> (дата обращения 13.04.2021).

ближнего и дальнего зарубежья, получая финансирование Росэксимбанка в валюте контракта в размере 100% от суммы поставки сразу после осуществления отгрузки экспортных товаров. Также международный факторинг был востребован АО «АвтоВАЗ» и ООО «УАЗ» в рамках контрактов на поставки автомобилей и комплектующих.

Кредит иностранному покупателю – базовый продукт, суть которого в обеспечении доступности отечественных товаров импортёрам на выгодных финансовых условиях. Как правило, сами детали, включая процентную ставку по кредиту и некоторые другие параметры сделки, остаются коммерческой тайной. Согласно отчёту группы РЭЦ, кредитная поддержка была востребована со стороны крупнейших поставщиков химических удобрений, алмазов, продукции из деформируемых алюминиевых и магниевых сплавов, широко применяемых в различных отраслях промышленности, включая авиа- и судостроение²⁰.

Для страхования кредитных и политических рисков по экспортным кредитам и страхования российских инвестиций за рубежом от политических рисков в 2011 г. было создано Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ЭКСАР) с красивым слоганом «Открываем рынки – закрываем риски». Сегодня данное агентство также является частью группы РЭЦ и предоставляет страховую поддержку, включая страхование кредита покупателю, поставщику экспортного факторинга, кредита на пополнение оборотных средств, инвестиций за рубежом и др.

Наиболее востребованным страховым продуктом, занимающим без малого половину лимита страховой ответственности ЭКСАР (на 01.01.2020), является страхование кредита покупателю, что защищает отечественного экспортёра от риска неплатежа со стороны иностранного контрагента.

Также в число наиболее востребованных услуг вошли: перестрахование, страхование кредита на пополнение оборотных средств экспортера, страхование краткосрочной дебиторской задолженности.

Отдельно стоит остановиться на продукте «страхование краткосрочной дебиторской задолженности», направленном на защиту от риска неплатежа по регулярным поставкам однородных товаров за рубеж, тем самым помогая увеличить торговый оборот по уже существующим контрагентам или дать отсрочку тем контрагентам, с которыми до этого компания работала по предоплате. В числе поддержанных в 2019 г. отечественных экспортеров выделяются крупные поставщики птицеводческой продукции ГАП «Ресурс», один из крупнейших производителей бытовой техники ООО «Вирлпул РУС» (бренды Indesit, Hotpoint Ariston, Whirlpool, KitchenAid), а также производитель алко-

²⁰ Годовой отчёт группы РЭЦ 2019 г. РЭЦ. *Официальный сайт*. URL: <https://2019.exportcenter.ru/eximbank/bank-areas-of-priority/#ch-2-1> (дата обращения: 13.04.2021).

гольной продукции ГК «Руст» и поставщики различной металлургической продукции²¹.

Финансовое плечо при проведении экспортных операций трудно переоценить. Только наличие выгодного финансового предложения и рассрочки платежа может обеспечить привлекательность крупных проектов. Действительно, работа с крупными клиентами как несёт меньшие риски со стороны клиента, так и даёт возможность более системно решать вопрос с возвратом долга на межправительственном уровне. И эта работа налажена в ЭКСАР. Его генеральный директор Н.В. Гусаков констатирует: «Исторически Агентство начинало с поддержки более крупных экспортёров, и сейчас они продолжают составлять основу нашей клиентской базы и формировать основной объём поддержки... При этом мы видим большой потенциал в МСП – экспортно ориентированные компании этого сегмента проявляют всё больший интерес к финансовым и нефинансовым мерам поддержки»²².

Безусловно, определённые истории успеха крупнейших российских производителей – важный триггер для запуска масштабной поддержки несырьевого экспорта. Однако кредитно-страховая поддержка государственных экспортных кредитных агентств в наибольшей степени нужна прежде всего небольшим высокотехнологичным компаниям, выходящим на зарубежные рынки со своей продукцией. Зачастую это рынки, несущие большие риски невыплаты, да и в России небольшие компании не всегда характеризуются финансовой устойчивостью, сравнимой с крупными компаниями.

В практике работы российских институтов нередко отказы таким МСП, производящим, например, машины и оборудование для строительства или телекоммуникационное оборудование, со ссылкой на высокие риски, которые не может взять на себя Агентство. По понятным причинам некорректно раскрывать наименования этих компаний, однако можно сказать, что в ряде случаев отказ был обоснован высокими рисками невыплаты обещанных по контракту сумм со стороны импортёра. И действительно, заключая сделку с контрагентами в ряде стран Латинской Америки, Центральной Азии или Южной Европы без правительственных гарантий, экспортёр несёт более высокие риски невыплаты. Похожие риски возникают при продаже продукции в высококонкурентных сегментах рынка развитых стран: финансовая поддержка НИКОР и масштабирования производства в таких случаях нужна гораздо раньше, чем будут заключены контракты и получены первые выплаты по ним. Безусловно, оценка рисков в данной ситуации основана на финансовых расчётах, но без государ-

²¹ Годовой отчёт группы РЭЦ 2019 г. РЭЦ. *Официальный сайт*. URL: <https://2019.exportcenter.ru/exiar/exiar-areas-of-priority/#ch-3-1> (дата обращения 13.04.2021).

²² ЭКСАР подвело итоги работы за 2020 год. ЭКСАР *Официальный сайт*. URL: <https://www.exiar.ru/press/news/6224/> (дата обращения 13.04.2021).

ственной поддержки российским «кулибиным» не выбраться на зарубежные рынки, а о конкуренции с крупнейшими зарубежными высокотехнологичными компаниями можно и не мечтать.

Впрочем, в ряде случаев финансовая поддержка российских изобретателей инновационной продукции приходит из-за рубежа. К примеру, в партнёрстве с японской корпорацией *Yamaha* продолжает покорять зарубежные рынки калининградское предприятие *Baltmotors* – изобретатель самобытного мотобуксировщика – удобной всесезонной техники для активного отдыха и работы.

Не каждый товар настолько самобытен и инновационен, чтобы получить выгодные предложения от зарубежных партнёров и инвесторов. Многие потенциально сильные участники конкурентных мировых рынков высокотехнологичной продукции нуждаются именно в финансовом плече. Отказ реальным высокотехнологичным экспортёрам в поддержке из-за существенного политического риска стран назначения экспорта недопустим. Малые высокотехнологичные предприятия такие риски взять на себя не могут, да и не должны по большому счёту.

Подводя итоги, можно констатировать наличие у России разветвлённой системы продвижения экспорта, включающей несколько структур федерального уровня, в их числе – Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, Российский экспортный центр, отвечающие за развитие нефинансовой поддержки экспорта, а также экспортное агентство по страхованию вкладов, кредитно-финансовые организации (ВЭБ.РФ, Росэксимбанк), реализующие финансовые услуги. В субъектах, помимо региональных ведомств, государством финансируется деятельность центров поддержки экспорта. Непосредственно на местах работа ведётся Торгпредствами (в случае их отсутствия – посольствами) России, представительствами РЭЦ, а также представительствами крупных государственных компаний и субъектов РФ.

Нефинансовые меры поддержки охватывают несколько крупных задач: от аналитики рынков и популяризации экспорта внутри страны до обучающих/акселерационных мероприятий и организации промоушена российских товаров. Все эти меры не новы и давно зарекомендовали свою эффективность в мировой практике.

Важной отправной точкой сегодня является острая необходимость сосредоточения усилий государственных институтов на общих задачах по продвижению экспорта, обеспечение синергии имеющихся инструментов и исключение дублирования в их работе.

В части финансовых инструментов практика использования гарантийно-страховых и кредитных продуктов также имеет доказанную эффективность не только за рубежом, но и в экспортных проектах крупных российских предприятий. Наблюдается развитие линейки предлагаемых продуктов и российской практики работы с финансовыми инструментами: получил распространение факторинг, позволяющий экспортёру получать расчёт по контракту без отсроч-

ки, обеспечивая защиту от риска неплатежа и сохранение финансов в обороте предприятия. Острой проблемой в части финансовой поддержки экспорта остаётся необходимость обеспечения открытого доступа малых и средних высокотехнологичных компаний к финансовой поддержке отечественных государственных институтов развития.

Об авторе:

Андрей Александрович Нарышкин – кандидат политических наук, управляющий директор ООО «РГ Консалтинг», Холдинг «Росгеология». E-mail: andr-naryshkin@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: February 02, 2021

Accepted: April 01, 2021

Financial and Non-Financial Support of Export

A.A. Naryshkin

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-2-77-72-91](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-72-91)

RG Consulting, RosGeo

Abstract: Promotion of domestic companies interests abroad is the main task of economic diplomacy. Promotion of domestic goods and services in foreign markets ensures the country's stable position in the world economy and economic stability within the state. Following economic boost, world trade and especially export growth may ensure not only country's economy growth, but also citizens welfare through mechanisms for reallocating funds. Value-added exports development in Russia has been brought to the rank of one of the key government goals. Russia has an export promotion institutions system. Some institutions have long history. Others have been created recently and based on foreign practices. The Russian government has developed the national project "International cooperation and export", it sets the goal to ensure export growth through effective interaction of existing institutions.

The article reviews the foreign and domestic practices of export support through financial and non-financial instruments. They include market analysis tools, exhibition support, popularizing exports within the country, various export credit and insurance instruments protecting the exporter from political risks in foreign markets. Author analyzes the legislative framework of key support measures and possible ways to improve efficiency by eliminating duplication in various institutions functions. It should provide a synergistic effect boosting their efficiency.

The methodology of the study is based on a comprehensive analysis of the modern export promotion institutions system in Russia and abroad, a regulatory analysis of fundamental

documents and a comparative analysis of export support measures. The extensive research subject has provided the usage of an interdisciplinary approach covering economic and political research.

Keywords: economic diplomacy, trade promotion, non-financial export support, financial export support, market analysis tools, exhibition support, credit, insurance.

About the author:

Andrey A. Naryshkin – Candidate of Political Science, Managing Director, RG Consulting, RosGeo.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Castro L., Saslavsky D. 2009. *Cazadores de mercados: comercio y promocion de exportaciones en las provincias argentinas*. Fundacion CIPPEC, Buenos Aires. 186 p.

Cho Dong Sung. 1984. The Anatomy of the Korean General Trading Company. *Journal of Business Research – Elsevier*. 12(2). P. 241–255.

Coughlin C., Cartwright P. 1987. An Examination of State Foreign Export Promotion and Manufacturing Exports. *Journal of Regional Science*. 27(3). P. 439–449.

Kunio Y. 1982. *Sogo Shosha: The Vanguard of the Japanese Economy*. New York: Oxford University Press. 358 p.

Munch J., Schaur G. 2018. The Effect of Export Promotion on Firm-Level Performance. *American Economic Journal: Economic Policy*. 10(1). 357–387.

Van Biesebroeck J., Konings J., Martincus Ch.V. 2016. Did export promotion help firms weather the crisis? *Economic Policy*. 31(88). P. 653–702.

Bajgereev M. 2006. Yuzhnaya Koreya: modernizaciya trudovyh otnoshenij i social'noe partnerstvo [South Korea: Modernization of Labor Relations and Social Partnership]. *Chelovek i trud*. №8. P. 19–25. (In Russian)

Balyuk I.A. 2016. Gosudarstvennaya podderzhka eksportno-orientirovannyh kompanij v usloviyah sankcij i valyutnyh vzletov [State Support for Export-Oriented Companies in the Face of Sanctions and Currency Ups]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. P. 79–86. (In Russian)

Belov N.I. 2013. Sistema mer gosudarstvennoj podderzhki eksporta v SHvejcarii na sovremennom etape [The System of Measures of State Support for Exports in Switzerland at the Present Stage]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*. №1. P. 55–64. (In Russian)

Belov N.I. 2015. Podderzhka eksporta v Germanii [Export Support in Germany]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*. №5. P. 97–109. (In Russian)

Denisov A.S. 2011. Gosudarstvennaya sistema podderzhki eksporta Federativnoj Respubliki Germanii [State Export support System of the Federal Republic of Germany]. *Gornyj informacionno-analiticheskij byulleten' (nauchno-tekhnicheskij zhurnal)*. №9. P. 330–335. (In Russian)

Filatova Yu.M. 2013. Osobennosti mezhdunarodnogo faktoringa kak finansovogo instrumenta [Features of International Factoring as a Financial Instrument. Proceedings of the Tula State University]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. №2. Ch. 1. P. 115–122. (In Russian)

Gavrilov A.A. 2011. Strahovanie eksporta kak neot'emlemaya chast' sistemy podderzhki vneshnej torgovli [Export Insurance as an Integral Part of the Foreign Trade Support System]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*. 10(52). P. 49–56. (In Russian)

Gimatdinov R.R., Nosyrev I.R. 2018. K voprosu ocenki i povysheniya effektivnosti deyatel'nosti zarubezhnyh predstavitel'stv sub"ektov Rossijskoj Federacii [On the Issue of Evaluating and Improving the Effectiveness of the Activities of Foreign Representative Offices of the Subjects of the Russian Federation.]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2(59). P. 125–144. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-125-144 (In Russian)

Hasbulatov R.I. 2019. *Ekonomicheskaya diplomatiya* [Economic Diplomacy]. Ch. 1–2. Moscow: Yurajt. 265 p. (In Russian)

Kudryashov V.S. 2018. Stimulirovanie i podderzhka eksporta predpriyatij malogo i srednego biznesa v Rossijskoj Federacii i za rubezhom [Promotion and Support of Export of Small and Medium-Sized Enterprises in the Russian Federation and Abroad]. *Juvenis scientia*. №9. P. 25–29. (In Russian)

Leshchenko N.F. 2008a. Iz samuraev v kupcy: istoriya Torgovogo doma Micui [From Samurai to Merchants: the History of the Mitsui Trading House]. *Istoriya i sovremennost'*. №1. P. 113–132. (In Russian)

Leshchenko N.F. 2008b. Iz samuraev v kupcy: istoriya Torgovogo doma Nakai [From Samurai to Merchants: the History of the Nakai Trading House]. *Istoriya i sovremennost'*. №2. P. 72–86. (In Russian)

Lihachev A.E. 2006. *Ekonomicheskaya diplomatiya Rossii. Novye vyzovy i vozmozhnosti v usloviyah globalizacii* [Economic Diplomacy of Russia. New Challenges and Opportunities in the Context of Globalization]. Moskva: Ekonomika. 456 p. (In Russian)

Naryshkin A.A., Oganezov D.S. 2020. Razvitie mirovoj trgovli: sodejstvie prodvizheniyu eksporta [Development of World Trade: Promotion of Export Promotion. World Experience]. *Mirovoj opyt. Innovacii i investicii*. №3. P. 78–81. (In Russian)

Nozdreva R.B. 2018. Transformaciya vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti torgovyh domov Yaponii [Transformation of the Foreign Economic Activity of Japanese Trading Houses]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*. №12. P. 65–75. (In Russian)

Piradov D.M. 2014. Strahovanie eksportnyh kreditov v usloviyah narastayushchej globalizacii ekonomik [Export Credit insurance in the Context of the Growing Globalization of Economies]. *Strahovoe delo*. №8. P. 37–41. (In Russian)

Rajnhardt R.O. 2015. *Sravnitel'nyj analiz sistem ekonomicheskoy diplomatii v stranah Evropejskogo soyuza* [Comparative Analysis of Economic Diplomacy Systems in the Countries of the European Union]. dis. kand. ekonomicheskikh nauk. Moskva. 212 p. (In Russian)

Rajnhardt R.O. 2017. Ch. I. *Ekonomicheskaya diplomatiya Francii na sovremennoj etape. Sovremennaya Evropa: 60 let posle Rimskih dogovorov* [Economic Diplomacy of France at the Present Stage. Modern Europe: 60 Years after the Roman Treaties.]. Otv. redaktory E.A. Maslova, O.YU. Potemkina. Moskva: Institut Evropy RAN. P. 76–84. (In Russian)

Rajnhardt R.O. 2018. *Ital'yanskaya ekonomicheskaya diplomatiya: s 1920-h gg. do nashih dnei. Sovremennaya Italiya: starye problemy, novye vyzovy* [Italian Economic Diplomacy: from the 1920s to the Present. Modern Italy: Old Problems, New Challenges]. Otv. red. E.A. Maslova. Moskva: Institut Evropy RAN. P. 48–54. (In Russian)

Samojlova M.N. 2010. Deyatel'nost' yaponskih general'nyh torgovyh domov v Evrope [Activities of Japanese General Trading Houses in Europe]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 5. Iss. 3. P. 129–133. (In Russian).

Shchepeleva M.A. 2012. Osobennosti strahovaniya eksportnyh kreditov v zarubezhnyh stranah [Features of Export Credit Insurance in Foreign Countries]. *Strahovoe pravo*. №1–2. P. 72–85. (In Russian)

Sigida Yu.S. 2014. Social'nyj aspekt vliyaniya finansovo-promyshlennyh grupp chebol' na razvitie YUzhnoj Korei vo vtoroj polovine XX – nachale XXI v. [The Social Aspect of the Influence of Chaebol Financial and Industrial Groups on the Development of South Korea in the

Second Half of the XX-Early XXI Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. №379. P. 140–144. (In Russian)

Sigida Yu.S. 2015a. Transformaciya roli finansovo-promyshlennyh grupp (chebol') v ekonomicheskoy i politicheskoy zhizni Yuzhnoj Korei v period s 1998 po 2013 g. [Transformation of the Role of Financial and Industrial Groups (Chaebol) in the Economic And Political Life of South Korea in the Period from 1998 to 2013]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. №397. P. 167–173. (In Russian)

Sigida Yu.S. 2015b. Rol' finansovo-promyshlennyh grupp chebol' vo vneshneekonomicheskoy i vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti YUzhnoj Korei v 1980–2000-e gg. [The Role of Chaebol Financial and Industrial Groups in the Foreign Economic and Foreign Policy Activities of South Korea in the 1980s and 2000s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. №399. P. 140–145. (In Russian)

Spletuhov Yu.A. 2014. Strahovanie eksportnyh kreditov: zarubezhnyy opyt [Export Credit Insurance: Foreign Experience]. *Finansovyj zhurnal*. 3(21). P. 150–160. (In Russian)

Sycheva K.G. 2018. Sistema gosudarstvennogo upravleniya v sfere rossijskogo eksporta: puti sovershenstvovaniya [The System of Public Administration in the Sphere of Russian Exports: Ways of Improvement. Public Administration]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*. №69. P. 177–197. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Байгереев М. 2006. Южная Корея: модернизация трудовых отношений и социальное партнерство. *Человек и труд*. №8. С. 19–25.

Балюк И.А. 2016. Государственная поддержка экспортно-ориентированных компаний в условиях санкций и валютных взлетов. *Экономика. Налоги. Право*. С. 79–86.

Белов Н.И. 2013. Система мер государственной поддержки экспорта в Швейцарии на современном этапе. *Российский внешнеэкономический вестник*. №1. С. 55–64.

Белов Н.И. 2015. Поддержка экспорта в Германии. *Российский внешнеэкономический вестник*. №5. С. 97–109.

Гаврилов А.А. 2011. Страхование экспорта как неотъемлемая часть системы поддержки внешней торговли. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 10(52). С. 49–56.

Гиматдинов Р.Р., Носырев И.Р. 2018. К вопросу оценки и повышения эффективности деятельности зарубежных представительств субъектов Российской Федерации. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(59). С. 125–144. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-125-144

Денисов А.С. 2011. Государственная система поддержки экспорта Федеративной Республики Германии. *Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал)*. №9. С. 330–335.

Кудряшов В.С. 2018. Стимулирование и поддержка экспорта предприятий малого и среднего бизнеса в Российской Федерации и за рубежом. *Juvenis scientia*. №9. С. 25–29.

Лещенко Н.Ф. 2008а. Из самураев в купцы: история Торгового дома Мицуи. *История и современность*. №1. С. 113–132.

Лещенко Н.Ф. 2008б. Из самураев в купцы: история Торгового дома Накаи. *История и современность*. №2. С. 72–86.

Лихачев А.Е. 2006. *Экономическая дипломатия России. Новые вызовы и возможности в условиях глобализации*. Москва: Экономика. 456 с.

Нарышкин А.А., Оганезов Д.С. 2020. Развитие мировой торговли: содействие продвижению экспорта. Мировой опыт. *Инновации и инвестиции*. №3. С. 78–81.

Ноздрева Р.Б. 2018. Трансформация внешнеэкономической деятельности торговых домов Японии. *Российский внешнеэкономический вестник*. №12. С. 65–75.

Пирадов Д.М. 2014. Страхование экспортных кредитов в условиях нарастающей глобализации экономик. *Страховое дело*. №8. С. 37–41.

Райнхардт Р.О. 2015. *Сравнительный анализ систем экономической дипломатии в странах Европейского союза*: дис. канд. экономических наук. Москва. 212 с.

Райнхардт Р.О. 2017. Ч. I. Экономическая дипломатия Франции на современном этапе. *Современная Европа: 60 лет после Римских договоров*. Отв. редакторы Е.А. Маслова, О.Ю. Потемкина. Москва: Институт Европы РАН. С. 76–84.

Райнхардт Р.О. 2018. Итальянская экономическая дипломатия: с 1920-х гг. до наших дней. *Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы*. Отв. ред. Е.А. Маслова. Москва: Институт Европы РАН. С. 48–54.

Самойлова М.Н. 2010. Деятельность японских генеральных торговых домов в Европе. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 5. Вып. 3. С. 129–133.

Сигида Ю.С. 2014. Социальный аспект влияния финансово-промышленных групп чеболь на развитие Южной Кореи во второй половине XX – начале XXI в. *Вестник Томского государственного университета*. №379. С. 140–144.

Сигида Ю.С. 2015а. Трансформация роли финансово-промышленных групп (чеболь) в экономической и политической жизни Южной Кореи в период с 1998 по 2013 г. *Вестник Томского государственного университета*. №397. С. 167–173.

Сигида Ю.С. 2015б. Роль финансово-промышленных групп чеболь во внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности Южной Кореи в 1980–2000-е гг. *Вестник Томского государственного университета*. №399. С. 140–145.

Сплетуков Ю.А. 2014. Страхование экспортных кредитов: зарубежный опыт. *Финансовый журнал*. 3(21). С. 150–160.

Сычева К.Г. 2018. Система государственного управления в сфере российского экспорта: пути совершенствования. *Государственное управление. Электронный вестник*. №69. С. 177–197.

Филагова Ю.М. 2013. Особенности международного факторинга как финансового инструмента. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. №2. Ч. 1. С. 115–122.

Хасбулатов Р.И. 2019. *Экономическая дипломатия*. Ч. 1–2. Москва: Юрайт. 265 с.

Щепелева М.А. 2012. Особенности страхования экспортных кредитов в зарубежных странах. *Страховое право*. №1–2. С. 72–85.

Russian Science Diplomacy at a Crossroads: Positive and Normative Analysis

R.O. Reinhardt

Moscow State Institute of International Relation (university)

Abstract: Nowadays, science diplomacy tends to be one of the most relevant and essential fields of applied research in International Relations. In general, it is a functional expression of both foreign and science policy conducted by states and non-state actors in the world arena. The emergence of the modern concept of science diplomacy has been taking place since the second half of the 2000s linking research and diplomatic practices. Still, most of the existing literature can be described as somewhat fragmentary and focusing on specific case studies without providing a holistic picture of national science diplomacy models, including the Russian one. The article casts light upon the critical features of the Russian science diplomacy complex based on a systematic approach. It looks into its three main elements, i.e., "science in diplomacy," "diplomacy for science," and "science for diplomacy." In this context, the article analyses the activity of the Russian science diplomacy main stakeholders in positive and normative terms. The synthesis of the respective results reveals structural drawbacks of the system in question, which in 2020 have become even more acute than they used to be before. The outlined trends and tendencies infer that the ongoing pandemic did hardly bring on new problems but speeded up processes, which have already around this field. Working from these premises, the author formulates several policy recommendations to optimize current practices, which decision-makers can use in science diplomacy and foreign affairs.

Key words: science diplomacy, Russian foreign policy, science policy, science attaché, scientific diaspora, Rossotrudnichestvo, Pugwash movement

At present, science diplomacy becomes one of the main areas of international cooperation. Most experts agree that this phenomenon is typical for the modern system of international relations that has emerged in the 20th century and is characterized, firstly, by the entry into the world arena of new, mainly non-state actors, and secondly, by the close intertwining of research and diplomatic practices (Lord, Turekian 2007; Fedoroff 2009). Thus, in the subject field of science diplomacy,

UDC: 327.8

Received: November 02, 2020

Accepted for publication: March 09, 2021

which is consecutively taking shape, it has become common practice to distinguish three main subareas:

- elaboration of recommendations within the framework of international policy goals by scientists and scholars ("**science in diplomacy**");
- facilitation of international scientific cooperation by diplomats ("**diplomacy for science**").
- establishing and strengthening scientific alliances by scientists, scholars, and diplomats in order to improve bilateral and multilateral relations between countries ("**science for diplomacy**") (New frontiers in science diplomacy 2010: 4).

Closely related to each other and depending on the general cultural context (Romanova 2015b), activities in the above subareas pursue the common goal of science diplomacy. The latter was traditionally perceived as promoting the state interests in the international arena by national actors (scientists, diplomats, and politicians). Currently, this sphere, both in terms of goal-setting and tools used to solve specific problems, seems to undergo qualitative transformation.

At the same time, Russian sociological and other humanitarian studies dedicated to these issues are few and somewhat sporadic. In one of the largest Russian repositories, the *Scientific Electronic Library*, the number of deposited materials in which the term "science diplomacy" appears accounts for less than 100 units¹. Speaking about the "pioneers" of this research subfield, it is worth mentioning the works of a scholars group headed by A.V. Shestopal (Shestopal, Litvak 2016; Litvak 2020).

On the other hand, within the framework of Western studies, it is already customary to single out science diplomacy as an independent construct of science and foreign policy, subject to both theoretical and applied analysis (Ruffini 2017: 11-12). To provide a comparative reference, international databases, like *Scopus* and *Web of Science*, host more than 500 related materials published in recent (2015-2020) years².

However, works dealing with the Russian practices in science diplomacy, which are present in the domestic and foreign discourse, can be considered to a certain extent fragmentary. Most of them, while stipulating the existence of a specific model of Russian science diplomacy (Ruffini 2017: 70; Krasnyak 2020a), focus on limited cases and phenomena, such as bilateral cooperation with single countries (Lubrano 1981; Sher 2019) or specific projects (Krasnyak 2020b). In general, these materials' corps hardly provide a genuinely holistic perception of the Russian science diplomacy complex. They tend to lack a systematic approach that gives ground for a concise description and analysis of the issues. Therefore, modeling the Russian science diplomacy as a system of interrelated structural elements while now-casting (Bańbura et al. 2013) their transformations represents a relevant scientific task (Turekian 2012), which the author tries to handle in the present article.

¹ eLibrary. URL: <https://elibrary.ru/> (accessed 17.04.2021)

² Web of Science. URL: <https://www.clarivate.ru/products/web-of-science/> (accessed 17.04.2021); Scopus. URL: <https://www.scopus.com/home.uri> (accessed 17.04.2021)

Given that this direction has become a full-fledged item of the international agenda relatively recently (starting from the second half of the 2000s), it is appropriate to say that some practices associated with it took place earlier (Haas 1992; Torkunov 2019). Historically, these might include, for instance, the interaction of Russian scientific and diplomatic professional communities in the 19th century – in particular, at the Imperial Tsarskoye Selo Lyceum in 1811-1843, as well as at the Lazarev Institute of Oriental Languages in 1827-1921 (Kuznetsov 2014). In USSR, the Diplomatic Academy (est. 1934), Moscow State Institute of International Relations (MGIMO, est. 1944), and Peoples' Friendship University (RUDN, est. 1960) became centers for science diplomacy *ante litteram* (Zonova 2014). Nevertheless, initially, the primary mission of these institutions was the professional training of personnel for the foreign service. At the same time, scientific work and international relations within it were at first somewhat limited.

Since the second half of the 1950s, research institutes with international and regional focus were established within the Department of Social Sciences of the Academy of Sciences of the USSR, i.e., the World Economy and International Relations Institute (est. 1956), Institutes of Africa (est. 1959), Latin America (est. 1961), The Far East (est. 1966), United States and Canada (est. 1967) and Europe (est. 1987). From the beginning of their functioning, the institutions aimed to strengthen and develop scientific and diplomatic relations with the countries of the respective regions. In 2010, at the initiative of the Minister of Foreign Affairs S.V. Lavrov and Academician E.M. Primakov, these institutes, which made up the Section of International Relations of the Department for Social Sciences, were merged into a new independent structural unit – the Department for Global Problems and International Relations (DGPIR) of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Of course, other institutes of the Academy of Sciences, universities, and hubs of the research infrastructure, both in social and natural sciences, have also carried out international activities. However, these organizations explicitly specialized on the first ("science in diplomacy") and third ("science for diplomacy") vectors of science diplomacy. This group also includes non-profit partnerships founded in the early 2010s, particularly the Alexander Gorchakov Public Diplomacy Fund (est. 2010), the Russian International Affairs Council (est. 2011), and several others, helping stimulate international scientific and technological cooperation.

Main trends and recent tendencies

The main actors of Russian science involved in diplomacy make three functional groups:

- **"university"**, which is carried out by higher educational institutions, including both "bastions of scientific diplomacy" with established traditions (MGIMO, the Diplomatic Academy, RUDN) (Torkunov 2019), and those which have relatively recently entered the international scene;

– **"academic"** – research institutes and centers, both historically specializing in science diplomacy issues (DGPIR of RAS), and those for which international cooperation is not a core area of functioning;

– **"expert"** – non-profit partnerships and associations, "think tanks," and fora, for example, the Valdai Discussion Club (Flink, Schreiterer 2010).

From the point of view of the functioning mechanisms, "expert" science diplomacy by its nature appears to be more multilateral than "university" and "academic" science diplomacy. In this regard, the work of such multilateral platforms as the Global Research Council (GRS), its regional meetings (European – EuroHORC, Asian – AsiaHORC), the framework program of the European Union "Horizon 2020" (Wedlin, Nedeva 2015), the Joint Institute for Nuclear Research (JINR) and others seems essential. Russia's participation in these organizations (perhaps, except JINR (Krynzina et al. 2020)), despite some intensification in recent years (in particular, the Moscow GRS summit in 2018), is still quite limited. It is carried out primarily through the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), with a relatively low level of media coverage and awareness about the respective initiatives of the scientists' and diplomats' target audience. Still, it is worth noting that another leading domestic stakeholder, the Russian Science Foundation (RSF), is practically not involved in GRS and similar alliances. In contrast, many other entities (for example, the Skolkovo Innovation Center) also tend to remain somewhat aloof from them.

At the same time, the named science foundations are actively strengthening the existing scientific and diplomatic ties alongside establishing new ones. Each of them has specialized subdivisions (departments of international relations) responsible for this area of work. Since the second half of the 2010s, competitions implying the joint work of Russian scientists with foreign colleagues have been increasing in number, while the geography of such projects is steadily expanding.

A significant share of foreign scholars receiving grants from the RFBR, RSF are from the Russian diaspora. This fact makes working with the Russian-speaking diaspora a relevant vector of Russian "science for diplomacy." Despite a significant potential for interaction with Russian-speaking and "Russian-thinking" compatriots living abroad and working in the R&D sector, there are still many obstacles to its full unleashing (Dezhina et al. 2016).

There are general questions: who is a member of the Russian "scientific diaspora," should there be a priority for researchers within the framework of "academic" science diplomacy or rather the teaching staff within the framework of "university" science diplomacy. There are also technical questions like consular and visa issues. Russia supported all types of alliances – from global (GRS, JINR) and regional (EuroHORC, AsiaHORC, cooperation with the EU) ones to local and those determined by state and/or linguistic boundaries (work with the "Russian World scientific diaspora" in a specific country) (Davis, Patman 2015: 116).

As for the second vector of Russian science diplomacy ("diplomacy for science"), its institutional form lags behind the other two. The Federal Agency for the Common-

wealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo), like its forerunners³ has been traditionally giving priority to bringing forward cultural rather than scientific ties. Despite the name of most of its representations abroad – *Russian Centers for Science and Culture* (RCSC)⁴ – in their practical work, culture is given the first place, science – at best, the second. In such scientifically and technologically advanced countries as China and Israel, science is absent on the signboard of Rossotrudnichestvo offices. In contrast, in some others (Great Britain, Republic of Korea, Switzerland, Japan), its presence is limited to a representative in the respective embassy.

Besides, it is characteristic that among the heads and senior management staff of Rossotrudnichestvo and its predecessor bodies, there have been very few people for whom, despite a specific experience in this area, academic degrees and titles, research would be the central sphere of professional activity. Alongside prominent cultural figures, they were Communist party functionaries in the Soviet times and high-ranking officials in the post-Soviet period. Moreover, in the organizational structure of the body, science appears in the name of only one of the departments. At the same time, judging by the description of this unit, the better part of its work falls on educational and not actually research projects⁵.

The same is true about the Russian Ministry of Foreign Affairs (MFA). As of June 2020, according to the official website, international cooperation in the field of science and technology was supervised by the Department for New Challenges and Threats (DNCT), then as of October 2020, it does not figure in the description of any of the divisions' activities⁶. The issue of establishing special science attachés offices at representations of the MFA abroad (embassies and consulates) has been repeatedly raised at policy-making and expert levels. However, despite statements about the necessity of such innovations, this project has not yet been implemented regularly (Reinhardt, Mozebakh 2017).

After the death of the Academician E.M. Primakov in 2015, a founding father of modern Russian science diplomacy (Reinhardt 2020), the only member of the Council for Science and Education under the President of the Russian Federation directly related to institutional foreign policy is the rector of MGIMO, Academician

³ All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS, 1925-1958), Union of Soviet Societies for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries (SSOD, 1958-1994), Russian Center for International Scientific and Cultural Cooperation under the Government of Russia (Roszarubezhtsentr, 1994-2002), Russian Center for International Scientific and Cultural Cooperation under the Ministry of Foreign Affairs of Russia (2002-2008)

⁴ As of October 2020, Rossotrudnichestvo encompasses 92 representations abroad, of which 58 RCSCs, 11 RCSC branches, 17 representatives within embassies, two deputy representatives within consulates general, two cultural centers, and two information and cultural centers: Contacts. *Rossotrudnichestvo*. URL: <http://rs.gov.ru/en/contacts> (accessed 17.04.2021)

⁵ Activity. *Rossotrudnichestvo*. URL: <http://rs.gov.ru/en/activities> (accessed 17.04.2021)

⁶ Compare Reinhardt R. Tweets vs. the Officialese: How the Language of Russian Diplomacy Is Changing amid the Global Transition. *Valdai Paper*. №114. P.12. Valdai Discussion Club. 22.06.2020. URL: <https://valdaiclub.com/a/valdai-papers/tweets-vs-the-officialese-how-the-language/> vs. Central Office. *MFA of Russia*. URL: https://www.mid.ru/en/about/structure/central_office (accessed 17.04.2021)

A.V. Torkunov. Of course, very few people have such authority in both the professional diplomatic community and the scientific and expert community, as well as a complex, unquestionable understanding of scientific and diplomatic problems. However, it appears indicative that representatives of the MFA and structures subordinate to it (Rosstrudnichestvo, the Diplomatic Academy) have never been among the members of the above Council and its precursors⁷.

Thus, based on the combination of the factors described, it is now appropriate to speak of "diplomacy for science" as the institutionally weakest link in the Russian science diplomacy complex. Among the key trends and structural problems of "science in diplomacy" and "science for diplomacy," it would be relevant to stress the following:

- maintaining the positions of institutions and organizations that traditionally specialize in these subareas (MGIMO, the Diplomatic Academy, RUDN);
- gradual emergence of new participants in "university" and "expert" science diplomacy, to a lesser extent – in "academic" science diplomacy;
- insufficient work in these subareas, including the popularization of science in general (Romanova, 2015a) and the very concept of science diplomacy, in several leading organizations that have objective prerequisites for this (Moscow State University, Higher School of Economics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration and others);
- strong personification (the predominance of the scientist's personality factor over institutional factors);
- low involvement of Russian scientists in international projects: according to the results of empirical research based on surveys, no more than 50%;
- to a lesser extent, scientifically and other formalized indicators confirm the closed character of the scientific and expert circle with weak communication between its members at all levels (Reinhardt, Yurevich 2020).

The listed phenomena testify to structural difficulties of the institutional development of the Russian scientific community as an agent of international scientific and technological cooperation (ISTC) at the current stage. At the same time, a significant share of the scholar and expert contingent still has a rather vague idea about science diplomacy *per se*, as well as the meaning attributed to it by other ISTS participants – be it colleagues, administrators, or decision-makers in the field of science policy (Frickel, Moore 2006: 292).

At the official (legislative) level, the definition of science diplomacy was introduced only within the framework of the Concept of the ISTC of the Russian Federation, approved by the Government on February 8, 2019⁸.

⁷ Council for Science and High Technology (2001-2004), Council for Science, Technology, and Education (2004-2012).

⁸ Concept of the International Scientific and Technological Cooperation of the Russian Federation. URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aad5de45b3a58103046d70eabef2.pdf> (accessed 17.04.2021). I deliberately restrain from its critical analysis and specify existing science diplomacy definitions, having already provided it and partially covered this issue in previous works (Reinhardt 2020).

The analysis of the preceding regulatory documents in the field of science policy⁹, on the one hand, and foreign policy¹⁰, on the other hand, allows distinguishing two stages of this term's conceptual evolution. The first stage (1996 – the mid-2000s) was characterized by the transition from the liberal paradigm of ISTC to the realistic one, a specific politicization, alongside putting national interests at the forefront. The second stage (the mid-2000s – late 2010s) inferred a reorientation to the economic dimension of ISTC with a precise formation of science diplomacy as a concept in its modern form (Reinhardt 2020).

The *annus horribilis* of 2020 can be considered a milestone in developing the Russian science diplomacy complex for at least two reasons. Firstly, in connection with the beginning of the ISTC Concept 2019 implementation. Secondly, due to the outbreak of the COVID-19 pandemic, which can be interpreted in terms of the so-called "big challenges" of the specified ISTC Concept¹¹.

Short-term transformations of science diplomacy

Changes in the forms and mechanisms of science diplomacy under the influence of the named "big challenge" began to be observed since the end of February 2020. One of the first "calls" was the news about the postponement of the 63rd Pugwash Conference of Scientists, scheduled for March 1-5, to spring 2021¹². Within the framework of this event, it was planned to discuss regional conflicts and nuclear risks. The previous Pugwash conference was held in 2017, and given the current dynamics of the epidemiological situation, there is no guarantee that the next one can take place in 2021.

The Pugwash Movement of Scientists for Peace, Nuclear Disarmament, and International Security, launched in 1955, represents a classic case of "science for diplomacy" (Sher 2019: 10). The USSR joined this movement from the very beginning, creating a national Pugwash Committee in 1957 and awarding the Pugwash ideologue Cyrus Eaton the International Lenin Prize "For Strengthening Peace Among Nations" in 1960. During the Soviet period, Russian scientists took an active part in the work of this organization, while the USSR provided a platform for its annual conferences three times (in 1960, 1969, and 1988). However, since the 1990s, Russia's involvement has

⁹ The doctrine of the Development of Russian Science (1996), Concept of Reforming Russian Science for the Period 1998-2000 (1998), Concept of the State Policy of the Russian Federation in the Field of ISTS (2000), Strategy for the Development of Science and Innovation in the Russian Federation for the Period up to 2015 (2006), Strategy for the Innovative Development of the Russian Federation for the Period up to 2020 (2011), Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation (2016)

¹⁰ Foreign Policy Concepts of the Russian Federation of 1993, 2000, 2008, 2013 and 2016

¹¹ "Objectively requiring a response from the state, a set of problems, threats, and opportunities, the complexity, and scale of which are such that they cannot be resolved, eliminated or implemented solely by increasing resources" – ISTC Concept 2019 / Op. cit., p. 19.

¹² Pugwash document on the NPT Review Conference Postponement and Risks after the Pandemic. *Pugwash*. 06.05.2020. URL: <https://pugwash.org/2020/05/06/pugwash-statement-on-the-npt-review-conference-postponement-and-risks-after-the-pandemic/> (accessed 17.04.2021)

been somewhat decreasing. The country no longer hosted the meetings of nuclear scientists – even though in 1995, the Pugwash movement and one of its founders, Joseph Rotblat, were awarded the Nobel Peace Prize.

The latest transformations of "science for diplomacy" show the following. Firstly, the past few years could be characterized by a decline in the Pugwash movement's activity, mainly due to the absence of conferences previously held annually. Secondly, the pandemic did not entail its adaptation to new conditions: the transition to an online format. While most universities and even schools, not to mention research centers, continued to work in the digital space during the period of quarantines and self-isolation, leading nuclear physicists (!) opted for a wait-and-see attitude.

Such behavior may indirectly indicate that the problem hardly boils down to the "big challenge" of the pandemic, but rather to a certain rigidity of the actor itself. Extrapolating these tendencies and analysis on other issues (Russian and foreign agents of "university", "academic" and "expert" science diplomacy, as well as their associations), shows that this "big challenge" *per se* did not bring on new problems, but acts as a catalyst for the processes already observed therein earlier.

Furthermore, here, in contrast to the controversial topic of general measures, "prophylaxis" and "therapy" seem obvious. First and foremost, **digitalization** implying a further development of online and hybrid forms of interaction between members of the research and expert communities. Those of them who even before had a penchant for this kind of innovation has already gained a significant and even capitalized competitive advantage. Others, with less adaptive capacity, need support from science policy-makers as well as colleagues in the broader sense. Hence, the main priorities of science diplomacy soon appear to be changing the forms of work organization and interaction with partners and providing assistance in this process to these partners, including foreign ones.

This immediately leads to another essential item of the current agenda – **international information security** (Zinovieva 2018). At the lowest level, many scientists and scholars participating in online conferences have already faced such a commonplace phenomenon as joining uninvited guests. Of course, this is only the tip of the iceberg. The more complex and significant the processes within the framework of science diplomacy interaction are, the more attention and resources are required to ensure the proper level of their securitization. While previously this topic used to be one of the theoretical and practice-oriented research, it directly affects their conduct. In economic terms, this essentially becomes an expenditure item for R&D. The most straightforward way to reduce it in the fundamental dimension can be considered the task of "science in diplomacy"; in the applied dimension – the mission of "science for diplomacy" and partially "diplomacy for science."

Finally, the third direction of restructuring science diplomacy at the present stage involves a gradual **shift from its geopolitical perception** as an instrument of influence and defense of national interests. As practice shows – especially during the pandemic – unilateral decisions in critical situations have limited effectiveness. In the

current unprecedented conditions, not *competition* presupposing confrontation (even with recourse to "soft power" or "smart power" tools), but *cooperation* between states in the face of an acute global problem seems to be critical. By and large, the development and systemic introduction of vaccines are unthinkable without "scientific diplomats." In this context, the current prospects of Russian vaccines penetrating the European market despite the well-known geopolitical tensions might be deemed the first signs giving ground for a moderate degree of optimism. Not to put too fine a point on it, finding a *modus vivendi* option to speak at least the same healthcare language for those who seem unable to come to terms on the overall security level might directly bring the pandemic crisis closer to its termination.

Such a junctural, possibly temporary, but an objective change of paradigms had already been indicated by the Minister of Foreign Affairs S.V. Lavrov in April 2020.¹³ Paradoxically as it may sound, this implies a complete revision of the fundamental principles of the ISTC Concept 2019 in the "Pugwash spirit" of the late 1950s (Sher 2019: 11). To be more precise, the ultimate goal of "vaccine diplomacy," even if utopic at first glance, consists in overcoming the remaining lack of confidence in areas not directly linked to world politics and, especially, the logic of "vaccine races." In other words, depoliticizing and internationalizing the already existing anti-COVID drugs and tools appears to be just as important as developing new ones.

It seems helpful to formulate several recommendations for policymakers in science and its diplomatic support. Such recommendations can only be efficient when transgressing the whole science diplomacy matrix ("science in diplomacy," "diplomacy for science" and "science for diplomacy"; "university," "academic," and "expert").

The most challenging block from the perspective of a potential reform tends to be "**diplomacy for science**". Its optimization requires a set of interrelated measures concerning several state structures and federal executive bodies. First, according to the Minister of Foreign Affairs S.V. Lavrov, "the MFA is not involved in orchestrating scientific ties."¹⁴ The same logic applies to other federal executive authorities, with their role being reduced to the administrative and technical support of scientific contacts and eliminating barriers for ISTC. In other words, they should perform not a regulatory or coordinating but an auxiliary function. For its practical execution, the following measures can be considered relevant:

- establishment of specialized divisions in the MFA, Rossotrudnichestvo, as well as in their representations abroad that would regularly supervise science diplomacy, including Russia's participation in international scientific alliances (GRS, JINR, EuroHORC, AsiaHORC, etc.);

¹³ Лавров считает, что научная дипломатия при пандемии перестает быть инструментом влияния [Lavrov reckons that science diplomacy during the pandemic stops to be an instrument of influence]. TASS. 21.04.2020. URL: <https://tass.ru/politika/8294685> (accessed 17.04.2021)

¹⁴ Ibid.

- introduction of science attaché offices at foreign missions of these bodies to intensify their work with "scientific diasporas";
- inclusion of representatives of the MFA and organizations subordinate to it (Rossotrudnichestvo, the Diplomatic Academy) into the Council for Science and Education under the President of the Russian Federation;
- establishment of an internal "Council of science diplomats" at the MFA – by analogy with the Council of Young Diplomats¹⁵, which can also participate in specialized projects of the former;
- systematic connection to the decision-making process in the studied area of the Ministry of Science and Higher Education (MSHE), as well as the Ministry of Digital Development, Communications, and Mass Media (MDD).

The latter is crucial in terms of ensuring international information security. In this field, the respective department created within the MFA in December 2019 can act as the connecting link on its part. It is the well-coordinated work within the framework of the aforementioned federal executive authorities (MFA-MSHE-MDD) that can give tangible results in the development and implementation of projects such as, for example, the introduction of a "scientist's passport" – by analogy with a "fan passport" during the FIFA World Cup 2018¹⁶. At the same time, it makes no sense to limit this direction to consular and visa issues, but it is necessary to expand it to the digital space.

"Science in diplomacy" and "science for diplomacy" with an emphasis on the "**university**" part appear to be more flexible in terms of the innovation process. Among the specific measures in these subareas, it is relevant to highlight:

- elaboration and launch of unique educational products (MBA, Master programs) for the preparation of science attachés based on MGIMO, the Diplomatic Academy, and RUDN, following the example of the program for the training of agricultural attachés, which is successfully being implemented by the MGIMO School of Business and International Proficiency¹⁷;
- introduction of targeted online postgraduate study programs for full-time employees of the MFA, which would include specialized courses in science diplomacy training, followed by the defense of Ph.D. theses; attracting leading foreign specialists, scientists, and scholars to participate in such defenses;
- founding based on leading universities a *Network Research Center for Science Diplomacy Problems* as a coordinative body for a substantive and operational communication of members of the Russian scientific and expert community.

¹⁵ Council of Young Diplomats of the MFA of Russia. URL: <https://smd-mid.ru/> (accessed 17.04.2021)

¹⁶ Р.О. Райнхардт: «Научная дипломатия как площадка для диалога физиков и политиков» [R.Reinhardt: Science diplomacy as a platform for dialogue between physicians and politicians]. *MGIMO-University*. 13.05.2020. URL: <https://mgimo.ru/about/news/inno/raynkhart-nauchnaya-diplomatiya-kak-ploshchadka-dlya-dialoga-fizikov-i-politikov/> (accessed 17.04.2021)

¹⁷ МГИМО выпускает первых сельхозатташе [Graduation of MGIMO's first agricultural attachés]. *MGIMO Business School*. 29.06.2020. URL: <https://mba.mgimo.ru/news/mgimo-vypuskaet-pervykh-selkhozattashe> (accessed 17.04.2021)

Taken together, these measures and the selective use of "best practices" can help optimize the sector's work and give ground for revising the fundamental principles of the ISTC Concept 2019, which, as noted above, is still in force but no longer standing up to the challenges Russia is facing.

To conclude, the above qualitative analysis and modeling of Russian science diplomacy demonstrate that in 2020, exposed to the overall external pandemic shock, it has reached a point of bifurcation. Its further development will depend on the general course of policy-makers in both science and foreign affairs. Will they adapt the current practices to the new crisis and post-crisis reality, what shapes might these adaptations take, and how it will affect the already used mechanisms – these are crucial questions. In any case, recommendations described in this article appear applicable within most scenarios of reforming and optimizing the modern institutional framework of all three science diplomacy subareas. Nevertheless, such changes can hardly be effective without a holistic perception of the present science diplomacy goals. In this context, it should once again be emphasized that today science diplomacy can and should be regarded not as a means of "soft" or "smart power" but a multilateral cooperation mechanism in science and technology. This new value paradigm might contribute to the fight of the international community against the pandemic and its repercussions.

About the author:

Roman O. Reinhardt – Ph.D. in Economics, Associate Professor at the Department for Diplomatic Studies, Russia MGIMO-University, Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76.
E-mail: don.reinhardt@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledges:

The article is prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 18-78-10123.

УДК: 327.8
Поступила в редакцию: 02.11.2020 г.
Принята к публикации: 09.03.2021 г.

Российская научная дипломатия на распутье: позитивный и нормативный анализ

Р.О. Райнхардт
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106)

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В настоящее время научная дипломатия представляется одной из наиболее важных и значимых областей прикладных международных исследований. В целом, её целесообразно рассматривать как функциональное выражение внешней политики, с одной стороны, и научной политики, с другой стороны, проводимой государствами и негосударственными акторами на международной арене. Возникновение концепта научной дипломатии в его современном виде допустимо отнести ко второй половине 2000-х гг. Отличительной чертой данного периода стало тесное переплетение научно-исследовательских и дипломатических практик. Вместе с тем большинство существующих исследований в данной области как в России, так и за рубежом уместно охарактеризовать как в значительной мере фрагментарные и сосредоточенные на конкретных примерах, при этом не дающие целостного представления о национальных моделях научной дипломатии, в том числе российской. Исходя из этого, автор статьи рассматривает ключевые особенности российского научно-дипломатического комплекса на основе системного подхода, делая акцент на трёх его основных элементах: «науке в дипломатии», «дипломатии для науки» и «науке для дипломатии». В данном контексте он анализирует деятельность основных субъектов российской научной дипломатии в позитивном (как оно есть) и нормативном (как оно должно или могло бы быть) ключе. Обобщение соответствующих результатов позволило выявить структурные недостатки рассматриваемой системы, которые в 2020 г. стали ещё более острыми, чем ранее. В то же время описанные тренды и тенденции позволяют сделать вывод о том, что продолжающаяся пандемия едва ли привела к возникновению новых проблем в рассматриваемой области, но может скорее рассматриваться как катализатор процессов, которые наблюдались в ней и прежде. Принимая во внимание данное обстоятельство, автор формулирует ряд прикладных и практико-ориентированных рекомендаций, направленных на оптимизацию существующей системы, которые могут найти применение в деятельности лиц, принимающих решения в российской научной и внешней политике.

Ключевые слова: научная дипломатия, внешняя политика России, научная политика, атташе по науке, научная диаспора, Россотрудничество, Пагуошское движение

Об авторе:

Роман Отмарович Райнхардт – кандидат экономических наук, доцент кафедры дипломатии МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
E-mail: don.reinhardt@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-78-10123.

References:

- Bañbura M., Gianonne D., Modungo M., Reichlin L. 2013. Now-Casting and the Real-Time data Flow. *ECB working papers*. №1563. 53 p.
- Davis L., Patman R. 2015. *Science Diplomacy: New Day or False Dawn*. Singapore: World Scientific. 296 p.
- Fedoroff N.V. 2009. Science Diplomacy in the 21st century. *Cell*. 136(1). P. 9-11.
- Flink T., Schreiterer U. 2010. Science Diplomacy at the Intersection of S&T Policies and Foreign Affairs: toward a Typology of National Approaches. *Science and Public Policy*. 37(9). P. 665-677.
- Frickel S., Moore K. (eds.) 2006. *The New Political Sociology of Science*. Madison: The University of Wisconsin Press. 500 p.
- Haas P. 1992. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*. 46(1). P. 23-37.
- Krasnyak O. 2020a. Russian Science Diplomacy. *Diplomatica*. 2(1). P. 118-134.
- Krasnyak O. 2020b. Science Diplomacy and Soviet-American Academic and Technical Exchanges. *The Hague Journal of Diplomacy*. 15(3). P. 398-408.
- Lord K.M., Turekian V.C. 2007. Science and Society. Time for a New Era of Science Diplomacy. *Science*. 315(5813). P. 769-770.
- Lubrano L.L. 1981. National and International Politics in US-USSR Scientific Cooperation. *Social Studies of Science*. 11(4). P. 451-480.
- New frontiers in science diplomacy*. 2010. Navigating the Changing Balance of Power. London: The Royal Society Science Policy Center. 33 p.
- Ruffini P.-B. 2017. *Science and Diplomacy: A New Dimension of International Relations*. Cham: Springer. 132 p.
- Sher G. 2019. *From Pugwash to Putin: A Critical History of US-Soviet Scientific Cooperation*. Bloomington: Indiana University Press. 307 p.
- Turekian V.C. 2012. Building a National Science Diplomacy System. *Science & Diplomacy*. 1(4). P. 1-3.
- Wedlin L., Nedeva M. (eds.) 2015. *Towards European Science*. Cheltenham: Edward Elgar. 224 p.
- Zinovieva E. 2018. Russian Approach to the International Cooperation in the Field of International Information Security. *Politica e Società*. №1. P. 77-88.
- Dezhina I.G., Kuznetsov E.N., Korobkov A.V., Vasil'ev N.V. 2015. *Razvitie sotrudnichestva s russkojazyčnoj nauchnoj diasporoj: opyt, problemy, perspektivy* [Developing the Cooperation with the Russian-Speaking Scientific Diaspora: Experience, Problems, Prospects]. Ed. by I.S. Ivanov. Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: Spetskniga. 104 p. (In Russian).
- Krynzhdina M.D., Baranova P.G., Masolygin A.V. 2020. Ital'janskij vektor nauchnoj diplomatii Objedinennogo instituta jadernyh issledovanij [Italian Science Diplomacy Vector of the Joint Institute for Nuclear Research]. *Insurance Law*. 86(1). P. 61-64. (In Russian).

Kuznetsov A.I. 2014. Proobraz MGIMO: iz istorii special'nogo diplomaticheskogo obrazovaniya v Rossii [The Prototypes of MGIMO: from the History of Specialized Diplomatic Education in Russia]. *MGIMO Review of International Relations*. 34(1). P. 64-71. (In Russian).

Litvak N.V. 2020. Nauchnaja diplomatija v vojnah, revoljucijah i konfliktah: filosofskij i sociologicheskij aspekty [Scientific Diplomacy in Wars, Revolutions and Conflicts. Philosophical and Socio-Political Aspects]. *Russian State University for the Humanities Review: Political Sciences, History, International Relations*. №1. P. 99-108. (In Russian).

Reinhardt R.O. Evoljucija konceptual'nyh osnov rossijskoj nauchnoj diplomatii 1996-2016 godov [Evolution of the Conceptual Foundations of Russian Science Diplomacy 1996-2016]. *Scientific Dialogue*. 2020. №3. P. 385-401. (In Russian).

Reinhardt R.O., Mozebakh V.A. 2017. Dejatel'nost' attashe po nauke: otechestvennye i zarubezhnye praktiki [Science Attachés' Work: Russian and Foreign Practices]. *Human Capital*. 108(12). P. 28-33. (In Russian).

Reinhardt R.O., Yurevich M.A. 2020. Nauchnaja politika v prelomlenii kul'turnyh modelej rossijskikh uchenyh [Science Policy in Light of Russian Scientists' Cultural Models]. *Sociology of Science & Technology*. 11(2). P. 177-193. (In Russian).

Romanova M.D. 2015a. Francuzskie nauchno-populjarnye zhurnaly [French Popular Science Magazines]. *MGIMO Review of International Relations*. 43(3). P. 290-292. (In Russian).

Romanova M.D. 2015b. Vlijanie kul'turnogo konteksta na formirovanie nauchnoj politiki (opyt Francii) [Influence of Cultural Context on Formation of Science Policy (French Experience)]. *Polis: Journal of Political Studies*. №5. P. 119-129. (In Russian).

Shestopal A.V., Litvak N.V. 2016. Nauchnaja diplomatija. Opyt sovremennoj Francii [Science Diplomacy: French Experience]. *MGIMO Review of International Relations*. 50(5). P. 106-114. (In Russian).

Torkunov A.V. 2019. Diplomatiya akademicheskogo soobshhestvo: proshloe i nastojashhee [Diplomacy of the Academic Community: the Past and the Present]. *World Economy and International Relations*. 63(9). P. 22-28. (In Russian).

Zonova T.V. 2014. Nauka diplomatii v MGIMO [A Science of Diplomacy]. *MGIMO Review of International Relations*. 38(5). P. 44-55. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Дежина И.Г., Кузнецов Е.Н., Коробков А.В., Васильев Н.В. 2015. Развитие сотрудничества с русскоязычной научной диаспорой: опыт, проблемы, перспективы. Доклад № 23/2015; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: Спецкнига. 104 с.

Зонова Т.В. 2014. Наука дипломатии в МГИМО. *Вестник МГИМО-Университета*. 5(38). С. 44-55.

Крынжина М.Д., Баранова П.Г., Масольгин А.В. 2020. Итальянский вектор научной дипломатии Объединенного института ядерных исследований. *Страховое право*. 1(86). С. 61-64.

Кузнецов А.И. 2014. Прообраз МГИМО: из истории специального дипломатического образования в России. *Вестник МГИМО-Университета*. 1(34). С. 64-71.

Литвак Н.В. 2020. Научная дипломатия в войнах, революциях и конфликтах: философский и социологический аспекты. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. №1. С. 99-108.

Райнхардт Р.О. 2020. Эволюция концептуальных основ российской научной дипломатии 1996-2016 годов. *Научный диалог*. №3. С. 385-401.

Райнхардт Р.О., Мозебах В.А. 2017. Деятельность атташе по науке: отечественные и зарубежные практики. *Человеческий капитал*. 12(108). С. 28-33.

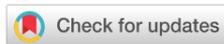
Райнхардт Р.О., Юревич М.А. 2020. Научная политика в преломлении культурных моделей российских ученых. *Социология науки и технологий*. 11(2). С. 177-193.

Романова М.Д. 2015а. Французские научно-популярные журналы. *Вестник МГИМО-Университета*. 3(42). С. 290-292.

Романова М.Д. 2015б. Влияние культурного контекста на формирование научной политики (опыт Франции). *Полис. Политические исследования*. №5. С. 119-129.

Торкунов А.В. 2019. Дипломатия академического сообщества: прошлое и настоящее. *Мировая экономика и международные отношения*. 9(63). С. 22-28.

Шестопал А.В., Литвак Н.В. 2016. Научная дипломатия. Опыт современной Франции. *Вестник МГИМО-Университета*. 5(50). С. 106-114.

Израиль во внешней политике ОАЭ: от конфронтации к нормализации

Е.С. Мелкумян

Институт востоковедения РАН

В статье рассматривается процесс трансформации политики Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ) в отношении Израиля, при этом внимание акцентируется на расширении внешнеполитических приоритетов страны, происходившем по мере консолидации федеративного государства. Курс на укрепление отношений с арабскими странами, характерный для первых десятилетий истории ОАЭ, участие в деятельности Лиги арабских государств (ЛАГ), консолидировавшей государства арабского мира, опираясь на их единство в противостоянии Израилю, определяло антиизраильскую политику Эмиратов. Официальная позиция ОАЭ формулировалась под влиянием общеарабской риторики и никоим образом не отличалась от той позиции, которая была отражена в документах саммитов ЛАГ. Процесс урегулирования арабо-израильского конфликта, запущенный с Мадридской мирной конференции 1991 г., не привёл к установлению контактов между ОАЭ и Израилем. Политика в отношении данного государства по-прежнему зависела от решений, принимавшихся в ЛАГ. Корректировка внешнеполитического курса началась после обострения ситуации на Ближнем Востоке, когда такие страны как Сирия, Йемен и Ливия были охвачены конфликтами. В этот период арабо-израильский конфликт постепенно утрачивал своё центральное для региона значение; арабские государства Персидского залива приступили к установлению контактов с Израилем, с которым их связывали общие опасения относительно усиления Ирана. В статье анализируются данные связи, которые изначально носили неофициальный характер. Нормализация между ОАЭ и Израилем, наметившаяся в августе 2020 г. при активном участии Соединённых Штатов Америки, дала толчок налаживанию отношений между двумя странами в различных областях, представляющих взаимный интерес. В статье прослеживается связь между тем, какие направления сотрудничества с Израилем стали приоритетными, и тем, какие задачи ставили перед собой Эмираты в программах национального стратегического развития.

Ключевые слова: Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ), Израиль, ЛАГ, арабо-израильский конфликт, Авраамское соглашение

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 25.12.2020 г.

Принята к публикации: 09.04.2021 г.

В августе 2020 г. Объединённые Арабские Эмираты и Израиль заявили о своём решении нормализовать двусторонние отношения. Стороны заключили «Договор Авраама», в котором провозгласили установление дипломатических отношений и определили направления дальнейшего сотрудничества. Это событие ознаменовало собой новый этап не только во взаимоотношениях двух стран, но и в международно-политической ситуации на Ближнем Востоке в целом. Нормализация потенциально может привести к возникновению новых линий раскола на этом геополитическом пространстве: на смену биполярной структуре, опирающейся на противостояние арабских стран и Израиля, может прийти более сложная конфигурация, в которой Израиль и часть арабских государств будут противостоять Ирану, тогда как другие государства региона будут по-прежнему настаивать на противодействии политике Израиля в отношении ущемления прав палестинцев.

Внешняя политика ОАЭ формировалась под воздействием ряда региональных и международных детерминант. Отталкиваясь от теоретических исследований Н. Рипсмани (Ripsman 2009) и Дж. Талиаферро (Taliaferro 2009), где рассматривались условия, при которых данные детерминанты наиболее вероятны, необходимо принимать во внимание такие аспекты международной и региональной системы, как острота существующих угроз и наилучший способ реагирования для их отражения. Кроме того, анализ внешнеполитической стратегии Эмиратов может опираться на подходы американского политолога Г. Роуза, который выделил три уровня анализа: уровень международной системы как источник независимых переменных, уровень страны как источник промежуточных переменных, и особенности внешнего поведения как зависимая переменная (Rose 1998).

Основная цель статьи – проанализировать изменение позиций Эмиратов по отношению к Израилю в контексте смены внешнеполитических приоритетов этой страны и ситуации в регионе Ближнего Востока.

Позиции в отношении Израиля

Политика ОАЭ по отношению к Израилю менялась под влиянием различных факторов, прежде всего, регионального характера. После обретения независимости от Великобритании в 1971 г., семь эмиратов бывшего Договорного Омана приступили к созданию федеративного государства – Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ). Внешнеполитические приоритеты этой страны связывались с арабскими странами, укрепление отношений с которыми рассматривалось как средство интеграции в систему международных отношений. Позиция ОАЭ в отношении Израиля определялась неприятием этого государства, воспринимавшегося в арабском мире в качестве вражеского, само создание которого означало ущемление национальных прав арабов. Сразу же после провозглашения в декабре 1971 г. ОАЭ стали членом Лиги арабских государств

(ЛАГ). Данная организация объединила арабские страны в деле борьбы с Израилем и освобождения Палестины. Первая арабо-израильская война 1948-1949 гг. не принесла им, однако, победы. Вторая война в июне 1967 г. обернулась катастрофой для принимавших в ней участие арабских государств, утративших ряд территорий. Третья война, которая разразилась в октябре 1973 г., не смогла изменить положение: Израиль продолжал удерживать оккупированные арабские территории. Вместе с тем ОАЭ не принимали непосредственного участия в военных действиях; кроме того, они не выстроили и особых связей с палестинцами.

В ходе войны арабские нефтедобывающие государства использовали «нефтяное оружие». 18 октября 1973 г. президент ОАЭ Зайед бен Султан Аль Нахайян огласил решение о введении эмбарго на поставку нефти в отношении тех стран, которые поддерживают Израиль (20 октября его ввела и Саудовская Аравия). Прежде всего, это касалось США как основного союзника Израиля, а также некоторых европейских государств, занявших произраильскую позицию. Своё решение президент Эмиратов прокомментировал на пресс-конференции 11 ноября 1973 г. следующим образом: «Арабская нефть не дороже арабской крови»¹.

Позиция ОАЭ по арабо-израильскому конфликту всецело зависела от общеарабских подходов, поскольку страна настаивала на своей арабской идентичности притом, что связь с арабским миром определялась и отношением к арабо-израильскому противостоянию (United Arab Emirates... 2001). Позиция ОАЭ, вследствие этого, менялась в зависимости от того, какие трансформации протекали в позиции других арабских государств.

В 1981 г. была создана влиятельная региональная организация – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), членом которой стали и Эмираты. В их внешнеполитической концепции развитие сотрудничества внутри объединения получило приоритетное значение. ОАЭ поддержали мирные инициативы арабских стран, означавшие отказ от военного решения арабо-израильского противостояния и поиски политического решения, тем более что они были инициированы представителями правящей семьи Саудовской Аравии (в 1981 г. наследным принцем Фахдом бен Абдель Азизом Аль Саудом, а в 2002 г. – наследным принцем Абдаллой бен Абдель Азизом Аль Саудом) – партнёра ОАЭ по ССАГПЗ и их стратегического союзника.

Делегация ОАЭ не была представлена на Мадридской мирной конференции в октябре 1991 г., в которой приняли участие многие арабские страны и Израиль. В ходе Мадридского процесса некоторые государства Залива стали устанавливать контакты с Израилем, и Эмираты не были в их числе: в 1990-е гг. их

¹ Султан бин Мухаммад Алькасими. 2019. *Принимая бразды правления. Переломные годы 1971-1977 гг.* Шарджа: Издательство Алькасими. С. 53.

внешнеполитическая активность была направлена на решение проблем региона Персидского залива, обострившихся после Иракского кризиса, начавшегося в августе 1990 г. захватом Кувейта. При этом отношение Эмиратов к Израилю и арабо-израильскому конфликту полностью соответствовало прежней позиции. В 2008 г. в выступлении на Генеральной Ассамблее ООН министр иностранных дел ОАЭ Абдалла бен Зайед Аль Нахайян выразил озабоченность своей страны по поводу отказа Израиля вести переговоры с арабами и призвал мировое сообщество принять необходимые меры (United Arab Emirates... 2009: 40). В его выступлении содержался призыв к Совету Безопасности ООН и квартету международных посредников по урегулированию ближневосточного конфликта оказать давление на Тель-Авив с тем, чтобы добиться снятия блокады с палестинских территорий, выполнения международных резолюций, касающихся освобождения оккупированных палестинских и арабских земель, захваченных Израилем в 1967 г., включая священный город Иерусалим, Голанские высоты, а также ливанские территории. Представитель ОАЭ апеллировал не только к резолюциям Совета Безопасности ООН, но и к Арабской мирной инициативе, которая, по его мнению, предоставляла практическую возможность для разрешения арабо-израильского конфликта, так как давала возможность Израилю обеспечить свою безопасность, позволяя палестинцам добиться самоопределения и реализации своих законных прав на создание государства со столицей в Восточном Иерусалиме. Министр иностранных дел ОАЭ подчёркивал, что эти требования соответствуют дорожной карте мирного урегулирования (United Arab Emirates... 2009).

Политика Эмиратов по отношению к Израилю стала меняться только в период усилившейся турбулентности в регионе Ближнего Востока, когда региональные позиции ОАЭ укрепились в условиях нарастания внутривосточных кризисов в Сирии, Ливии, Йемене. В этот период конфликт между арабскими странами и Израилем стал отходить на задний план; постепенно в повестке дня саммитов ЛАГ проблема противостояния с Израилем перестала быть центральной.

Контакты с Израилем

ОАЭ и Израиль инициировали и расширяли неформальные связи начиная с 2000-х гг. Первые контакты были связаны с непрямой торговлей и деятельностью израильских фирм, зарегистрированных в третьих странах, и по этим причинам они не могут рассматриваться в качестве целенаправленных усилий обоих государств к налаживанию двусторонних отношений. Главным фактором, оказавшим влияние на их развитие, стала иранская ядерная программа, которая вызвала опасения и у Тель-Авива, и у Абу-Даби. Начиная с 2009 г. между представителями спецслужб Израиля и арабских монархий Залива, в том числе ОАЭ, был налажен обмен информацией, хотя это сотрудничество и было весьма

ограниченным. Тем не менее после начала переговоров Ирана с международными посредниками, вплоть до подписания Женевского соглашения о ядерной программе Ирана в 2015 г., контакты спецслужб продолжались (Ulrichsen 2016). Как отмечает израильский дипломат Цви Мазел, Эмираты выстраивали каналы связи с Израилем ввиду общих интересов в сфере безопасности, в частности угроз, исходящих от Ирана и деятельности «Братьев-мусульман»* (Ulrichsen 2016).

Для Эмиратов иранский фактор играл особую роль, так как вопрос занятых Ираном островов в Персидском заливе – Большой и Малый Тунбы, а также Абу-Муса – остаётся неразрешённым из-за отказа Ирана вести переговоры. ОАЭ разделяют опасения государств-членов ССАГПЗ в отношении возможного возобновления Ираном ядерной программы, а также усиления его военного потенциала, прежде всего, ракетного, его растущей активности в регионе Ближнего Востока и вмешательства во внутренние дела арабских стран.

Сдвиги в политике ОАЭ по отношению к Израилю были связаны также с новой расстановкой сил в регионе Ближнего Востока на фоне событий «арабской весны» и соответствующими изменениями в восприятии Израиля в общественном мнении ОАЭ. В январе 2011 г. в своём интервью немецкому изданию «Шпигель» генерал-лейтенант Дахи Халфана Тамима, один из руководителей полиции Дубая, отмечал: «Мы знаем, что многие израильтяне приезжают к нам не с израильскими паспортами, но мы относимся к ним так же, как ко всем другим. Мы защищаем их жизни так же, как защищаем жизни других, и мы не интересуемся их религиозной принадлежностью» (Ulrichsen 2016). Израиль постепенно переставал восприниматься в общественном сознании ОАЭ как противник.

В ноябре 2015 г. правительство ОАЭ предоставило разрешению Израилю открыть в Абу-Даби дипломатический офис, чтобы облегчить израильским дипломатам взаимодействие с Международным агентством по возобновляемым источникам энергии (*International Renewable Energy Agency*), членом которого Эмираты стали, в том числе благодаря поддержке со стороны Израиля. В начале ноября 2016 г. представитель Израиля при ООН Дани Данон посетил ОАЭ. Целью этой строго засекреченной поездки было участие в конференции, проводившейся под эгидой законодательного комитета ООН, председателем которой он в тот период являлся². В октябре 2018 г. министр культуры и спорта Израиля Мири Регев побывала в Абу-Даби в составе делегации, сопровождавшей сборную Израиля по дзюдо. В тот же период израильский министр по вопросам коммуникаций Аюб Кара присутствовал на конференции в Дубае. По неофициальным данным, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху совершил

² Israel International Relations: Israel-UAE Relations. *Jewish Virtual Library*. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/israel-uae-relations> (accessed 16.04.2021)

* Террористическая организация, запрещенная в России.

визит в ОАЭ и встретился с министром обороны и наследником престола Абу-Даби Мухаммедом бен Зайедом Аль Нахайяном. На встрече также присутствовал глава Моссад Йоси Коэн³. Таким образом, неофициальные визиты высших представителей израильского истеблишмента можно рассматривать в качестве подготовительного этапа для последовавшей нормализации отношений.

Помимо двусторонних контактов, встречи между официальными представителями ОАЭ и Израиля происходили и в трёхстороннем формате и были организованы администрацией президента США Дональда Трампа. 17 декабря 2019 г. такая встреча прошла в Белом доме в Вашингтоне. В ней участвовал советник Б. Нетаньяху по вопросам национальной безопасности Меир Бен-Шаббат и посол ОАЭ в США Юсеф Аль-Утейба⁴. Кроме того, представители ОАЭ и Израиля встречались на международных форумах, таких, как Конференция по Ближнему Востоку под эгидой США в Варшаве в феврале 2019 г.

Политика США в период нахождения у власти администрации Д. Трампа, несомненно, оказала влияние на сближение между ОАЭ и Израилем. США ужесточили свой курс в отношении Ирана, что встретило поддержку среди политиков обеих стран. Кроме того, планы американской администрации, направленные на урегулирование ближневосточного конфликта, требовали поддержки со стороны как Израиля, так и арабских государств. Установление мирных отношений между ними должно было создать более благоприятную региональную атмосферу, которая способствовала бы реализации задач американской политики.

Начало пандемии коронавируса сформировало условия для налаживания двусторонней кооперации в сфере здравоохранения. Министерства здравоохранения ОАЭ и Израиля проявили готовность к сотрудничеству в сфере научных исследований и подготовки проектов, направленных на борьбу с пандемией: 2 июля 2020 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между компаниями двух стран. Разнообразные контакты между Израилем и ОАЭ сформировали необходимые условия для перехода к принципиально новому этапу в их отношениях.

Нормализация отношений с Израилем

13 августа 2020 г. при участии США было оглашено заявление о нормализации отношений между ОАЭ и Израилем. В нём также отмечалось, что Израиль обязуется отложить реализацию планов по аннексии части Западного берега. Тем самым власти Эмиратов попытались возвысить свою роль в решении палестинской проблемы и урегулировании арабо-израильского конфликта. Посол ОАЭ в США Юсеф Аль-Утейба подчеркнул, что «израильское решение свиде-

---

³ Ibid.

⁴ Ibid.

тельствует о сохранении подходов по созданию двух государств, поддержанных ЛАГ и мировым сообществом. Оно придаёт новую динамику и создаёт новые возможности для мирного процесса»⁵.

Соглашение о нормализации отношений между Объединёнными Арабскими Эмиратами и Израилем официально получило название «Мирного соглашения Авраама» (договор о мире, дипломатических отношениях и полной их нормализации между Объединёнными Арабскими Эмиратами и Государством Израиль). Стороны подчёркивали важность поддержания и укрепления мира на Ближнем Востоке, основанного на взаимопонимании и сосуществовании, уважении человеческого достоинства и свобод, включая религиозную свободу; брали на себя обязательства приложить усилия для продвижения межрелигиозного и межкультурного диалога с тем, чтобы среди представителей трёх авраамических религий и всего человечества восторжествовала культура мира. Они также выражали уверенность в том, что для отражения вызовов и угроз необходимо укреплять сотрудничество и развивать дружеские связи между государствами; необходимо положить конец радикализации и конфликтам с тем, чтобы обеспечить лучшее будущее следующим поколениям⁶. Соглашение базировалось на следующих принципах: приверженность положениям Устава ООН и международному праву, признание и уважение суверенитета каждого государства, их права жить в мире и безопасности. Стороны призывали развивать дружеские отношения между народами, решать всё спорные проблемы исключительно мирным путем. ОАЭ и Израиль выразили взаимную приверженность поддержанию мира и стабильности на Ближнем Востоке. Они взяли на себя обязательства предотвращать любую террористическую или враждебную активность, направленную друг против друга или с использованием их территорий. Борьба с терроризмом и экстремизмом была объявлена необходимым условием для установления мира и развития партнёрских отношений. В соглашении были названы конкретные направления сотрудничества: визовые и консульские вопросы, инновации, торговля и экономические отношения, здравоохранение, наука, технологии и мирное освоение космоса, туризм, культура и спорт, энергетика, образование, телекоммуникации и почта, сельское хозяйство и продовольственная безопасность, водная проблема, вопросы законодательства⁷.

Мирный договор между ОАЭ и Израилем имеет огромное значение и для других стран, прежде всего, соседних с ОАЭ арабских монархий. Хотя пока лишь Бахрейн подписал мирный договор с Израилем, нормализация отноше-

⁵ Ibid.

⁶ The Abraham Accord Declaration. *US State Department*. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/09/UAE_Israel-treaty-signed-FINAL-15-Sept-2020-508.pdf (accessed 16.04.2021).

⁷ Abraham Accords Peace Agreement: Treaty of Peace, Diplomatic Relations and Full Normalization between The United Arab Emirates and the State of Israel. *US State Department*. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/09/UAE_Israel-treaty-signed-FINAL-15-Sept-2020-508.pdf (accessed 16.04.2021).

ний с ним представляет интерес и для других региональных государств. Так, например, огромное значение может иметь строительство магистральных трубопроводов, по которым нефть или газ транспортировались бы из Персидского залива к портам в Израиле, а оттуда – в Европу.

Мирное соглашение Авраама было подписано 15 сентября 2020 г. в Белом доме премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху, с одной стороны, и Мухаммедом бен Зайедом Аль Нахаяном – министром обороны Эмиратов и наследником престола Абу-Даби, который фактически управляет страной, с другой. Соглашение было одобрено израильским правительством 12 октября и ратифицировано Кнессетом 15 октября. Правительство ОАЭ и Федеральный национальный совет ратифицировали его 19 октября 2020 г.

Роль США в подписании этого соглашения невозможно переоценить: именно благодаря посредническим усилиям американских политиков, их постоянным контактам с лидерами Израиля и ОАЭ удалось завершить длительные переговоры.

Нормализация отношений между ОАЭ и Израилем произошла в период, когда на фоне внутреннего развития наблюдалось и усиление позиций Эмиратов в международных отношениях. Представитель американского Центра стратегических и международных исследований Джон Альтерман оценил действия ОАЭ как декларацию независимости от арабского мира, и выразил уверенность в том, что страна обладает достаточной силой и верой в собственные возможности, чтобы проводить самостоятельную политику в отношении любого государства⁸. Не отказываясь от арабской идентичности, власти всё активнее укрепляют национальную самобытность, которая должна сплотить общество и придать новый импульс для его поступательного развития.

Власти ОАЭ пошли на заключение соглашения о развитии отношений с Израилем не только ради укрепления своего международного положения и достижения экономических выгод, но и с целью упрочить отношения с США, выступивших в качестве посредника в его реализации. Действуя в рамках намеченных США планов по урегулированию арабо-израильского конфликта, они надеются получить доступ к современному вооружению, которое Штаты ранее отказывались продавать. Речь идёт, прежде всего, о современных дронах и истребителях F-35, а также некоторых видах технического оборудования, используемого для обеспечения кибербезопасности⁹.

16 августа 2020 г., сразу же после подписания соглашения о нормализации, министр иностранных дел Израиля Исраэль Кац выступил с официальным заявлением о развитии военного сотрудничества между двумя странами в свете

⁸ Alterman J.B. 2020. The Significance of the Israel-UAE Deal. *Center for Strategic and International Studies*. September 15. URL: <https://www.csis.org/analysis/significance-israel-uae-deal> (accessed 16.04.2021)

⁹ Guzansky Y., Heistein A. 2020. The Benefits and Challenges of UAE-Israel Normalization. *Middle East Institute*. September 16. URL: <https://www.mei.edu/publications/benefits-and-challenges-uae-israel-normalization> (accessed 16.04.2021)

возрастающей угрозы со стороны Ирана. В тот же день была установлена прямая телефонная связь между ОАЭ и Израилем. 12 октября 2020 г. состоялся телефонный разговор между наследным принцем Абу-Даби, министром обороны ОАЭ Мухаммедом бен Заидом Аль Нахайяном и премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху. Постоянный контакт между представителями правительств двух стран был направлен на ускорение процесса налаживания сотрудничества в различных областях. В ходе разговора Мухаммед бен Заид подчеркнул, что ОАЭ готовы приложить максимум усилий для достижения мира, стабильности и ускоренного развития, в которых заинтересованы все государства Ближнего Востока без исключения¹⁰.

Процесс налаживания отношений между странами проходил стремительно. Первый коммерческий полёт между этими странами был осуществлен 31 августа, а первое морское судно с товарами из ОАЭ вошло в израильский порт Хайфа уже 12 октября 2020 г.

20 октября 2020 г. состоялся визит официальной делегации ОАЭ в Израиль, в ходе которого был подписан ряд документов, среди которых наибольшее значение имело соглашение о взаимной отмене въездных виз. Государственный министр по финансовым вопросам правительства ОАЭ таким образом прокомментировал это соглашение: «Мы обязаны обеспечить свободу передвижения людей и капиталов. Мы – передовые страны в плане развития экономики, поэтому соглашения с Израилем будут для нас полезны со многих точек зрения»¹¹. В составе делегации ОАЭ, прибывшей в Израиль был Хамид ат-Таир – министр финансов, Абид бен Таук – министр экономики, а также Омар Гобаш – заместитель министра иностранных дел и международного сотрудничества по вопросам культуры. Такой состав свидетельствовал о том, что переговоры между представителями ОАЭ и Израиля должны были затронуть, прежде всего, вопросы экономического сотрудничества.

ОАЭ и Израиль проявляют заинтересованность в расширении сотрудничества в различных сферах. Одна из них – сельское хозяйство. Израиль обладает технологиями, которые могут быть использованы в Эмиратах для повышения производительности аграрного сектора. В конце октября 2020 г. прибывшая в Дубай израильская делегация бизнесменов встретилась с министром продовольственной безопасности Мариам бинт Мохаммед Саид Хареб Аль-Мухайри. Израильцы предложили внедрить в ОАЭ свои технологии, в частности, специальное сенсорное устройство, которое оповещает о появлении насекомых, способных нанести вред пальмовым плантациям с тем, чтобы мгновенно устранить

¹⁰ Мухаммед бен Заид яхас хатифийен маа Натаньяху муахадат ас-салям аль – имаратийя аль-исраэлийя (Мухаммед бен Заид обсуждает с Натаньяху по телефону Эмиратско-израильский мирный договор). *Аш-Шарк Аль-Аусат*. 12.10.2020. URL: <https://aawsat.com/home/article/2560716> (accessed 16.04.2021).

¹¹ Израиль ва Аль-имарат татафакан аля иафа муватънихима мин таашират ас-сафар (Израиль и Эмираты согласились освободить своих граждан от въездных виз). *Адъ-Арабийя*. URL: <https://www.alarabiya.net/ar/aswaq/economy/2020/10/20/> (accessed 16.04.2021).

эту угрозу. Министр ОАЭ выразила большую заинтересованность в развитии сотрудничества с израильскими предпринимателями¹².

На сегодняшний день в Объединённых Арабских Эмиратах создан благоприятный климат для деятельности иностранных предприятий, а их сотрудники не испытывают какого-либо недоброжелательного отношения к себе. Многонациональный состав населения этой страны и толерантное отношение к представителям иных культур могут создать необходимые условия для реализации планов по расширению сотрудничества с Израилем.

Ещё одной сферой сотрудничества между двумя странами должна стать энергетика. Министры энергетики ОАЭ, Израиля и США опубликовали заявление, в котором они поддержали шаги, направленные на более широкую координацию в энергетическом секторе, включая развитие возобновляемой энергии, энергетической эффективности, ресурсов нефти и природного газа, а также сопутствующих технологий и технологий опреснения воды. В совместном заявлении трёх стран подчеркивалось, что сотрудничество в энергетической сфере может стать шагом к созданию более «стабильного, интегрированного и процветающего Ближнего Востока». В нём отмечалось, что стороны будут стремиться найти решение энергетическим вызовам, которые стоят перед палестинцами, путём развития энергетических ресурсов, технологий и строительства необходимых инфраструктурных объектов¹³. Таким образом, этому соглашению придаётся и политический смысл: сотрудничество между странами преподносится как забота об интересах палестинцев и всего Ближнего Востока. Кроме того, Эмираты проявили заинтересованность в сотрудничестве с Израилем, направленном на защиту от кибератак, а также в области развития туризма.

Все указанные сферы являются приоритетными для ОАЭ: им, в частности, отведётся особое место в стратегических планах, таких как «Видение ОАЭ 2021» или в перспективах развития до столетнего юбилея ОАЭ в 2071 г. Страна ставит перед собой задачу повысить конкурентоспособность и привлекательность для иностранных инвестиций, диверсифицировать источники национальных доходов, обеспечить переход к новому этапу развития и процветания¹⁴, увеличить капиталовложения для развития торговли, финансовых и банковских услуг, туризма, гражданской авиации, альтернативных источников энергии, космических исследований, добиться повышения уровня образования до высших мировых стандартов, обеспечить экономический рост путём использования новых технологий и инвестирования в научные исследования, повысить сплоченность общества, которое должно уважать другие культуры и религии. Сотрудничество с Израилем может дать положительный эффект для решения всех поставленных задач.

¹² Caspit B. Israel-Emirates peace: An inside look. *Al-Monitor*. October 27, 2020. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2020/10/israel-uae-dubai-benjamin-netanyahu-erel-margalit-tourism.html> (accessed 16.04.2021).

¹³ UAE, US, Israel to Develop Joint Energy Strategy. *Kuwait Times*. October 2, 2020. URL: <https://www.kuwaitnews.net/news/266570787/uae-us-israel-to-develop-joint-energy-strategy> (accessed 16.04.2021).

¹⁴ Нидаль Абу Заки. 2017. *Халидж аль мустакбаль*. (Залив будущего). Ад-дар аль-арабийя ли аль-улум. Бейрут. С. 100.

Об авторе:

Елена Суменовна Мелкумян – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12. E-mail: g.kosah@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: December 25, 2020
Accepted: April 9, 2021

Israel in Foreign Policy of the United Arab Emirates: from Confrontation to Normalization

E.S. Melkumyan
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-2-77-107-118](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-107-118)

Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

Abstract: The article analyzes the transformation of the UAE policy towards Israel. Special attention is paid to the development of the country's foreign policy priorities amid consolidation of the federal state. Strengthening relations with the Arab states during the first decades of the UAE history, participation in the Arab League, which consolidated the states of the Arab world, support of its opposition to Israel were the factors determining the anti-Israeli policy of the Emirates. The official position of the UAE was formulated under the influence of pan-Arab rhetoric and in no way differed from the position reflected in the documents of the Arab League summits. The peace process around the Arab-Israeli conflict launched since the 1991 in the framework of the Madrid Peace Conference did not result in the establishment of contacts between the UAE and Israel. The adjustment of Emirates' foreign policy began after the aggravation in the Middle East, when countries such as Syria, Yemen and Libya were engulfed in conflicts. During this period, the Arab-Israeli conflict gradually lost its central role for the Arab world; the states of the Persian Gulf began to establish contacts with Israel, united by common fears about the strengthening Iran. The article discussed the path of stabilization between the United Arab Emirates and Israel including the role of their informal ties. The normalization between the UAE and Israel, outlined in August 2020 with the active participation of the United States, gave impetus to the establishment of relations between the two countries in various areas of mutual interest. The article traces the connection between the specific areas of cooperation with Israel and those which were set by Abu Dhabi as the key priorities of its national strategic development.

Keywords: The United Arab Emirates (the UAE), Israel, the League of Arab States, Arab-Israeli conflict, the Abraham Accord

About the author:

Elena S. Melkumyan – Doctor of Political Science, Professor, Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. 12 Rozhdestvenka, Moscow, Russia, 107031. E-mail: g.kosah@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Ripsman N.M. 2009. *Neoclassical Realism and Domestic Interest Groups. Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy*. Ed. by Steven E. Lobell, Norrin M. Ripsman, Jeffrey W. Taliaferro. Cambridge University Press. 170 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511811869.006>

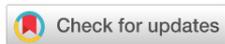
Rose G. 1998. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy. *World Politics*. №1. P. 144-172.

Taliaferro J.W. 2009. State Building for Future Wars: Neoclassical Realism and Resource Extractive State. *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy*. New York: Cambridge University Press. 201 p.

Ulrichsen K.C. 2016. *Israel and the Arab Gulf States: Drives and Directions of Change*. Baker Institute for Public Policy. Center for the Middle East. September. URL: <https://scholarship.rice.edu/handle/1911/92693>

United Arab Emirates 2000-2001. 2001. Trident Press Ltd.

United Arab Emirates 2009. 2009. Trident Press; First Thus edition. 334 p.

Евразийская интеграция сквозь призму истории евро

И.Н. Платонова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу: О.В. Буторина. 2020. «Экономическая история евро». Москва: Издательство «Весь мир»: ИЕ РАН. 576 с.

Ключевые слова: евро, европейская валютная интеграция, евразийская интеграция, теория оптимальной валютной зоны, Евросоюз, Европейский центральный банк, фискальный союз

Знаменательным научным событием последних лет является публикация научной монографии «Экономическая история евро» как результат глубокого исследования проблем европейской валютной интеграции доктора экономических наук Ольги Витальевны Буториной, профессора, члена-корреспондента Российской академии наук.

Значение представленного исследования существенно возрастает с позиций оценки европейского опыта и поиска механизма для взаимных расчётов в рамках евразийской интеграции стран ЕАЭС, учитывая, что в монографии содержится детальный анализ развития валютной интеграции в Европе и введения единой европейской валюты – евро.

Появление единой коллективной валюты Евросоюза двадцать лет назад стало возможно в результате углубления интеграционного процесса европейских стран, поэтому особого внимания заслуживает широкоформатный взгляд автора на исторический процесс развития европейской интеграции от Европейского объединения угля и стали до Экономического и валютного союза.

Монография включает 12 глав. Читатель знакомится не только с историей появления единой европейской валюты, но и с широким кругом событий в мировой экономике на фоне которых развивается валютная интеграция европейских стран, что существенно расширяет круг читателей, за счёт тех, кто интере-

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 02.03.2021 г.

Принята к публикации: 09.04.2021 г.

суется проблемами международных валютно-кредитных отношений, эволюция которых в определённой степени получила отражение в данном исследовании.

Среди методов, используемых в монографии, особого внимания заслуживают методы теоретического и системно-структурного анализа, логико-исторический подход, методы группировок, экспертной оценки, детализации, которые позволили не только познакомиться с экономической историей евро, но и погрузиться в проблемы, которые решали европейские страны в процессе валютной интеграции в контексте трансформации глобальной экономики.

Становление экономической интеграции в Европе проходило в период восстановления мировой экономики после Второй мировой войны, поэтому выбранный и использованный автором метод исследования экономической истории евро позволяет глубже понять условия и предпосылки появления единой европейской валюты на фоне изменений в мировой валютной системе.

Вопреки широко сложившейся и присутствующей в научных публикациях периодизации процесса валютной интеграции в Европе с начала 1970-х гг., когда Совет министров ЕС одобрил «план Вернера», содержащий проект создания экономического и валютного союза, автор анализирует экономические процессы, сформировавшие мотивы углубления валютного сотрудничества европейских стран. Раскрытое в первой главе «Поражение в Бреттон-Вудсе (1939-1944)» содержание хорошо подготовленного переговорного процесса закрепления позиций американской валюты по итогам Бреттон-Вудской конференции объясняет, почему европейские страны должны были смириться с доминированием доллара и второстепенностью своих валют. На тщательно проанализированных исторических фактах показывается вся сложность теоретической дискуссии о переустройстве мировой валютной системы и о роли золота в системе международных расчётов в течение последующих почти тридцати лет. Впечатляющий анализ относительно малоизвестных технических деталей, начиная с организации переговорного процесса, характеристики состава делегаций стран, участвующих в переговорах, вплоть до организации работы переводчиков, позволил оценить не только всю сложность хода переговорного процесса, результатом которого стало укрепление позиций доллара, но и понять создание механизма поддержания курсовой стабильности, меры по содействию международным расчётам и, в конечном итоге, формирование Международного валютного фонда.

Структура монографии отличается чёткой логикой, позволяющей раскрыть этапы валютной интеграции европейских стран: формирование Европейского платежного союза, план «Вернера», «валютная змея», европейская валютная система, Общий рынок, до Экономического и валютного союза.

Большого внимания заслуживает исторический экскурс автора к периоду поиска основ механизма Европейского платёжного союза. В настоящее время его оценка с позиций будущего устройства валютной интеграции странами ЕАЭС представляет несомненный интерес, особенно в условиях ограничений

со стороны США и стремления стран найти приемлемую систему взаимных расчётов. И хотя в XXI в. странам Евразийского союза предстоит решить множество различных задач, элементы европейского опыта в сфере валютной интеграции могут быть привлекательны. Интересна оценка роли внешней конвертируемости валют западноевропейских стран, которая позволила им сделать шаг в сторону либерализации своих товарных и финансовых рынков и открыть их для американских ТНК, которые могли без особого риска вкладывать средства в европейскую экономику. В целом при оценке значения ЕПС нельзя не согласиться с автором, на фоне укрепления мировых позиций доллара в этот период европейские страны-участницы ЕПС лишь «частично восстановили функции национальных валют в сфере внешнеэкономических связей», но при этом получили ценный опыт совместных действий и нахождения взаимовыгодных решений (с. 101 – 104).

В третьей главе читатель знакомится с широкой палитрой политических и социальных событий (корейский и суэцкий кризисы, кризис платежного баланса Италии 1963 – 1964 гг.), на фоне которых проходило создание Европейского экономического сообщества. Автором раскрывается поиск взаимоприемлемого решения проблем, возникающих в процессе углубления валютного сотрудничества в ЕЭС. Читая эту главу, понимаешь насколько важно найти правильное решение в валютной сфере странам, которые стремятся к экономической интеграции. На необходимость такого взвешенного подхода обращает внимание автор, когда пишет, что «при заключении Римского договора правительства не проявили сколько-нибудь осознанной заинтересованности в развитии валютного сотрудничества. ...Потребность возникла только тогда, когда выяснилось, что несогласованные девальвации на одном конце отзываются всплеском протекционистских настроений на другом» (с. 147). Точка зрения, существовавшая в 1960-е гг., о самопроизвольности валютной интеграции в результате перелива интеграционных процессов из одних сфер в другие, например, в результате интеграции аграрных и товарных рынков, существует и в настоящее время в научном дискурсе о механизме региональной валютной интеграции.

Не менее важной проблемой, к которой обращается автор данного исследования, является необходимость налаживания рычагов управления региональным валютным рынком в условиях наращивания долларов в официальных резервах европейских стран, в то время как у США наблюдается дефицит торгового баланса, девальвация доллара и роста риска краха всей мировой валютной системы. Аналогичная проблема наблюдается и в рамках региональной валютной интеграции, и в современной мировой валютной системе, что делает ещё более ценным исследование экономической истории евро, которое так успешно представлено в монографии О.В. Буториной.

Урок, который преподносит европейское валютное сотрудничество, заключается в том, что оно не является второстепенным дополнением к таможенному союзу, а должно содействовать развитию национальных экономик, поэто-

му особое значение приобретает правильный выбор режима валютного курса, использование валютного контроля. В главе, посвящённой созданию валютной зоны (1972 – 1984 гг.), проанализирована роль политики совместного регулирования валютного курса с помощью различных обменных механизмов, например, таких как «валютная змея в туннеле», создание новой расчётной единицы (*European Unit of Account*). Использование такого нового инструмента для взаимных расчётов создало условия для достижения стабильности в валютном сотрудничестве.

Интересным является проведение параллели в развитии европейской валютной интеграции и валютной интеграции стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), учреждённого в январе 1949 г., в который наряду с СССР входили социалистические страны Центральной и Восточной Европы. Использование странами СЭВ специальной расчётной единицы, основанной на двустороннем клиринге, получившей название «переводной рубль», вплоть до 1990 г. обеспечивало торговые и инвестиционные операции стран-членов СЭВ независимо от Бреттон-Вудской системы, крах которой, как и девальвация доллара, отмена золотых паритетов не повлияли на стабильность сотрудничества стран-членов СЭВ. Автор приводит интересные факты из практики валютных расчётов в торговом сотрудничестве стран ЕЭС со странами СЭВ, которое позволило многим государствам ЕЭС развивать международные функции своих валют (с. 208) за счёт их использования в торговом сотрудничестве с социалистическими странами.

Рассматривая через призму евразийской интеграции использование постепенно усложняющегося механизма валютного сотрудничества, который так подробно проанализирован в процессе формирования европейской валютной системы, можно предположить, что поэтапное следование европейскому опыту позволит странам ЕАЭС перейти к валютной интеграции. Однако это было бы упрощением при решении такой сложной проблемы, как создание единой валюты. Именно это доказывается таким тщательным, подробным анализом валютной интеграции стран Евросоюза. Можно согласиться с мнением автора, что в российских академических кругах присутствует оценка с институциональных позиций значения введения ЭКЮ (*European currency unit – ECU*), центральный курс которой по отношению к национальным валютам фиксировался на основе взаимного соглашения всех стран-членов, которые, в свою очередь, договаривались на двусторонней основе о курсе к иным валютам стран-партнёров. Очевидно, что создание такого механизма для стабилизации взаимных расчётов основывается не только на национальной инициативе, но и предполагает создание специальной институциональной структуры для эмиссии расчётной единицы и валютных интервенции для поддержания заданного курса. Этому аспекту валютной интеграции также уделено большое внимание. Создание Европейского фонда валютного сотрудничества (ЕФВС), а затем Европейского валютного института сыграло важную позитивную роль в углублении ва-

лютой интеграции и предшествовало созданию Европейского центрального банка, который выполнял функции связанные с проведением единой денежно-кредитной и валютной политики в рамках сформировавшейся еврозоны в тесном сотрудничестве с национальными центральными банками, вошедшими вместе ЕЦБ в европейскую систему центральных банков (ЕСЦБ). Автору данного исследования удалось ёмко сформулировать те острые проблемы, которые страны решали в процессе перехода к единой валюте. Это касается разработки стратегии денежно-кредитной политики, основанной на общих интересах зоны евро. Обращаясь к высказываниям крупных лидеров европейской интеграции, в частности, цитируя первого президента ЕЦБ Вима Дуйзенберга (с. 355-357), автор передаёт те настроения, стремления и надежды, которые возлагались на структуры, содействующие валютной интеграции, но при этом отмечает, что не всегда принимаемые крайне важные решения, в равной степени отвечали интересам всех стран-членов валютной интеграции. Это касается разделения полномочий регулирования денежно-кредитной политики на наднациональном и национальном уровнях. Использование гармонизированного индекса потребительских цен отвечало в разной степени интересам стран зоны евро и не позволяло учитывать разницу в темпах инфляции и её влияние на стабильность экономики отдельных стран.

Очень интересным является представленный в монографии экскурс в историю отношений Западной и Восточной Германии. Оценка этого процесса дана во многих исследованиях как политологов, так и экономистов. Тем не менее при рассмотрении этого исторически важного процесса через призму валютной интеграции стран ЕС показывается, что процесс объединения двух Германий оказал дуалистичное влияние на введение единой европейской валюты. Положительный эффект от расширения масштаба объединённого рынка в условиях внешних шоков и доминирования доллара не мог быть полностью использован и тормозил процесс конвергенции в рамках ЭВС. Важную оценку процесса объединения Германии, как отмечает автор, дала Европейская комиссия, которая отметила, что после сдерживания влияния мирового экономического кризиса на ЕС, усилилось его воздействие за счёт спада в немецкой экономике и последующей цепной реакции в странах-партнерах (с. 338).

К числу значимых не только теоретических, но и практических вопросов валютной интеграции на пространстве СНГ относится возможность создания оптимальной валютной зоны, без которой отдельные авторы считают невозможным введение единой валюты или наоборот, утверждают, что региональная экономическая интеграция не нуждается в создании оптимальной валютной зоны (Красавина 2015). Поэтому так важен подробный анализ теории Оптимальной валютной зоны, представленный в данной монографии от её истоков в 1960-е гг. в работах Роберта Манделла, Рональда Маккиннона, Питера Кенена до наших дней (с. 330). Её эволюция в работах исследователей в 1970-е гг. и в конце 1990-х гг. показывает не только изменения в её сущностных характеристиках са-

мой теории, но и изменение отношения к возможности создания валютного союза у монетарных властей. Появившееся в конце 1990-х гг. теоретическое обоснование положительного воздействия валютного союза на экономику стран в результате устранения курсовых колебаний, минимизации транзакционных издержек, сыграло важную роль в идеологическом обосновании необходимости создания европейского Экономического и валютного союза. Поэтому можно согласиться с мнением автора монографии, что теория оптимальных валютных зон имеет плюсы и логические недостатки, среди которых в первую очередь можно выделить абстрактный подход к оценке участвующих в валютной интеграции стран, не имеющих якобы существенных различий, что противоречит действительности (с. 335).

Валютные кризисы начала 2000-х гг. и мировой финансовый кризис 2007 – 2008 г. поставили под сомнение возможность единого валютного рынка снизить негативное кризисное воздействие на экономику объединившихся стран. Более отчётливо проявилась невозможность противостоять кризисному влиянию у небольших стран Центральной и Восточной Европы, поэтому их переход на единую валюту в 2004 г. был сопряжён с гарантией поддержки их экономики со стороны ЕС. После экономического кризиса 2008 г. и долгового кризиса в Европе в 2010 г. не у всех стран сохранилось стремление быстрее перейти на евро. Среди стран ЦВЕ, которые выполнили все критерии конвергенции и могли стать членами зоны евро уже в 2014 г., имеются страны, которые предпочли сохранить свою валюту, отложив переход на евро, как, например Чехия, Польша, объясняя это необходимостью использовать регулирование своей валюты в интересах достижения стабильного развития национальной экономики и повышения уровня жизни населения.

Принимая во внимание современные позиции евро как второй мировой валюты, тем более интересно знакомиться с главами, в которых отражены те проблемы и трудности, с которыми столкнулись европейские страны в начальный период её использования как в безналичной, так и в наличной форме. Если в целом можно считать, что конечный переход на наличные евро с 1 марта 2002 г. был достаточно успешным, то в промежуток с 1 января 1999 г., когда одиннадцать европейских стран приступили к использованию новой валюты в безналичной форме, действия стран отчётливо отразили всю сложность сопряжения национальных интересов интегрирующихся стран с наднациональными интересами. Автор красочно описывает ту трогательную и деловую атмосферу на 1 января 2002 г. когда двенадцать стран Европы ввели в обращение евро в наличной форме, ознаменовавшее новую эру для Европы. Успешный переход к наличному евро во многом был обеспечен той большой организационной работой, которая велась во всех странах евро зоны, тем не менее не обошлось без завышения цен в сфере услуг (оплата такси, гостиничных услуг, проката видеодисков и т.п.), хотя это и не признавалось ЕЦБ, как причина повышения цен.

Движение стран ЕС к введению единой валюты предполагало решение целого ряда организационных вопросов, которые успешно решались, включая создание Европейской системы центральных банков (ЕСЦБ), расширение числа членов ЕС и порядок их присоединения к еврозоне, анализу которых автор уделил большое внимание, приводя богатый фактический материал, раскрывающий процедуры создания ЕЦБ, механизм налаживания его денежно-кредитной политики.

При этом убедительно доказывается, что для валютной интеграции должны сформироваться внешние и внутренние условия, как это показывает экономическая история введения евро. В условиях быстрого роста мирового финансового рынка в 1980 – 1990-е гг. необходимость сохранения стабильности на европейском валютном рынке и снижения конверсионных издержек объективно стала основанием для противодействия всё возрастающей конкуренции со стороны США и Японии путём развития европейской валютной интеграции. Переход к единой валюте должен был способствовать осуществлению Лиссабонской стратегии, предусматривающей решение проблем социальной, экономической, инновационной и экологической составляющих комплексной программы развития Европейского союза.

Вопросы углубления валютной интеграции во многом влияют на успешное развитие интеграционного процесса в Евросоюзе. Однако переход к использованию единой валюты не означает, что все страны в равной степени будут отвечать критериям конвергенции, у всех стран в одинаковой степени будет развит финансовый рынок, что в полной мере произойдёт синхронизация бизнес-циклов. Поэтому большой интерес представляют главы, в которых автор раскрывает поиск странами ЕС формулы роста и устойчивого развития экономики, механизма достижения ценовой стабильности, интеграции финансовых рынков превращения евро в одну из мировых резервных валют.

В то же время с позиций евразийской интеграции опыт валютной интеграции стран ЕС показывает, что согласованная экономическая политика выходит на первый план, особенно в условиях нарушения стабильного развития мировой экономики, учитывая, что членство в еврозоне должно быть равно выгодным для всех стран (Бабынина 2019).

Поэтому вопрос реформирования механизма экономической политики ЕС в период долгового кризиса вышел на первый план (Серегина, Ларионова 2012) осуществления поэтапного комплекса мер не только по рефинансированию накопившейся у стран задолженности, но и разработки и принятия мер по соответствию национальных экономических программ маастрихтским критериям и пакту стабильности (Хесин 2020). Обращается внимание на тот факт, что Еврокомиссия отметила необходимость усовершенствовать систему рейтинга, чтобы достичь независимой оценки рейтинга суверенных заёмщиков при полном понимании методики его присвоения.

Среди проблем и трудностей, которые пришлось преодолеть ЕС в процессе углубления интеграции, особое место занимает проблема выхода Великобрита-

нии из ЕС. В отечественной научной литературе исследованию этой проблемы посвящено достаточно много работ (Андреева 2016; Бабынина 2019; Байков, Дымова 2017). Поэтому тем больший интерес представляют оценки автором противоположных позиций относительно процесса расширения зоны евро за счёт Великобритании, Швеции, Дании и стран Центральной и Восточной Европы (Буторина 2020). Сохранение своих валют позволило странам Северной Европы рассматривать их как инструмент преодоления мирового финансового кризиса. В то же время для стран ЦВЕ стратегия Евросоюза «Европа 2020» должна была обеспечить устойчивость и стабильность европейской экономики вперед на десятилетие и давала надежду, в том числе и «новым европейцам» на поддержку их экономики. Именно в период долгового кризиса и зародилась дискуссия о возможности распада зоны евро. Такая возможность допускалась в случае невыполнения критериев конвергенции и нарушения основополагающих ценностей ЕС. Представленный в монографии вероятный процесс выхода или исключения из Евросоюза, даёт полное представление с какими трудностями может столкнуться страна, совершающая подобный демарш и трудно представить, чтобы какая-либо страна, столкнувшись с макроэкономическими последствиями, пошла бы на такой шаг, особенно, если она является членом зоны евро.

С позиций поиска и разработки мер для углубления интеграционного процесса странами ЕАЭС в валютной и финансовой сферах несомненный интерес представляет двенадцатая глава «Долгое возрождение (2012 – 2020)». Рассматривая процесс достраивания экономической опоры ЭВС, автор показывает многоплановость мер, которые должны укрепить процесс экономической и валютной интеграции. При этом в новой программе совершенствования ЭВС до 2025 г. особое место выделяется единой валюте – евро, вопросам создания Европейского валютного фонда, бюджета еврозоны, мерам по совершенствованию фискального союза, экономического союза и, представляющего особый интерес с позиций евразийской интеграции, финансового союза.

Мировой коронакризис ускорил необходимость изучения перспектив углубления валютно-финансового сотрудничества в рамках отдельного региона или отдельной группы стран, в частности стран ЕАЭС, поэтому экономическая история евро приобретает особую актуальность. А исторический экскурс в процессы валютной интеграции стран Евросоюза, позволяет не только более чётко увидеть подводные камни, лежащие на пути региональной разноскоростной и разноуровневой интеграции, но и понять, какие меры в сфере валютно-финансовых отношений могут быть предприняты в тесной увязке с теми изменениями, которые происходят в мировой экономике.

К уже названным несомненным достоинствам монографии необходимо добавить, что «Экономическая история евро» является первым аналитическим исследованием сложного многоаспектного процесса в развитии европейской валютной интеграции, которая оказывает существенное влияние на региональные интеграционные процессы и вызывает дискуссии среди российских и зару-

бежных экономистов и политических деятелей. Среди особых достоинств данного исследования следует выделить манеру изложения теоретически сложных валютно-финансовых проблем в доступной и понятной форме с использованием интересного критически осмысленного фактического материала, большого числа официальных документов, первоисточников на иностранных языках, характеризующих не только валютную интеграцию Евросоюза, но и эволюцию международных валютных отношений. Данное исследование представляет большой интерес как для научных работников, аспирантов, так и для студентов, изучающих международные экономические и валютные отношения. Выход в свет монографии «Экономическая история евро» вносит весомый вклад и в приращение научного знания, и в практическую дискуссию, поскольку даёт важный импульс анализу и решению проблем евразийской интеграции, активным участником которой является Россия.

Об авторе:

Ирина Николаевна Платонова – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой международных экономических отношений и внешнеэкономических связей, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76. E-mail: platonova@mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

UDC: 339.9
Received: March 02, 2021
Accepted for publication: April 09, 2021

Eurasian Integration in light of the Euro's History

I.N. Platonova
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-2-77-119-129](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-119-129)

Moscow State Institute of International Relation (university)

Book review: Review of the book by Butorina O.V. 2020. *History of the Euro*. Moscow: Izdatel'stvo "Ves Mir". 576 p.

Keywords: euro, European monetary integration, Eurasian integration, optimal currency area theory, European Union, European Central Bank, fiscal union

About the author:

Irina N. Platonova – Doctor of economic Sciences, Professor, Head of the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs. Moscow State Institute of international Relation (University). Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. 119454, Moscow, 76, Vernadsky Prospect. E-mail: platonova@mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Andreeva T.N. 2016. Velikobritanija [Great Britain]. *The European Union at the Crossroads: Unresolved Problems and New Challenges (political aspects)*. Arbatova N. K., Kokeev A.M. (eds.). IMEMO RAS. P. 115-136. (In Russian)

Babynina L.O. 2019. Brekzit: soglasenie o vyhode podpisano, problemy ostayutsya [Brexit: the Agreement is Signed, Problems Remain]. *European Union: Facts and Comments*. №94. P. 87-93. DOI: 10.15211/eufacts420188792. (In Russian)

Baykov A.A., Dymova L.A. 2017. Vyhod Velikobritanii iz ES i ustojchivost' evropejskoj regional'noj struktury [Great Britain's Exit from the EU and the Stability of the European Regional Structure]. *Modern Europe*. №3. P. 37-46. (In Russian)

Butorina O.V. 2020. Suzhenie Evropejskogo soyuza i potencial integracii. [Narrowing of the European Union and the potential for integration]. *Modern Europe*. №2. P. 20-32. DOI: 10.15211/soveurope220202032. (In Russian)

Krasavina L.N. 2015. Konceptiya regional'nogo ekonomicheskogo i valyutnogo soyuza: otlichie ot teorii optimal'nyh valyutnyh zon [The Concept of Regional Economic and Monetary Union: the Difference from the Theory of Optimal Currency Zones]. *Money and Credit*. №7. P. 33-40. (In Russian)

Seregina S., Larionova M. 2012. Evropejskij dolgovoj krizis i novye napravleniya reformirovaniya mekhanizmov ekonomicheskoy politiki ES [The European Debt Crisis and New Directions of Reforming the Mechanisms of the EU Economic Policy]. *Russian Foreign Economic Journal*. №6. P. 68-94. (In Russian)

Khesin E.S. 2020. Ekonomika Evropejskogo soyuza: itogi postkrizisnogo desyatiletija [The Economy of the European Union: the Results of the Post-Crisis Decade]. *World Economy and International Relations*. №1. P. 73-81. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-73-81 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Андреева Т.Н. 2016. Великобритания. Европейский союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты). Арбатова Н.К., Кокеев А.М. (ред.). ИМЭМО РАН. С. 115–136.

Бабынина Л.О. 2019. Брекзит: соглашение о выходе подписано, проблемы остаются. *Европейский союз: факты и комментарии*. №94. С. 87–93. DOI: 10.15211/eufacts420188792

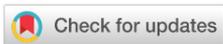
Байков А.А., Дымова Л.А. 2017. Выход Великобритании из ЕС и устойчивость европейской региональной структуры. *Современная Европа*. №3. С. 37–46.

Буторина О.В. 2020. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции. *Современная Европа*. №2. С. 20-32. DOI: 10.15211/soveurope220202032

Красавина Л.Н. 2015. Концепция регионального экономического и валютного союза: отличие от теории оптимальных валютных зон. *Деньги и кредит*. №7. С. 33-40.

Серегина С., Ларионова М. 2012. Европейский долговой кризис и новые направления реформирования механизмов экономической политики ЕС. *Российский внешнеэкономический журнал*. №6. С. 68-94.

Хесин Е.С. 2020. Экономика Европейского союза: итоги посткризисного десятилетия. *Мировая экономика и международные отношения*. №1. С. 73–81. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-73-81

Научная дипломатия в период «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

К.О. Колпаков

Россотрудничество

Рецензия на книгу: Wolfe A. 2018. *Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 312 p. ISBN: 9781421426730

Ключевые слова: научная дипломатия, США и СССР, идеология холодной войны, советские учёные, американские учёные

В книге рассматриваются причины, процесс и результаты политизации науки в ходе противостояния между СССР и США во времена холодной войны. Это нетривиальный взгляд на развитие науки с точки зрения использования её в разведывательных и пропагандистских целях. В целом, Одра Вулф исследует роль, которую учёные вместе с государственными деятелями и политиками сыграли в американской культурной и научной дипломатии после Второй мировой войны. В этот период США продвигали понимание науки, которое подчёркивало эмпиризм, объективность и интернационализм. Они старались сконструировать тесную идеологическую связь между понятиями «академическая свобода» и «политическая свобода», между понятиями «наука» и «идеология США», определяя американскую науку как противоположность коммунистической науки. «Лаборатория свободы», раскрывающая множество поразительных эпизодов тесных взаимоотношений между правительством США и частными научными группами, является первой работой, в которой исследуется связь науки с американской пропагандой и кампаниями психологической войны. В этой связи исследование Одры Вулф представляется крайне актуальным и важным в современном контексте обострившегося противостояния между Западом и Востоком, в котором научная дипломатия играет всё более значимую роль.

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 02.03.2021 г.

Принята к публикации: 09.04.2021 г.

На первый взгляд, наука по своей сути не может быть связана с политикой, так как эти две сферы общественных отношений основаны практически на противоположных нормах, правилах и ценностях. С другой стороны, ещё Френсис Бэкон, отец современной науки, в 1597 г. в своей книге «Священные размышления» популяризировал и секуляризировал с помощью латинского афоризма *ipsa scientia potestas est* («знание само по себе сила») богословский тезис о том, что знание – есть качество Бога, а Томас Гоббс, который был секретарём у Бэкона, впоследствии уже в «Левиафане» в 1668 г. придал этому афоризму всем известную формулировку *scientia potentia est* («знание – сила»). Изобретение учёными в XX в. атомной бомбы убедило даже самых заядлых скептиков среди политиков и государственных деятелей, что наука – это сила, притом сила политическая, способная стать решающим фактором победы или поражения в войне. Тесно соприкоснувшись с политикой в годы Второй мировой войны, наука, естественно, стала политизироваться, что особенно ярко проявилось в годы холодной войны.

По мнению Вульф, идеологические разногласия между американскими и советскими политическими деятелями особенно активно стали проявляться в 1950-х гг. В контексте этого противостояния американские идеологи, как показывает Вульф, стали продвигать идею, что «свободная и независимая» наука способствует демократизации, тогда как наука, находящаяся под контролем, может приводить к диктатуре или тоталитаризму. Академическая свобода тесно увязывалась с понятием «академического интернационализма» – обмен научной информацией и сотрудничество между учёными разных стран.

Научно-технический прогресс в Советском Союзе, очевидным доказательством которого был запуск первого искусственного спутника в 1957 г., вызывал растущие тревогу и опасения в США, что приводило к усилению политического давления американского правительства на учёных (Kaltofen, Acuto 2018).

Чтобы повысить престиж своей науки, правительство США стало явно и неявно убеждать общественность в том, что американская наука особенная и уникальная, так как она свободна от политики и государственного контроля. В силу этого она и есть истинная наука, так как только при политической свободе возможна свобода академическая, на которой наука и основана.

Пропаганда делала акцент именно на академической свободе. Американские учёные и государственные деятели осуждали политическое вмешательство в науку, выступая за необходимость «фундаментальной» науки как полностью аполитичной деятельности. Государственный департамент США, Информационное агентство США и ЦРУ принимали активное участие в распространении этой идеи и активно использовали её в идеологической войне с СССР.

В Советском Союзе науку рассматривали как общественный продукт, призванный служить на благо общества, науку нельзя отделять от общества, а, следовательно, и от политики. В частности, провозглашалось, что при социализме наука нацелена на рост благосостояния, тогда как «буржуазная наука» – на «знания ради самих знаний», что не способствует прогрессу общества.

Правительство США пропагандировало «научный интернационализм», рассматривая международный научный обмен в качестве источника конфиденциальной разведывательной информации. Вульф пишет, что такая научная политика проводилась с 1950-х гг. Созданное в 1947 г. ЦРУ ставило перед собой цель получить качественный поток информации о научных разработках в СССР. Госдепартамент США старался задействовать американских учёных в качестве информаторов во время их рабочих поездок по европейским странам и особенно в СССР. Тесно общаясь со своими советскими коллегами, они получали потенциально интересную для американской разведки информацию о положении науки, передовых исследованиях в СССР. По возвращении домой учёные предоставляли подробный отчёт о своей поездке. Используя эти отчёты, военные эксперты пытались, в частности, определить уровень вооружения Советского Союза.

Американцы способствовали свободному научному обмену со своими союзниками, в том числе с развивающимися странами, развивая тем самым свою научную дипломатию. Для продвижения идеалов аполитичной науки ЦРУ вело активное финансирование таких организаций как *Asia Foundation*, занималось переводом своих научных монографий и учебников; финансировало научные и научно-практические конференции; активно поддерживало тематические научные публикации и т.п.

Иллюстрируя отличия развития науки при демократическом и диктаторском режиме, автор обращается к истории генетических исследований в СССР, которые временно были запрещены. Американские учёные использовали пример «лысенковщины» для доказательства отсутствия академической свободы в СССР. Советская биология стала идеальной темой в идеологической войне между Востоком и Западом.

Советский агроном Трофим Лысенко начал проводить свои эксперименты в 1928 г. Семена обрабатывали сильнодействующими средствами для лучшего роста и повышения устойчивости к неблагоприятным погодно-климатическим условиям и низкой плодородности почв. В СССР в это время проводилась коллективизация, и задача предотвращения неурожая стояла очень остро. Воодушевлённый собственными агротехнологическими успехами, Лысенко принялся утверждать, что его подходы основаны на диалектико-материалистических принципах наследственности. Такой шаг не был необычным для того времени. В СССР была официальная философия науки – «диалектический материализм». Предполагалось, что научные теории, концепции, подходы и методы, официально принятые и используемые в СССР, должны не противоречить диалектическому материализму. В противном случае они могли попасть под запрет. Отвергая теорию основоположника наследственной генетики Грегора Менделя, советский агроном верил идеям Ламарка и доказывал возможность наследования приобретённых признаков. Многие советские учёные (самый известный среди них Н.Н. Вавилов) не были согласны с Лысенко. Однако Сталин был на

стороне Лысенко, потому что сам был ламаркистом и считая, что ламаркизм созвучен с принципами коммунистического строя.

После того как Лысенко переписал все учебники советской биологии, стало очевидно, насколько сильно советская власть вмешалась в работу учёных. Торжество Лысенко убедило американцев в том, что они единственные защитники научной истины. «Лысенковщина» – термин, обозначающий отсутствие академической свободы, когда наука превращается в послушный инструмент политической власти. Большинство признанных американских учёных и политиков резко критиковали положения, выдвинутые в советской биологии, и обвиняли советское руководство в разрушительном влиянии на науку.

Заключительная глава исследования посвящена советским учёным-диссидентам в 1970-х гг. Например, Юрию Орлову и Анатолию (Натану) Щаранскому было отказано в визе для эмиграции в Израиль. Самым известным учёным-диссидентом был академик Андрей Сахаров, создатель водородной бомбы и Нобелевский лауреат 1975 г. США активно использовали судьбы этих и многих других учёных-диссидентов, пострадавших от советской власти, в своих пропагандистских целях.

Вульф делает вывод, что наука не может быть абсолютно аполитичной, что она зависит от политического контекста, в котором функционирует. Влияние политики на науку неоспоримо (Pensa 2018). С теоретической точки зрения, индивидуалистический мир американского общества не приемлет любого общественного вмешательства в науку (Berkman 2019), однако история американской науки в эпоху холодной войны, восстановленная в книге Вульф, доказывает обратное. Наука не может быть аполитичной.

Книга основана на внушительном объёме документальных материалов, взятых из федеральных архивов, личной конфиденциальной переписки и рассекреченных брифингов американской разведки. В методологическом плане Одра Вульф обращается к теории пропаганды Лассуэлла, которая включает в себя частично черты бихевиоризма и фрейдизма (Kriger, Barth 2006).

Книга написана в публицистическом стиле. Слабые стороны проведённого исследования связаны с тем, что автор не использует переведённые на английский язык советские и российские исследования о советской науке в период холодной войны. Например, история «лысенковщины» довольно хорошо изучена и представлена в работах российских авторов. Знакомство с ними позволило бы Вульф уточнить некоторые её выводы.

Работа будет востребована специалистами по истории международных отношений и научной дипломатии особенно сегодня, когда США и Россия, к сожалению, опять возвращаются в своих отношениях к состоянию холодной войны.

Об авторе:

Константин Олегович Колпаков – заместитель председателя Общественного совета при Росотрудничестве. Ул. Воздвиженка, 18/9.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.8
Received: March 02, 2021
Accepted for publication: April 09, 2021

Scientific Diplomacy as an Element of the Cold War

K.O. Kolpakov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-2-77-130-134](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-130-134)

Rossotrudnichestvo

Book review: Wolfe A. 2018. *Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 312 p. ISBN: 9781421426730

Keywords: scientific diplomacy, the United States and the USSR, the ideology of the Cold War, Soviet scientists, American scientists

About the author:

Konstantin O. Kolpakov – Vice-Chair of Public Council at Rossotrudnichestvo. Vozdvizhenka St., 18/9.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Berkman P.A. 2019. Evolution of Science Diplomacy and Its Local-Global Applications. *European Foreign Affairs Review*. Special Issue №24. P.63–80.
- Kaltofen, C., Acuto M. 2018. Science Diplomacy: Introduction to a Boundary Problem. *Global Policy*. 9(3). P. 8–14.
- Krige, J., Barth K.H. 2006. Introduction: Science, Technology, and International Affairs. *Osiris*. 21(1). P.1–21
- Penca J. 2018. The Rhetoric of “Science Diplomacy”: Innovation for the EU’s Scientific Cooperation? *The EL-CSID Project*. Institute for European Studies. Working Paper №16. P. 1–16